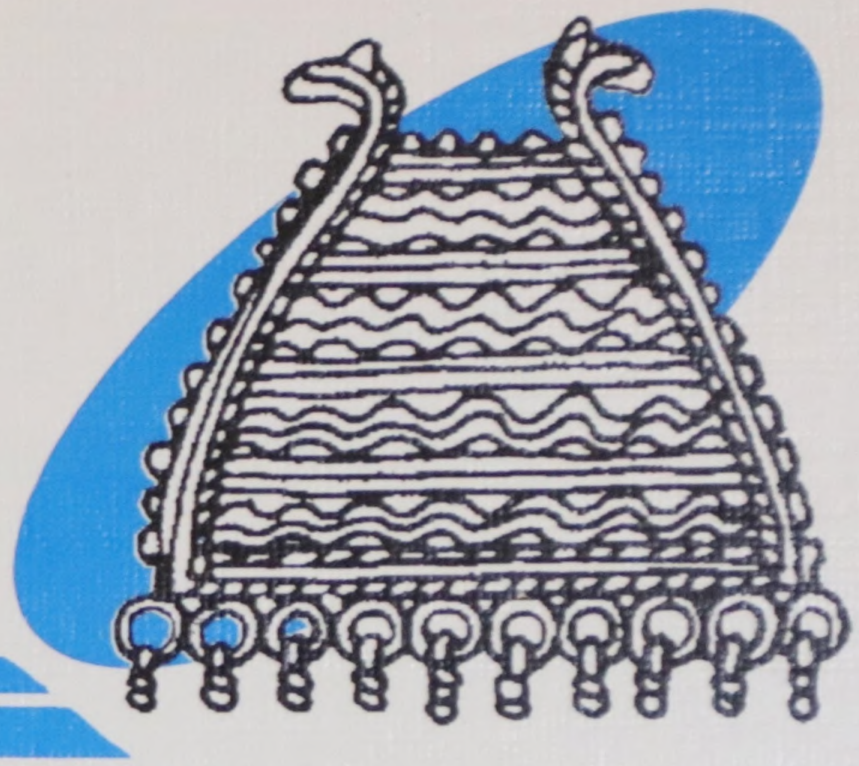
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2009

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2009, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Гаранин Л.А., Яруткина Ф.С. Инновационные процессы в профессиональном образовании финно-угорских регионов России 3

Данилко Е.С. «Склонность к расколу»: история распространения старообрядчества среди мордвы 22

Садиков Р.Р. Удмурты-«язычники»: история формирования, расселение и современное состояние этноконфессиональной группы (XVIII – начало XXI в.) 35

Лисовская Г.К. Жанровая стилистика творчества В.Савина в контексте эпохи и литературной традиции 54

СООБЩЕНИЯ

Ипакова М.Т. История изучения соматической лексики в финно-угорских языках 62

Ракин Н.А. О некоторых финно-угорских переводах «Калевалы» 69

Колчева Э.М. Юрий Таныгин: «Ребенок природы бескрайней» 76

Кувшинская Л.А. Из истории создания музея в Козьмодемьянске 85

Гришкина М.В., Шкляев А.Г. «Тангыра»: новая версия удмуртского эпоса . 97

ПЕРСОНАЛИИ

Козлова Е.В. К 170-летию со дня рождения Ивана Куратова 102

Галкин И.С. К 80-летнему юбилею Ф.И.Гордеева 105

Иванов И.Г. Е.Н. Мустаеву – 75 108

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Галкин И.С. Рец.: Липатов А.Т., Журавлёв С.А. Региональный словарь русской субстандартной лексики. – М., 2009. – 288 с. 111

Москвина Л.П. Рец.: Сануков К.Н. Валериан Михайлович Васильев: очерк жизни и деятельности. – Йошкар-Ола: Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности, 2007. – 172 с., илл. 116

Руденко К.А. Рец.: Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009. – 416 с., илл. 119

Востриков В.Г. Рец.: Навсегда у меня в сердце ты… Йошкар-Оле 425 лет. – Йошкар-Ола, 2009. – 263 с., илл. 125

Тараканов И.В. Рец.: Федюнева Г.В. Первичные местоимения и их производные в пермских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саранск, 2009. – 299 с. 128

Мустаев Е.Н. Рец: Янлакова Е.Л. Лексико-стилистические особенности языка произведений В.Колумба. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Йошкар-Ола, 2009. – 171 с. 135

ХРОНИКА

Садовин И.Г. Четвертый финно-угорский съезд 141

Молотова Т.Л. Межрегиональный фестиваль национального костюма «Марий вургем пайрем унала ӱжеш» («Праздник марийского костюма приглашает в гости») в Йошкар-Оле 146

Сведения об авторах 149

«Финно-угроведение», 2009, № 2

СТАТЬИ

Леонид Гаранин,
Фаина Яруткина
Йошкар-Ола

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Начало XXI века отмечено возрастанием роли образования, переходом его из статуса одного из факторов развития в статус приоритетного условия прогресса общества. XXI век объявлен ЮНЕСКО «веком образования».

Образование превратилось в мощную общественную силу, важнейший компонент социально-экономического, культурного и нравственного развития человека, сообществ, наций. Не случайно два последних десятилетия одной из острейших проблем был поиск наиболее эффективных путей развития образования.

Профессиональное образование является важной составной частью системы образования регионов с компактным проживанием финно-угорских народов. Оно развивается как звено в системе непрерывного образования, призванное удовлетворять потребности личности, общества и государства в получении послесреднего образования и профессиональной квалификации специалистов для всех отраслей экономики.

Именно профессиональное образование как наиболее технологичная и подвижная часть общей системы образования, образно говоря, «держит руку на пульсе» инновационных процессов в обществе, закладывает основы грядущих изменений в экономике, предопределяя, в конечном счете, ее развитие.

Реализация данной функции требует постоянной модернизации самой системы профессионального образования. Инновационные процессы в профессиональном образовании являются ведущим условием его обновления, обеспечивающим создание механизма его адаптации к новой экономической, социальной и демографической ситуации при сбалансированности с потребностями реального сектора экономики и рынка труда.

В регионах с компактным проживанием финно-угорских народов инновации в профессиональном образовании затрагивают в первую очередь организационно-управленческую структуру, реформирование сети образовательных учреждений и создание новых типов учебных заведений, содержание образования, технологии и формы организации образовательного процесса, внедрение новых экономических механизмов развития учреждений профессионального образования, активизацию государственно-частного партнерства образования и бизнес-сообщества.

Система профессионального образования в регионах включает образовательные учреждения трех уровней – начального, среднего и высшего, при этом везде проявляется тенденция сокращения первого уровня и значительного преобладания подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием.

В Республике Коми подготовка рабочих кадров ведется в 14 учреждениях начального профессионального образования, которые расположены практически на всей территории республики и являются территориально доступными для населения. В них реализуется 196 профессиональных образовательных программ.

Численность обучающихся в системе НПО на 1 января 2009 г. составляла 9362 человека, что на 25% меньше, чем в 2008 году. Причинами уменьшения контингента в начальном профессиональном образовании являются демографическая ситуация, а также реорганизация ряда учреждений начального профессионального образования в структурные подразделения техникумов. Ежегодный выпуск рабочих из учреждений НПО составляет более 4 тысяч человек.

Охват населения системой НПО в Республике Коми составляет 98 учащихся на 10 тысяч населения (по России – 108 человек).

В системе НПО обучается 20,4% возрастной группы населения 15–18 лет. Увеличилась доля желающих получить начальное профессиональное образование на базе основного общего образования (34% от численности выпускников 9-х классов) при значительном снижении интереса получения образования на базе среднего (полного) общего образования.

В системе среднего профессионального образования 29 учреждений СПО ведут подготовку специалистов по 78 специальностям, всего обучается более 17,5 тысячи студентов по всем формам обучения. По показателю охвата населения программами среднего профессионального образования система СПО уступает вузам, однако это соотношение также достаточно велико и составляет 184 человека на 10 тысяч населения (по России – 176 человек).

Выпуск специалистов со средним специальным образованием в 2009 году увеличился на 8% и составил более 4900 человек.

В системе высшего профессионального образования в республике функционируют 5 вузов и 21 филиал, в том числе 1 вуз и 6 филиалов имеют статус негосударственных образовательных учреждений.

Общий контингент студентов составляет около 36 тысяч человек или 345 на 10 тысяч населения (в России – более 500). 44% студентов учатся по очной форме обучения, 52% осваивают программы по заочной форме. Увеличилось число студентов, обучающихся платно. Если в 2004 году таких студентов было 46%; то в 2008 году – 52 процента.

При снижении числа бюджетных мест (3–5% ежегодно) количество студентов государственных вузов увеличивается, при этом доля студентов негосударственных вузов уменьшается (на 8–10% ежегодно).

Ежегодный выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием увеличивается – от 4500 человек в 2004 г. до 5900 человек – в 2008 году. Большая часть выпускников, более 30%, обучалась по направлению «гуманитарные науки».

Удмуртская Республика также обладает разветвленной системой профессионального образования, включающей все уровни.

Начальное профессиональное образование осуществляется в 32 государственных образовательных учреждениях начального профессионального образования с общим числом обучающихся около 13 тысяч человек. Обучение идет по 43 специальностям. Ежегодный выпуск рабочих кадров составляет около 7 тысяч человек.

Для обеспечения более качественного профессионального образования в республике создано 8 ресурсных центров по приоритетным отраслям промышленности. Осуществлен переход УНПО к системе подготовки кадров на договорной основе для предприятий республики, в соответствии с которой организуется производственная практика и дальнейшее трудоустройство выпускников.

Среднее профессиональное образование реализуется в 30 государственных образовательных учреждениях среднего профессионального образования, где обучается около 27,4 тысячи человек. Обучение ведется по 95 специальностям. Ежегодный выпуск специалистов со средним профессиональным образованием составляет около 10 тысяч человек.

Кроме этого, программы начального и среднего профессионального образования реализуются и в некоторых вузах республики.

Образовательную деятельность по программам высшего профессионального образования в Удмуртской Республике осуществляют 6 государственных учреждений, из них 5 вузов федеральных и 1 республиканский, а также 3 негосударственных образовательных учреждения.

В Удмуртской Республике последовательно происходит переход на двухуровневую систему подготовки кадров. В настоящее время в трех государственных вузах из шести ведется прием на программы бакалавриата и магистратуры.

В целях повышения эффективности использования бюджетных средств в Удмуртской Республике в автономные образовательные учреждения переведены пять учреждений начального и среднего профессионального образования.

Система профессионального образования Республики Карелия включает:

– 13 учреждений начального профессионального образования и 6 филиалов;

– 15 образовательных учреждений и 3 филиала учреждений среднего профессионального образования;

– 3 образовательных учреждения и 5 филиалов учреждений высшего профессионального образования.

Образовательные учреждения начального и среднего профессионального образования республики осуществляют подготовку по 57 рабочим профессиям, 73 специальностям среднего профессионального образования, 54 программам дополнительной подготовки.

Общее количество обучающихся и студентов в Удмуртской Республике в 2008–2009 учебном году в учреждениях начального профессионального образования составило 4175 человек, в учреждениях среднего профессионального образования – 9278 человек.

Выпуск специалистов учреждениями профессионального образования в 2009 году составил 7047 человек, из них по программам начального профессионального образования – 2312 человек, по программам среднего профессионального образования – 2301 человек, по программам высшего профессионального образования – 2434 человека.

В Пермском крае система начального профессионального образования объединяет 58 учебных заведений краевого подчинения и 6 – федерального. В них обучается более 30 тысяч молодых людей. В учреждениях НПО получают профессиональную подготовку около 20% населения в возрасте 15–18 лет, то есть 25% выпускников 9-х классов и 10% выпускников полной (средней) школы. Ежегодный выпуск специалистов составляет около 11 тысяч человек.

В Пермском крае в учреждениях начального профессионального образования ведется подготовка по 113 профессиям, что свидетельствует о возможности выбора образовательных программ. С каждым годом в связи с приоритетами развития экономики Пермского края увеличивается прием по строительным профессиям, профессиям и специальностям машиностроительного профиля, востребованным на промышленных предприятиях.

В Республике Марий Эл система профессионального образования включает 6 учреждений начального профессионального образования; 26 учреждений среднего профессионального образования, в том числе 19 республиканских техникумов и колледжей, 4 федеральных, 3 негосударственных; 9 учреждений высшего профессионального образования, в том числе: 2 университетских комплекса на базе образовательных учреждений высшего профессионального образования «Марийский государственный технический университет» и «Марийский государственный университет», 1 негосударственный вуз, 6 филиалов государственных и негосударственных вузов.

В учреждениях профессионального образования республики подготовка ведется по 92 профессиям начального профессионального, 74 специальнос-

тям среднего профессионального и 108 специальностям высшего профессионального образования.

В соответствии с потребностями экономики снижается прием по гуманитарным, экономическим и педагогическим специальностям, увеличивается количество бюджетных мест по техническим, строительным и сельскохозяйственным специальностям.

Общий контингент учащихся и студентов в системе профессионального образования республики составляет 51 624 человека, из них обучаются по рабочим профессиям 5 196 учащихся; по специальностям среднего профессионального образования 14 208 студентов; по специальностям высшего профессионального образования 32 220 студентов. В Республике Марий Эл в соответствии с изменением демографической ситуации количество обучающихся в учреждениях начального профессионального образования снизилось со 158 до 97 человек на 10 тысяч населения; в учреждениях среднего профессионального образования это число составляет – 211, вузах – 340 человек.

В Республике Мордовия рабочие кадры для отраслей экономики готовят 16 учреждений начального профессионального образования, в них обучается почти 7 тысяч учащихся по 69 профессиям.

Система среднего профессионального образования в республике включает 15 техникумов и 11 колледжей, общая численность студентов в них составляет более 14 тысяч человек, подготовка ведется по 57 специальностям.

Новый этап развития региональных систем профессионального образования начался в связи с передачей учреждений начального профессионального образования в 2005 году в ведение субъектов Российской Федерации.

Передача учреждений НПО в ведение субъектов РФ создавала возможность использования региональной системы НПО как важнейшего фактора социально-экономического развития территории через формирование кадрового потенциала. Региональным системам профессионального образования предстояло преодолеть отставания в структуре, объемах и качестве подготовки квалифицированных рабочих и специалистов от современных требований работодателей. После передачи учреждений профессионального образования в ведение субъектов Российской Федерации основной функцией системы была признана экономическая, а основным ориентиром развития становится ситуация в экономике и на региональном рынке труда.

В связи с этим во всех регионах приняты программы развития образования, которые определяют основные стратегические направления модернизации профессионального образования в соответствии с приоритетами социально-экономического и культурно-национального развития каждого региона.

Стратегические направления развития профессионального образования Удмуртской Республики отражены в Программе социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2005–2009 годы.

Основные направления модернизации профессионального образования представлены в Республиканской целевой программе «Сохранение и развитие кадрового потенциала производственной сферы на 2007–2009 годы – «Рабочая смена». Программа включает в себя мероприятия по созданию организационных и материальных условий для повышения качества подготовки рабочих кадров, совершенствованию содержания начального профессионального образования в соответствии с требованиями экономики, развитию социального партнерства в подготовке рабочих кадров.

Решением Межведомственного координационного совета по подготовке кадров в Удмуртской Республике, Министерством образования и науки Удмуртской Республики совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами принята концепция и разрабатывается новая республиканская целевая программа «Развитие начального и среднего профессионального образования Удмуртской Республики на 2010–2014 годы – «Рабочая смена-2».

В Республике Коми утверждена республиканская целевая программа «Развитие системы профессионального образования Республики Коми на 2009–2010 годы» и ведомственная целевая программа «Обеспечение материально-технической и ресурсной оснащенности образовательных учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования, находящихся в государственной собственности Республики Коми (2009–2011 годы)».

В Республике Карелия действует отраслевая целевая программа «Развитие образования в Республике Карелия в 2008–2010 годах», утвержденная распоряжением Правительства Республики Карелия в 2007 году.

В Республике Марий Эл разработано и реализовано несколько программных документов по модернизации системы профессионального образования, наиболее важными из которых являются «Программа реструктуризации сети учреждений профессионального образования на 2005–2007 годы» и «Комплекс межведомственных мероприятий по обеспечению экономики Республики Марий Эл квалифицированными кадрами специалистов на период до 2010 года», утвержденные постановлением Правительства Республики Марий Эл.

Республиканская целевая программа «Рабочие кадры Республики Марий Эл на 2009–2012 годы» на новом этапе продолжает системные изменения, достигнутые в ходе реструктуризации профессионального образования. Целью Программы является формирование необходимых условий и механизмов управления формированием, сохранением, воспроизводством кадрового потенциала и повышение эффективности профессионального образования в обеспечении организаций реального сектора экономики квалифицированными рабочими кадрами.

Наиболее актуальными и важными для реализации государственной политики в сфере профессионального образования и подготовки кадров для отраслей экономики республики является организация межведомственных мероприятий в рамках реализации программы, которые направлены на организацию

системного мониторинга текущих и прогнозирование перспективных потребностей отраслей экономики в квалифицированных рабочих и специалистах, формирование государственного заказа на подготовку кадров; развитие государственно-частного партнерства в системе профессионального образования; укрепление материально-технической базы образовательных учреждений, создание отраслевых ресурсных центров на базе многоуровневых образовательных учреждений; совершенствование содержания образования и технологий обучения; внедрение независимой системы оценки качества подготовки квалифицированных рабочих и специалистов; формирование комплексной системы профессиональной ориентации, сопровождение профессиональной карьеры молодежи и организацию допрофессиональной подготовки в общеобразовательных учреждениях республики.

Нормативной основой модернизации профессионального образования в Республике Мордовия является «Программа развития образования на 2007–2010 годы». Она предусматривает такие основные направления реформирования системы профессионального образования, как реструктуризация сети образовательных учреждений; внедрение моделей интегрированных образовательных учреждений; расширение взаимодействия учреждений профессионального образования с работодателями и развитие государственно-общественного управления в целях повышения открытости и инвестиционной привлекательности сферы образования; переход на новую систему оплаты труда работников образования и нормативное финансирование образовательных учреждений.

В настоящее время в стадии разработки находится «Программа модернизации профессионального образования в Республике Мордовия на 2010–2015 годы», где также предполагается внедрение комплекса мероприятий по развитию сети многоуровневых образовательных учреждений и совершенствованию механизмов социального партнерства.

Изменения социально-экономической и демографической ситуации в регионах обусловили необходимость организационных инноваций в профессиональном образовании, реструктуризацию сети образовательных учреждений, развитие взаимодействия между различными уровнями профессионального образования, формирование многоуровневых и интегрированных образовательных структур.

Данное направление инновационных изменений соответствует международным тенденциям сочетания централизации и децентрализации в управлении системой образования в целях оптимизации сети образовательных учреждений, обеспечения внутренней преемственности между сегментами и уровнями системы, формирования многоуровневых учебных заведений, которые могут максимально удовлетворить потребности в обучении с учетом специфики регионального рынка труда.

Преимущества интегрированных образовательных структур заключаются в концентрации ресурсов на стратегически важных направлениях; повышении

устойчивости и управляемости как отдельных образовательных комплексов, так и региональной системы образования в целом; возрастании экономичности системы профессионального образования в связи с эффектом масштаба; более полном и эффективном использовании материально-технической базы и современных технических средств обучения.

Практика реструктуризации сети учреждений профессионального образования в финно-угорских регионах показала, что многоуровневые образовательные учреждения чаще всего создаются на базе колледжей как инновационных учебных заведений. При создании данного типа образовательного учреждения использовались интеграционные процессы двух уровней:

горизонтальная интеграция, при которой объединяются специальности разной направленности и формируется многопрофильная структура подготовки в одном учебном заведении;

вертикальная интеграция, направленная на создание системы непрерывного профессионального образования и внедрение в образовательный процесс интегрированных образовательных программ.

Вертикальная интеграция программ НПО-СПО базового уровня – СПО повышенного уровня (колледж) особенно актуальна для системы образования малых и средних городов, центров муниципальных образований, чаще всего не имеющих высших учебных заведений. Возможность получить профессиональное образование нескольких уровней в одном учебном заведении способствует закреплению кадров, сокращает расходы населения на образование.

Развитие многоуровневых и многопрофильных учреждений профессионального образования соответствует тенденции развития плюрализма в организации деятельности системы образования, повышает динамизм и адаптационные возможности учебных заведений, что является особенно важным в решении задач регионального характера, способствует росту доступности получения профессионального образования различных уровней.

Многоуровневое образовательное учреждение – новая модель образовательного учреждения, в котором наряду с реализацией программ среднего профессионального образования базового и повышенного уровня сохранена реализация программ начального профессионального образования. Это дает возможность расширять рынок образовательных услуг, повышать качество и обеспечивать непрерывность профессионального образования.

В Республике Коми создано 6 многоуровневых образовательных учреждений, реализующих программы начального профессионального и среднего профессионального образования. В своей деятельности учреждения руководствуются Типовым положением о среднем профессиональном образовании и начальном профессиональном образовании.

Увеличивающееся количество учебных заведений, реализующих программы начального профессионального и среднего профессионального образования (в гг. Сыктывкаре, Усинске, Воркуте, Печоре, с. Выльгорт), привело к по-

вышению интереса выпускников школ к получению образования по интегрированным программам.

В Удмуртской Республике создание многоуровневых учреждений профессионального образования как отдельных юридических лиц осуществляется с 2007 года. Произошло объединение Увинского педагогического училища и профессионального училища № 37 в профессиональный колледж.

В дальнейшем планируется создание многоуровневых учреждений в шести образовательных округах республики. В республиканской целевой программе «Развитие начального и среднего профессионального образования Удмуртской Республики на 2010–2014 годы – «Рабочая смена-2» предусмотрено к 2014 году объединение 60% учреждений НПО и СПО в многоуровневые учреждения.

Кроме того, в Удмуртской Республике осуществляется реализация программ НПО в учреждениях среднего профессионального образования и программ СПО в учреждениях высшего профессионального образования. В настоящее время 8 учреждений среднего профессионального образования и 3 высших учебных заведения реализуют программы непрерывного профессионального образования.

В Республике Карелия проведена серьезная работа по модернизации учреждений профессионального образования. Оптимизация и реструктуризация сети учреждений профессионального образования осуществляется в соответствии с «Программой оптимизации системы начального профессионального образования Республики Карелия», которая была рассмотрена и утверждена решением Коллегии Министерства образования 23 января 2004 года и получила дальнейшее развитие в «Программе развития образования Республики Карелия».

В 2008 году путем укрупнения или реорганизации существующих учреждений начального профессионального образования были созданы многоуровневые, многопрофильные учебные заведения. Так, профессиональный лицей № 1 и профессиональное училище №19 преобразованы в индустриальный колледж, профессиональный лицей №12 реорганизован в колледж технологии и предпринимательства, Сортавальский торгово-экономический техникум и Сортавальский сельскохозяйственный техникум преобразованы в многоуровневое учреждение среднего профессионального образования Сортавальский колледж.

В Республике Марий Эл программа реструктуризации сети учебных заведений была выстроена с учетом стратегии социально-экономического развития республики, потребности регионального рынка труда в квалифицированных кадрах, перспективы развития и потенциальных возможностей образовательных учреждений.

Цели реструктуризации были направлены на обеспечение доступности начального и среднего профессионального образования; преодоление структурного дисбаланса между системой образования и потребностями рынка труда; повышение привлекательности начального профессионального образования за счет предоставления возможности получения среднего профессионального обра-

зования в том же образовательном учреждении, расширение участия работодателей и социальных партнеров в развитии ресурсного обеспечения профессионального образования.

На первом этапе (2005–2006 гг.) из 24 учреждений НПО, переданных в ведение Республики Марий Эл, сохранены на республиканском уровне 15 учреждений НПО, финансирование которых по итогам разграничения полномочий стало осуществляться за счет средств республиканского бюджета. К началу 2006 года система профессионального образования республики характеризуется укрупнением и изменением статуса учреждений начального профессионального образования за счет создания 3 многоуровневых образовательных учреждений.

На втором этапе (2006–2007 гг.) проведен анализ функционирования многоуровневых образовательных учреждений, созданных на первом этапе реструктуризации. Выявлены позитивные изменения в жизнедеятельности многоуровневых образовательных учреждений, выразившиеся в расширении профилей подготовки, повышении доли образовательных программ, согласованных с работодателями, увеличении количества договоров с социальными партнерами. В связи с этим было принято решение о расширении практики создания многоуровневых учебных заведений. Таким образом, в соответствии с «Программой реструктуризации профессионального образования на 2005–2007 годы», в республике было создано девять многоуровневых образовательных учреждений:

2005–2006 гг.	2007 г.
Торгово-технологический колледж	Марийский политехнический техникум
Йошкар-Олинский техникум сервисных технологий	Аграрно-строительный техникум
Строительно-промышленный колледж	Аграрно-технологический техникум
Автодорожный техникум	Марийский лесохозяйственный техникум
Техникум отраслевых технологий	

Опыт создания и функционирования учебного заведения, в котором реализуются программы начального и среднего профессионального образования, особенно актуальным оказался для сельской местности. Подростки, в 15–16 лет уезжая из дома для продолжения образования, как правило, редко возвращаются обратно. Правительством республики было принято решение о том, чтобы среднее профессиональное образование приблизить к потребителю, так как создание многоуровневых образовательных учреждений на базе учреждений начального профессионального образования позволяет молодежи получать довузовское профессиональное образование в своем районе.

В результате, в селе Вятское успешно функционирует аграрно-строительный техникум, в Морках – аграрно-технологический техникум, в поселке Параньга – строительно-технологический техникум, в Оршанке – Оршанский инду-

стриальный техникум. Реализация более сложных программ среднего профессионального образования потребовала модернизации образовательного процесса, поэтому были предприняты определенные меры по укреплению материальной базы, кадрового потенциала учреждений нового статуса.

В системе высшего профессионального образования в условиях модернизации с целью повышения качества профессионального образования, эффективного использования финансовых, учебно-материальных и человеческих ресурсов созданы 2 университетских комплекса. В состав Марийского государственного технического университета вошли в качестве структурных подразделений одно училище и три техникума. Принцип многоуровневой непрерывной подготовки в Марийском государственном университете подкреплен включением в его состав Марийского аграрного колледжа. За счет этого будущие агрономы, зоотехники и другие специалисты сельского хозяйства вначале получают среднее специальное образование, а затем повышают свою квалификацию в Аграрно-технологическом институте МарГУ.

В Республике Мордовия в период 2007–2009 годов проведено укрупнение 6 учреждений НПО путем присоединения к ним малочисленных сельских училищ. Вместе с тем 3 учреждения НПО были присоединены к колледжам и созданы многоуровневые образовательные учреждения, реализующие программы двух уровней: начального и среднего профессионального образования.

Кроме того, ведется реорганизация ряда учреждений НПО в учреждения СПО, что также предполагает расширение спектра образовательных программ и введение системы непрерывного профессионального образования. В течение последних трех лет 7 училищ и лицеев республики получили статус учреждения СПО.

Интеграционные процессы активно идут во всех образовательных учреждениях республики, апробируются различные модели интеграции. В 10 учреждениях СПО организована многоуровневая подготовка специалистов, что позволяет обучать рабочих высокой квалификации и затем готовить их как специалистов среднего звена. Ряд учебных заведений имеет опыт интеграции с вузами. Так, в 2006 году на базе Алексеевского индустриального техникума открыто представительство Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

В республике в настоящее время прорабатывается программа по интеграции вузов, учреждений профессионального образования и предприятий реального сектора экономики путем создания учебно-производственных и образовательно-производственных комплексов.

Изменившиеся политические и социально-экономические условия жизни регионов с компактным проживанием финно-угорских народов привели к необходимости глубокого трансформирования существовавших ранее взаимоотношений между системой образования и окружающей его социальной и экономической средой путем развития социального партнерства.

Одним из приоритетных направлений развития социального партнерства в профессиональном образовании финно-угорских регионов становится формирование устойчивой взаимосвязи образовательных учреждений и реального производства с целью преодоления относительной изоляции системы профессионального образования от рынка труда, качественных и количественных различий между спросом и предложением на рынке труда, вызванных стремительными экономическими и социальными переменами.

В настоящее время у руководителей предприятий складывается новая система требований к специалистам. Им нужны универсалы, которые умеют справляться с проблемными задачами, находить выход из сложных производственных ситуаций. Работодатели заинтересованы не только в профессиональной квалификации выпускников, но и в таких их личных и функциональных качествах, как воспитанность, ответственность, определенный уровень общей культуры. Требуется иной ракурс рассмотрения, в котором не знания как таковые, а компетенции станут определяющим фактором, отвечающим новым требованиям и непосредственным потребностям рынка труда.

В соответствии с этим определяющее значение для развития профессионального образования имеет государственно-частное партнерство образования и работодателей, обновление содержания образования, внедрение механизмов государственно-общественного управления профессиональным образованием, формирование государственного регионального задания на подготовку кадров.

В Республике Коми государственное задание на подготовку кадров представлено приказом Министерства образования Республики Коми. Механизм согласования цифр приема определен схемой, активными участниками которой являются Министерство экономического развития РК; Министерство образования и высшей школы РК; Управление Республики Коми по занятости населения; Республиканский центр профориентации.

Работодатели представляют заявки в образовательные учреждения на подготовку кадров, гарантируя, по крайней мере, прохождение практики. В настоящее время такие заявки составляют не более 40% от возможностей образовательных учреждений.

Образовательные учреждения направляют свои предложения в Министерство образования Республики Коми, где цифры приема корректируются с учетом прогнозной потребности, представленной Министерством экономического развития РК.

Государственно-общественное управление в системе профессионального образования Республики Коми осуществляется через Советы директоров учреждений НПО, учреждений СПО, Совет ректоров вузов.

В Удмуртской Республике развитие системы государственно-общественного партнерства в управлении профессиональным образованием осуществляется через взаимодействие учреждений профессионального образования с работодателями и создание наблюдательных советов при вузах.

Подписано Соглашение о взаимодействии между Министерством образования и науки Удмуртской Республики и промышленно-экономической ассоциацией «Развитие» по учету требований работодателей к качеству подготовки кадров.

Осуществлен переход к системе подготовки кадров на договорной основе для предприятий республики, в соответствии с которой организуется производственная практика и дальнейшее трудоустройство выпускников. По прямым договорам с предприятиями с полным возмещением затрат подготовлено более 8 тыс. рабочих и специалистов со средним профессиональным образованием.

В 10 учреждениях профессионального образования, расположенных на территории Удмуртской Республики, созданы попечительские советы учреждений. Во всех учреждениях начального и среднего профессионального образования действуют Советы образовательных учреждений, в которые входят представители работодателей.

В целях усиления соответствия подготовки квалифицированных рабочих кадров по профессиям начального и среднего профессионального образования требованиям социально-экономического комплекса Удмуртской Республики ежегодно формируется задание на подготовку кадров по профессиям начального и среднего профессионального образования в государственных учреждениях профессионального образования.

Набор в учреждения начального профессионального образования формируется исходя из среднесрочного прогноза потребностей в рабочих кадрах регионального и муниципального рынка труда, а также заявок предприятий Удмуртской Республики и демографической ситуации.

Формирование набора студентов в республиканские ссузы ежегодно согласовывается с Министерством труда Удмуртской Республики, Управлением федеральной государственной службы занятости населения по Удмуртской Республике и министерствами, в ведении которых находятся учебные заведения республики.

В Республике Карелия государственный заказ на подготовку рабочих кадров формируется с учетом реального заказа работодателей и потребностей предприятий республики на основе мониторинга трудоустройства выпускников по каждой профессии и специальности, а также анализа обращений в службы занятости.

Ежегодно заключаются договоры с учебными заведениями по целевой подготовке кадров по рабочим профессиям. Систематически проводится работа по мониторингу рынка труда, выявлению наиболее востребованных профессий. С учетом этого формируются и согласовываются с Министерством труда и занятости Республики Карелия плановые задания приема в учреждения начального и среднего профессионального образования.

За последние три года началась подготовка по новым профессиям начального профессионального образования, в том числе: «Судостроитель-судоремонтник металлических судов», «Машинист трелевочных и лесозаготовительных машин», «Машинист на открытых горных работах» и т.д. С учетом требований рынка труда идет подготовка по новым специальностям среднего профессионального

образования: «Гостиничный сервис», «Туризм», «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», «Сварочное производство», «Охотоведение» и др.

В практику учреждений начального профессионального образования вводится подготовка граждан по профессиям из Регионального перечня интегрированных профессий НПО, например, «Монтажник санитарно-технического оборудования» с получением дополнительной профессии «Сварщик»; «Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования» с получением дополнительной профессии «Электросварщик»; «Судостроитель, судоремонтник металлических судов» с получением дополнительной профессии «Электрогазосварщик».

Наряду с услугами по предоставлению начального и среднего профессионального образования учреждения начального и среднего профессионального образования Республики Карелия осуществляют подготовку, переподготовку и повышение квалификации населения.

Особое внимание уделяется привлечению работодателей к подготовке кадров для высокотехнологичных производств. В течение 2008–2009 учебного года проведены Круглые столы с участием Правительства Республики Карелия, руководителей ведущих предприятий республики, руководителей учреждений профессионального образования по подготовке рабочих кадров для отраслей экономики республики.

На базе учебных заведений начального и среднего профессионального образования республики созданы и активно работают 13 Республиканских учебно-производственных лабораторий по приоритетным, наиболее востребованным и высокотехнологичным профессиям и специальностям (сварщик, мастер отделочных строительных работ, повар, электромонтер, водитель, токарь, парикмахер, гостиничный сервис, мастер столярно-плотничных работ, тракторист, бухгалтер).

В рамках лабораторий более 130 преподавателей и мастеров производственного обучения образовательных учреждений профессионального образования республики обмениваются опытом работы, знакомятся с современным оборудованием, встречаются с работодателями, разрабатывают конкурсные задания.

В целях повышения престижа рабочих профессий, качества подготовки рабочих кадров и специалистов, совершенствования механизмов взаимодействия рынка труда и профессионального образования ежегодно в республике проводится неделя профессионального мастерства «Пусть мастерами славится Россия». В 2009 году в Неделе приняли участие все учреждения начального и среднего профессионального образования Карелии. Конкурсы профессионального мастерства прошли по 12 наиболее востребованным на рынке труда профессиям.

В Республике Мордовия развитие государственно-частного партнерства в профессиональном образовании происходит в двух приоритетных направлениях: участие работодателей в создании ресурсных центров на базе учреждений профессионального образования в рамках приоритетного национального проекта «Образование» и создание образовательно-производственных комплексов.

В 2008 году 3 учреждения профессионального образования в Республике Мордовия стали победителями конкурсного отбора в рамках нацпроекта «Образование», на их базе при участии работодателей реализуются инновационные образовательные программы по созданию ресурсных центров в области машиностроения, сварочного производства, строительства. В 2009 году на базе Кемлянского аграрного колледжа создается ресурсный центр сельскохозяйственного профиля.

Образовательно-производственные комплексы создаются как добровольное объединение (ассоциация) образовательных учреждений различного уровня, предприятий (организаций), отраслевых министерств и ведомств с целью взаимного сотрудничества по совершенствованию системы подготовки кадров в соответствии с задачами инновационного развития экономики региона, интеграции интеллектуальных и материально-технических ресурсов, внедрения научных разработок в образовательный процесс и производство.

В настоящее время в Республике Мордовия ведется организационная работа по созданию четырех образовательно-производственных комплексов на базе образовательных учреждений.

В Пермском крае в системе начального и среднего профессионального образования реализуется региональный инновационный проект вовлечения работодателей в процесс формирования и размещения государственного задания в учреждения профессионального образования. Цель проекта – гармонизация функционирования динамично развивающихся рынков труда и профессий и формирующегося рынка образовательных услуг. Система заявок работодателей на подготовку кадров обеспечила повышение уровня обоснованности госзадания в сфере НПО и СПО на основе оценки потребностей реальной экономики в соответствующем персонале. Работодатели заявляют свою потребность в кадрах через систему сертификатов, которые они направляют через электронную систему в образовательные учреждения. Это принципиально изменило систему формирования и финансирования государственного заказа в начальном и среднем профессиональном образовании. Сертификаты позволяют бизнесу выбирать образовательные учреждения и направлять в них абитуриентов для подготовки за счет краевых средств. Министерство образования Пермского края согласовывает объем и структуру приема в учреждения профессионального образования с учетом подтверждения сертификатами потребностей экономики в подготовке рабочих и специалистов.

В систему обращения сертификатов вошли крупнейшие предприятия и организации региона, а также предприятия малого и среднего бизнеса, в том числе 91 индивидуальный предприниматель.

В 2009 году государственное задание в учреждения НПО составило 9690 человек по 85 профессиям, в учреждения СПО – 4027 человек по 69 специальностям, что подтверждено заявками работодателей на 34% и 35% соответственно. Количество заявок в форме электронных сертификатов снизилось по сравнению с прошлым годом, что объясняется сложной экономической ситуацией в

крае. Другая проблема, которую высветила система сертификатов, – неготовность работодателей прогнозировать потребность в специализированных кадрах на продолжительный срок, планомерно работать по развитию персонала и принятию на себя обязательств по приему на работу выпускников сферы НПО и СПО на заранее согласованных (на 2–3 года) условиях найма.

В Республике Марий Эл в соответствии с постановлением Правительства Республики Марий Эл в 2006 году создан межведомственный Республиканский координационный совет по подготовке квалифицированных рабочих и специалистов, определен его персональный состав. В него вошли представители Минэкономразвития, Минсельхоза, Министерства строительства и архитектуры, Торгово-промышленной палаты, службы занятости, Госкомпрофобра. Благодаря работе Совета в республике не произошло резкого сокращения учебных заведений в период демографического спада, созданы многоуровневые образовательные учреждения, в учебных заведениях сохранена общеобразовательная подготовка.

Республиканским координационным советом утвержден механизм создания отраслевых ресурсных центров по подготовке и переподготовке рабочих и специалистов на базе многоуровневых образовательных учреждений. В соответствии с перспективами социально-экономического развития республики, приоритетными отраслями экономики и предварительными прогнозными потребностями предприятий и организаций в кадрах рабочих и специалистов определены профили ресурсных центров: сельское хозяйство, строительство, промышленность, торговля и общественное питание. Рассмотрены возможность участия работодателей и механизм создания отраслевых ресурсных центров по подготовке и переподготовке рабочих и специалистов на базе учреждений профессионального образования, утвержден состав рабочих групп по созданию центров. Разработано типовое положение об отраслевом ресурсном центре, который является структурным подразделением образовательного учреждения, и на базе которого реализуется обучение по современным производственным технологиям, происходит отработка программ производственного обучения на повышенный разряд, организация и проведение сертификации профессиональных квалификаций выпускников учреждений профессионального образования.

Ежегодно с 2007 года Министерством экономического развития, промышленности и торговли РМЭ проводится мониторинг потребности в квалифицированных рабочих, специалистах в организациях и на предприятиях республики по наиболее востребованным профессиям и специальностям в разрезе видов экономической деятельности. Госкомпрофобру предоставляется среднесрочный прогноз кадровых потребностей экономики и социальной сферы республики в разрезе профессий/специальностей подготовки, а также уровней профессионального образования.

При формировании государственного задания на подготовку специалистов и квалифицированных рабочих учреждения профессионального образования изучают потребности предприятий и организаций в трудовых ресурсах. Разра-

ботан порядок организации работы образовательного учреждения и перечень документов, необходимый для получения государственного задания на подготовку квалифицированных рабочих и специалистов. В соответствии с этим учреждения профессионального образования проводят маркетинговые исследования локальных рынков труда, заключают договоры с предприятиями на подготовку кадров, согласовывают контрольные цифры приема с центрами занятости и администрациями муниципальных образований. Проект предложений образовательных учреждений по формированию госзадания проходит процедуру обсуждения и защиты на заседании комиссии Госкомпрофобра.

Результатом взаимодействия образования и бизнеса явилась победа в 2008 году – трех, а в 2009 году – четырех образовательных учреждений в конкурсе приоритетного национального проекта «Образование». Победителями стали Марийский радиомеханический техникум, Йошкар-Олинский строительный техникум, Торгово-технологический колледж, Марийский политехнический техникум, Строительно-промышленный колледж. Республика Марий Эл вышла на второе место в Российской Федерации по разработке инновационных образовательных программ подготовки рабочих и специалистов для высокотехнологичных производств, удостоенных государственной поддержки.

Реализация проекта предполагает развитие государственно-частного партнерства в системе профессионального образования, подготовку и переподготовку кадров с участием стратегических партнеров образовательных учреждений, планирует создать образовательно-производственные базы подготовки и переподготовки кадров машиностроительных и обслуживающих предприятий нефтегазового хозяйства, инкубатор строительных технологий для интеграции образования и производства, модернизировать содержание подготовки и переподготовки специалистов в сфере высокотехнологичных ресурсосберегающих производств деревообрабатывающей отрасли, организовать систему непрерывной подготовки и опережающего обучения специалистов общественного питания и гостиничного сервиса.

Актуализация проблем государственно-частного партнерства становится все более очевидной, без совместного участия учреждений профессионального образования и бизнес-сообщества невозможно подготовить востребованных квалифицированных рабочих и специалистов.

Тенденции к усилению взаимодействия характерны для всех регионов финно-угорской группы и проявляются в разных направлениях сотрудничества. Во-первых, характерными чертами являются договорные отношения различных бизнес-структур с учреждениями профессионального образования, направленные на подготовку востребованных рабочих и специалистов как в массовом масштабе, так и в индивидуальном порядке. Во-вторых, совместные усилия направлены на создание различных общественных, консультативных, государственных советов, комиссий, через которые осуществляется конкретная работа заинтересованных органов власти и бизнеса по решению проблем подготовки кадрового потенциала.

Мы находимся в начале пути, формы государственно-частного партнерства в решении кадровых проблем для экономики регионов России должны получить необходимое нормативно-правовое подкрепление, в первую очередь это касается законодательного закрепления ответственности сторон, налоговых преференций для предприятий, активно вкладывающих инвестиции в подготовку и переподготовку кадров. Данные процессы должны быть отрегулированы на уровне федерального законодательства.

В начала XXI века процессы модернизации профессионального образования в финно-угорских регионах России направлены на адаптацию деятельности в условиях рыночного механизма экономики. С учетом передачи финансирования на региональный уровень была проведена работа по перестройке и реструктуризации учреждений начального и среднего профессионального образования, произошло укрупнение и совершенствование их материальной базы, кадрового потенциала, что позволило повысить качество подготовки учащихся и студентов, обеспечить их востребованность на рынке труда.

Самой жизнью была вызвана потребность в создании нового типа учреждений многоуровневой подготовки, цель которых – обеспечить жизнеспособность, устойчивость работы профессиональных коллективов, расширить договорную подготовку с предприятиями малого и среднего бизнеса, в том числе и индивидуальную подготовку по отдельным профессиям и специальностям. В кризисных условиях развития экономики на них ложится основная нагрузка по переподготовке незанятого населения, повышению квалификации рабочих по договорам с различными формами предпринимательства.

Учреждения многоуровневой подготовки стали опорной базой в создании ресурсных центров, позволили расширить правовые рамки их самостоятельной деятельности, профили профессий и специальностей, они стали более адаптированными и конкурентоспособными на рынке труда и образовательных услуг. Новый тип образовательного учреждения, рожденный творчеством менеджеров профессионального образования, уверенно занял ведущие позиции в подготовке квалифицированных рабочих и специалистов в рассматриваемых финно-угорских регионах России.

Одним из направлений развития непрерывного профессионального образования в регионах являются интеграционные процессы высшего, среднего и начального профессионального образования. Особенно наглядно это видно на примере Республики Марий Эл, где были созданы два университетских комплекса, позволяющие вести подготовку по всем ступеням профессионального образования. В рамках университетских комплексов удалось объединить и укрепить материальную базу и на этой основе ввести новые специальности и профессии, обеспечить устойчивые связи всех уровней подготовки в системе непрерывного профессионального образования. Так, в Марийский государственный технический университет вошли не только учебные заведения Республики Марий Эл, но и соседней Республики Чувашии – Марпосадский лесохозяйствен-

ный техникум, что позволяет сосредоточить подготовку специалистов лесопромышленного комплекса для всей зоны Поволжья и Волго-Вятского региона, эффективнее использовать лучших преподавателей и профессоров, лабораторную, производственную и научную базу. В условиях демографического спада объединение учреждений начального и среднего профессионального образования с вузовской базой обеспечивает оперативное планирование профессий, специальностей с учетом потребностей экономического базиса, расширяет возможности производственной практики. Появились условия для создания различных производственных участков, цехов, малых предприятий, база для проведения различной экспериментальной работы.

На данном этапе развития общества проведенная реструктуризация учреждений профессионального образования, инновации в содержании деятельности явились важнейшим фактором в удовлетворении рынка труда рабочими и специалистами, в какой-то мере помогли сбалансировать спрос и предложение между работодателями и учреждениями профессионального образования.

Показательным является тот факт, что в кризисный 2009 год в регионах финно-угорской группы на учет в центрах занятости встало очень незначительное количество из числа выпускников учреждений профессионального образования всех уровней – от 0,3% в Республике Марий Эл до 4,5% всех выпускников в Пермском крае. Почти все нашли работу и оказались востребованными различными структурами общества.

В заключение можно сказать, что процессы инноваций в системах профессионального образования рассматриваемых регионов, инициатива и творчество руководителей данной отрасли позволили избежать социальной напряженности в обществе, сбалансировать трудовые ресурсы, в основном обеспечить потребности работодателей и создать условия ритмичной работы коллективов профессиональных образовательных учреждений разного типа и уровня.

Leonid Garanin, Faina Yarutkina

INNOVATIVE PROCESSES IN VOCATIONAL TRAINING OF FINNO-UGRIC REGIONS OF RUSSIA

Article is devoted to the vocational training of Finno-Ugric regions of Russia (Republics of Mari El, Komi, Udmurtiya, Mordovia). Innovations in vocational training mention first of all organizational-administrative structure, reforming a network of educational institutions and creation of new types of educational institutions. The vocational training system in regions includes educational institutions of 3 levels – primary, secondary and higher vocational training, thus the tendency of reduction of the first level and considerable prevalence of preparation of experts with the higher vocational training is shown everywhere. Processes of innovations in systems of vocational training of Finno-Ugric regions, the initiative and creativity of heads have allowed avoiding social intensity in a society, to balance manpower, basically to provide requirements of employers and to create conditions of rhythmical work in professional establishments of different type.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Елена Данилко
Москва

«СКЛОННОСТЬ К РАСКОЛУ»: ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА СРЕДИ МОРДВЫ*

Этноконфессиональная карта Урало-Поволжья, отличающаяся значительным разнообразием и выраженной мозаичностью, помимо трех основных распространенных в регионе религий – христианства, ислама и традиционных верований («язычества»), включает и множество неортодоксальных течений, в том числе, старообрядчество. Общественное мнение и большинство ученых его определяют как специфически русское религиозное явление. Однако, как свидетельствуют исторические источники, старообрядчество имело достаточно широкое распространение у целого ряда финно-угорских и некоторых тюркских народов. На территории Урало-Поволжья более всего нерусских старообрядцев было среди мордвы и коми-пермяков, незначительное количество среди удмуртов и чувашей. Подобные группы, обладающие выраженными культурными особенностями и являющие собой один из малоизученных пока примеров межкультурного взаимодействия, представляют несомненный научный интерес. Некоторые результаты исследований среди коми-пермяков и чувашей были опубликованы ранее (1, с. 32–52; 2, с. 93–98), данная статья будет посвящена мордовским старообрядцам.

Упоминания о распространении раскола в различных мордовских селах Поволжья имеются в отчетах православных священников, деятелей миссионерских организаций и обществ по просвещению инородцев. Так, С.В. Чичерина отмечала, что «мордва не склонна к мусульманству, но очень склонна к расколу и другим сектам – молоканству, хлыстовству и прочим» (3, с. 602). Согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г., старообрядцы из мордвы рассеялись в Нижегородской (623 чел.), Симбирской (2542 чел.), Оренбургской и Уфимской губерниях (1735 и 1338 чел. соответственно) (4).

Мною были исследованы две компактные группы старообрядцев, относящиеся к разным направлениям. Одна на северо-западе Оренбургской области (Бугурусланский и Северный р-ны), другая – в центральных районах Башкирии (Благовещенский, Стерлитамакский и Ишимбайский р-ны). Полевые этногра-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00284а.

фические исследования проводились также в Вешкаймском р-не Ульяновской области в этнически смешанной мордовско-чувашско-русской старообрядческой общине.

Старообрядцы, расселенные в Оренбургской области, принадлежат к так называемому «беглопоповскому согласию» (5) и относятся к церковному приходу в г. Бугуруслане. Старообрядчество было распространено здесь с начала XVIII столетия, поддерживались активные контакты с известными духовными центрами – Иргизом, Веткой, Москвой. Сохранилось множество подтверждающих это архивных документов, главным образом, следственных дел о розыске беглых попов и преступлениях «раскольников» против православной веры. Непосредственно с этими краями была связана деятельность в своем роде легендарной личности в истории старообрядчества Аркадия Беловодского.

С середины XIX в. большой популярностью среди старообрядцев пользовалась утопическая легенда о стране Беловодье, где сохранялась истинная вера. Письменное сочинение об этой стране, автором которого считается некий инок Марк из Топозерской обители (в Архангельской губернии), описавший «земное царство» с идеальным общественным строем, совершенными нормами морали и всяческим изобилием, переписывалось старообрядцами и имело широкое распространение среди уральских казаков и крестьян из близлежащих поселений. Оно бурно обсуждалось старообрядцами на специально созванных для этого съездах, результатом чего становились довольно далекие путешествия в поисках Беловодья. Мордва, в частности крестьяне д. Старая и Новая Яковлевка Оренбургского уезда, также участвовала в организации таких поездок, вкладывая в них денежные средства (6).

Новой актуализации идей поисков Беловодья на Урале способствовало появление в этих краях в 1880-е годы некоего Аркадия Беловодского, якобы представителя Мелетия, патриарха славянобеловодского, камбайского, индостанского и пр. Личность этого человека так и осталась не установленной, а в следственных материалах сохранились самые разноречивые свидетельства. Так, будучи под арестом в 1885 г., он давал показания, что является крестьянином Степаном Антоновичем Матвеевым родом из д. Кабаевки Бугурусланского уезда Оренбургской губернии: «А по происхождению я мордвин, теперь говорить по-мордовски не могу и отдельных слов не знаю». Видимо, лже-Аркадий был хорошо знаком с местностью, которую выдавал за свою родину и имел сведения, что в Кабаевке действительно жили два брата – Степан и Федор Антоновы Матвеевы, но в начале 1840-х годов куда-то ушли из деревни и больше не возвращались. Следствие считало более достоверной версию, согласно которой подсудимый был Антоном Савельевичем Пикульским, сыном мелкого чиновника из-под Киева. Сам же «патриарший посланник» приписывал себе и княжеский титул, и фамилию Урусовых (7, с. 6–8). Аркадию удалось найти сторонников и образовать несколько приходов – в д. Русский Кондыз и уже упоминавшейся Кабаевке под Бугурусланом. Из последней новопоставленный отец

Треофил (Тимофей Устинович Южов, местный старообрядец-мордвин) ездил отправлять требы даже в довольно отдаленные уезды Уфимской губернии – Белебеевский и Стерлитамакский (7, с. 24–25).

Даже в 1920-х годах в Кабаевке все еще значилась община старообрядцев «беловодского согласия». Сегодня в селе сохраняется небольшая община, однако далеко не все жители придерживаются старой веры. Большинство перешло в официальную церковь, начало такому переходу было положено еще в первой четверти XIX века с введением единоверия (8), затем большую роль сыграли трансформации советского периода.

В Башкирии мордва-старообрядцы относятся к беспоповскому направлению, а именно к спасовскому и рябиновскому старообрядческим согласиям (9). Общины старообрядцев-мордвы в Башкирии сосредоточены в основном в районных центрах (гг. Стерлитамак, Благовещенск, с. Мраково), других крупных населенных пунктах (гг. Ишимбай, Салават) и нескольких близлежащих деревнях, связи с русскими старообрядцами ослаблены и почти не поддерживаются.

Распространение старообрядчества в Урало-Поволжье связано, прежде всего, с притоком русского населения, однако дальнейшее его существование на этой территории проходило в теснейшем взаимодействии с другими этносами, в частности, с мордвой, что и обусловило принятие некоторыми ее группами старообрядческого вероучения. Основа для такого взаимопроникновения закладывалась в течение XVIII и XIX столетий, характеризующихся активным миграционным движением, а в отдельных районах и несколько раньше. Например, в сооружении заволжских сторожевых линий в числе так называемых «служилых инородцев» участвовали и небольшие группы мордвы, первые их поселения появились во второй половине XVII в. в лесостепном районе к северу от р. Кинель (10, с. 10). Позднее именно здесь (севернее Бугуруслана) сложились значительные ареалы мордовского населения, среди которого было распространено и старообрядчество.

Строительство крепостных линий, ограничивающих приток населения из Азии и Волго-Яицкого междуречья и открывающих пути для проникновения в еще слабо заселенные районы Нижнего Поволжья, Западного и Южного Приуралья, расширило возможности миграционных сдвигов не только русского населения. Плодородные земли этих районов притягивали как земледельцев, так и кочевников. Вытеснение с коренных территорий постоянным и интенсивным притоком русских крестьян, истощение охотничьих и рыболовных угодий, низкая производительность крестьянского хозяйства способствовали активизации переселенческих процессов финно-угорских и тюркских народов. Еще одним стимулом для ухода с обжитых мест стала насильственная христианизация (11, с. 140–141). В этом контексте для настоящего исследования наибольший интерес представляет развернувшееся в XVIII в. массовое движение мордвы с северо-запада и запада – из Нижегородского, Арзамасского и Алатырского уездов, то есть преимущественно мордвы-эрзи, в Заволжье. Основные пути прохо-

дили по уже сравнительно заселенному (на севере – чувашами, на юге – русскими) пространству между реками Сурой и Волгой и через Симбирск шли далее, на восток, в слабо заселенные лесостепные и степные уезды Самарской и Оренбургской губерний, прежде всего в Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский и Самарский уезды (10, с. 11).

Продолжался колонизационный приток в Оренбуржье и русских крестьян, поэтому образовавшиеся здесь мордовские села впоследствии оказывались в плотном русском (часто – старообрядческом) окружении. Так, в это время близ Бугуруслана возникло самовольное поселение с характерным названием Староверовка. Затем крестьяне из Тамбовского наместничества (современная Рязанская область) основали с. Елатомку (1797 г.) (12, с. 10–18). Отсюда старообрядцы разъехались по округе: в Нижнее и Верхнее Заглядино, Русскую Боклу, Борисовку, Козловку и др. (13), и их вероучение постепенно стало проникать в мордовскую среду.

Впоследствии, в начале XX в., старообрядцы-мордва из Бугурусланского и Бузулукского уездов Оренбургской губернии, а также из Самарской, Казанской, Саратовской губерний переселялись в Башкирское Зауралье и обосновали там несколько сел: Яковлевку, Хворостянку, Самарск, Богачевку, Ершовку, Гусевку и др. (14, с. 12).

Локализовать поселения, в которых проживали «раскольники», и определить хотя бы примерное их количество позволяют «Приходские списки» различных губерний за 1857 г., хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Более всего старообрядцев-мордвы было в Бугурусланском уезде (деревни Кирюшкино, Узели, Б.Павлушина, Кабаевка, Алешкина) (15, л. 130, 135, 138).

В «Списке населенных мест Самарской губернии» за 1910 г. на этой территории значится уже множество смешанных мордовско-русских поселений, где соотношение православных и раскольников примерно равное, более всего старообрядцев значилось в Бугурусланском и Бузулукском уездах (см. таблицу).

К сожалению, в «Списке» не указана численность по всем населенным пунктам, однако имеются некоторые красноречивые примечания. Например, в графе с. Дубовое сделана запись, что вокруг расположены русские раскольничьи села Дураковка, Екатериновка и Давыдовка; то же для села Михайловка – рядом села Дмитриевка и Богдановка. Были и чисто мордовские села со смешанным православно-раскольничьим конфессиональным составом. Это с. Ега (где значилось 728 православных и 715 раскольников), с. Кабаевка (соответственно 424 и 475), с. Кирюшкино (1339 и 1491), с. Рождественское (1345 и 1498), с. Пронькино (1261 и 1411), с. Каменка (610 и 715) (16, с. 135–302). При этом не исключено, что под православными обозначали единоверцев, то есть по сути тех же старообрядцев.

Приведенные данные относятся к началу XX в., однако случаи перехода мордвы в раскол фиксировались значительно раньше, и этому немало способствовала активная миссионерская деятельность Иргизских монастырей и ски-

Таблица

Конфессиональный состав русско-мордовских населенных пунктов в Самарской губернии в 1910 году

Смешанные русско-мордовские населенные пункты	Конфессиональный состав	
	православные	раскольники
Бугурусланский уезд		
сл. Аманакская	4800	5050
с. Мартыновка (Елань)	1490	1518
д. Абдуловский завод	678	682
Бузулукский уезд		
д. Большая Ремезенка	631	618
с. Съезжее (Леонтьевка)	1907	1891
с. Старая Тепловка	1523	1571
с. Благодаровка	1004	1008
Николаевский уезд		
с. Дубовое	1412	1494
с. Михайловка		–
с. Каменный Брод		
с. Дергачи		
с. Левинка		
с. Малая Глушица		
с. Константиновка		
с. Малое Перекопное		
с. Мосты		
с. Ново-Захаркино		
с. Преображенка		

тов, находившихся на территории Уральского казачьего войска. Так уже в 40-х гг. XIX в. один из чиновников МВД, ссылаясь на отчеты приходских священников, отмечал, что в ряде сел «мордва признает обряды раскольников и просит крестить и венчать по солнцу». Кроме того, «в среду мордвы проникают настроения пустынножительства – девки-мордовки избегают замужества, уходят жить в лесные кельи, хотя многие из них за это подвергаются насмешкам соплеменников и односельчан». Это свидетельствует, что старообрядчество заняло достаточно прочные позиции среди части мордвы этой местности, а для некоторых приняло характер глубокой убежденности. Тем более что гонения, которым подвергались раскольники, а также высокие религиозные и бытовые требования, если не исключали, то серьезно ограничивали приток неофитов, принимающих только внешнюю сторону «старой веры» и православия вообще. В этом отношении весьма характерно признание приходского священника д. Оркино, что

он «не опасается проповеди раскольников только потому, что мордва его прихода грубо невежественная и вообще не восприимчива к христианству». Еще одно сообщение такого рода: в д. Сукино «возник раскол между чувашами. Отпали от церкви самые усердные и имевшие более сознательное понятие о вере». «Не признавали святых тайн» и «молились в церкви с лестовками и подручниками по обычаю староверов» и в других чувашских деревнях – Прилежайке, Барановке, Пичеур, Чувашской Кулатке (17, с. 167). Е.Н. Мокшина считает, что сектантство и принятие старообрядчества у мордвы так же, как и у русских крестьян, было формой проявления политического протеста и оппозиции идеологии господствующей церкви (18, с. 47).

Вообще возможный переход инородцев в раскол всегда был предметом беспокойства для православных миссионеров в Поволжье. «Раскольничья ересь» чрезвычайно быстро находила себе убежденных сторонников среди «неокрепших в православии». Так, в Нижегородской губернии «степень раскола повышалась каждогодно на 60–70%», пользуясь особой популярностью у малороссов и мордвы (19, с. 204, 331). Убедительности старообрядческой проповеди в XVIII–XIX вв. способствовал и исторический контекст. Подвергавшиеся преследованиям старообрядцы находили сочувствие у насильственно крещеных «инородцев», а стойкость в сохранении своей веры вызывала неизменное уважение и даже служила аргументом в спорах с миссионерами: «Русские давно нашли старую веру, и мы хотим быть в старой» (20, с. 167).

Новый импульс колонизационным процессам придала крестьянская реформа 1861 года. На карте Южного Урала в это время появилось множество новых населенных пунктов. В Уфимской губернии они располагались в основном в южных и центральных уездах, заселенных не так плотно, как остальные (21, с. 168). В 1871 г. в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии старообрядцы основали с. Помряскино (другое название – Убежище), затем часть его жителей основала Озерковку (1891 г.) и Гурьяновку (1896 г.) (22, с. 150, 154, 166). Села Гавриловка (1886 г.) и Полыновка (1890) также были известны как раскольничьи (23, с. 34). В настоящее время, согласно полевым исследованиям, Помряскино является русским селом, однако из работы известного историка А.З. Асфандиярова можно сделать вывод, что в конце XIX в. там была и мордва, так как основателями Гурьяновки были 14 мордовских семей (22, с. 170). Вообще на вторую половину XIX столетия пришелся наибольший приток мордовского населения в Уфимскую губернию, при этом многолюдные и компактные поселения мордвы образовались именно в Стерлитамакском уезде. В крупном поселении Федоровка насчитывалось 1600 жителей, Кузьминовке – 1200, Садовке – 1106 и т.д, в д. Зирган мордва жила вперемешку с татарами и чувашами (мордвы – 1279 чел., татар – 1168, чувашей – 295 чел.) (24, с. 327).

Сохранились любопытные документы, подтверждающие активное участие мордвы-старообрядцев в освоении пахотных земель вокруг развивающегося и растущего уездного города Стерлитамака и включенность отдельных старооб-

рядческих семей в его социально-экономическую структуру. Так, в начале 90-х гг. XIX в. городской голова К.Д. Ростовцев в письме уфимскому губернатору сетовал на то, что всю землю вокруг города скупили временнообязанные (бывшие помещичьи) крестьяне. Одним из крупных земельных «скупщиков» значился и некто «третьей гильдии купец Василий сын Николаев Коновалов», заключивший купчую сделку с отставным гвардии капитаном Н.С. Левашовым на покупку у последнего довольно обширного земельного владения (149 десятин по 25 руб. за десятину) на северо-восточной окраине города. О Николае Коновалове известно следующее: будучи из ясашных крестьян он вместе с семьей в 1795 г. перебрался из мордовской деревни Садовки в город и развернул там «фамильное» дело по выделке кож. Ко времени заключения упомянутой сделки в 1829 г. он сам и его старший сын слыли умелыми кожевенниками, а их семейное предприятие приносило в год от полутора до двух тысяч чистого дохода. Как и вся мордва Садовки, Кожевниковы были старообрядцами-беспоповцами, хотя официально и числились «мордвой-новокрещенами». История имела продолжение, повлияв на распространение и укрепление «раскола» в Стерлитамаке. Купленные Коноваловым земли оказались малопригодными для земледелия и в этой связи остались в пользовании Левашова, однако в 70–80-е гг. были раскуплены сельскими старообрядцами из мордвы, и здесь образовалось их компактное поселение, именуемое в дальнейшем Сайгановкой (25).

Архивные данные начала XX века фиксируют наличие в русских и мордовских населенных пунктах, расположенных в этом кусте, нескольких старообрядческих согласий – белокриницкого, спасовского и рябиновского (23, л. 21). Современные полевые материалы подтверждают эти сведения и позволяют проследить перемещения старообрядцев после исчезновения мелких деревень в более крупные села и города Стерлитамак, Ишимбай, Салават, Мелеуз. Все они, как правило, поддерживают отношения друг с другом в рамках своих согласий, собираются на общие богослужения, связаны тесными родственными контактами (26). По документам 1909 г., белокриницкое согласие было распространено в д. Саратовка (320 чел.), ныне не существующих Полыновке и Ново-Михайловке (732 чел.) и с. Помряскино (687 чел.). В настоящее время небольшая группа белокриничан имеется только в Стерлитамаке. Большинство же здешних старообрядцев относились к спасовскому согласию – с. Зирган (185 чел.), с. Бугульчан (30), с. Федоровка, дд. Гумбет и Гавриловка (808 чел.), с. Помряскино (700 чел.), Садовка (196 чел.) и т.д., выделялось также рябиновское согласие на хутурах Морозовка, Бурангуловский, с. Мелеуз, а также самокресты в с. Александровка.

Расселение мордвы на территории современной Башкирии изучено сравнительно мало, до сих пор демографы затрудняются определить хотя бы примерные даты и направления переселенческого процесса. Некоторую ясность вносят современные полевые исследования с применением социологичес-

ких методик (27, с. 275–283). Возможно, какой-то свет на эту проблему может пролить и анализ имеющегося в моем распоряжении старообрядческого материала.

Во-первых, границы спасовского и рябиновского согласий, распространенных среди мордвы, в пределах исследуемого региона достаточно четко локализуются только в центральных районах Башкортостана. Это позволяет предположить, что переселенцы появились здесь примерно в одно время (конец XIX в.) и из одних мест выхода. Во-вторых, спасовское и рябиновское согласия, образовавшиеся на территории бывшей Нижегородской губернии, распространились не так широко, как другие старообрядческие направления и, скорее всего, в Башкирию они пришли именно оттуда. Косвенным подтверждением могут служить имеющиеся на сегодняшний день публикации. Так, Е.С. Клочкова описывает внутренние деления спасовщины на толки в Нижегородской губернии; приведенные ею самоназвания и внешние определения этих групп практически полностью совпадают с архивным материалом по Башкирии, где также имеются «спасовцы», «спасово согласие», «рябиновцы» и «самокресты» – «*нижегородская разновидность спасовщины, немногочисленное, не получившее широкого распространения* (выделено мной. – *Е.Д.*) в Нижегородской губернии и существующее в виде нескольких крепких общин на юге губернии в Сергачском и Княгининском уездах» (28, с. 220). Е.А. Бучилина, характеризуя современное состояние спасовских общин, пишет, что у них встречаются самоназвания «истинные староверы» и «истинная кафолическая вера», а также «кулугуры», при этом старообрядцы затрудняются идентифицировать себя с каким-либо согласием (29, с. 264–265), что также совпадает с моими исследованиями. Таким образом, исследования старообрядчества позволяют несколько уточнить уже имеющиеся исторические сведения.

Из Нижегородской же губернии мордовское старообрядческое население расселилось в Засурье во второй половине XVIII столетия, прибывая в составе переселенцев. Результатом активных межэтнических взаимодействий в регионе стало образование этнически смешанных старообрядческих общин. Так, по материалам современных исследований своеобразная надэтническая конфессиональная общность исторически сложилась в Вешкаймском р-не Ульяновской обл. Община состоит в основном из мордвы и русских старообрядцев и небольшой группы чувашей. Принятие старообрядчества существенно отразилось на обрядовой стороне жизни и бытовом укладе чувашей и мордвы, но религиозное самосознание сосуществовало с этническим и языковым. Главные составляющие религиозной традиции продолжают сохраняться фрагментарно. Практика совместных богослужений уже утрачена, а внешним выразителем групповой солидарности, принадлежности к религиозной общине является участие в похоронно-поминальной обрядности. Т.е. соблюдение правил, связанных с похоронным комплексом (чтение молитв по старопечатным книгам, погребение в саване и т.д.), в этой группе является едва ли не единственным пока-

зателем принадлежности к старой вере. Такая тенденция характерна для многих старообрядческих общин со слабой структурной организацией.

Таким образом, распространение старообрядчества у народов Урало-Поволжья, в том числе и в исследуемых группах мордвы, происходило в основном во второй половине XVIII в. в результате активных хозяйственных контактов с русскими старообрядцами и миссионерской деятельности старообрядческих проповедников. Создание объединений на конфессиональной основе позволяло решать возникающие перед новыми переселенцами организационные проблемы, такие как выбор мест для поселений, миграционных маршрутов, защита прав собственности, земельные разделы и т.д. Как отмечал В.И. Байдин на примере коми-пермяцкого старообрядческого куста на Верхней Язьве, религиозная самоорганизация в рамках старообрядческих согласий в ряде случаев оказывалась гораздо более приспособленной для задач внутренней колонизации, чем официальное православие. Кроме того, старообрядческие общины выступали впоследствии еще и стабилизирующим элементом функционирования сложившегося социально-хозяйственного комплекса и развития рыночных отношений (30, с. 199). Иллюстрацией этого тезиса может послужить также пример мордвы-старообрядцев, переселившихся из Нижегородской губернии в центральные районы Башкирии, о котором было сказано выше.

Вместе с тем, как показывают исследования, наиболее активное проникновение старообрядческого учения в среду финно-угорских народов Урало-Поволжья происходит уже тогда, когда освоение новых территорий завершается и начинается постепенное налаживание, а затем активизация различных хозяйственно-бытовых контактов. И здесь можно выделить несколько факторов, способствовавших этому.

Во-первых, это фактор территориальный. Русские старообрядцы расселялись чересполосно как с русскими, придерживающимися официального православия, что чаще всего приводило к распространению «раскола» вглубь, так и с другими поволжскими народами (в этнически смешанных или расположенных по соседству населенных пунктах). Как было сказано выше, в северо-западных уездах Оренбургской губернии (Бугурусланском и Бузулукском) с появлением всего двух старообрядческих поселений в конце XVIII в. «раскол» довольно быстро прижился сначала в соседних русских селах, а затем и в находящихся в близком окружении мордовских.

Следующий фактор – хозяйственно-экономический. Через торговые контакты, через ярмарочные центры и торговые суда «старая вера» проникала и укреплялась даже в самых удаленных регионах как в глухих лесных поселках, так и в крупных торговых городах, расположенных по берегам судоходных рек. Еще одну возможность поволжским «инородцам» для знакомства с «раскольниками» и их религиозными взглядами предоставляли различные отхожие промыслы, а также работа по найму в зажиточных старообрядческих хозяйствах. Так, в частности, «заразились расколом» чуваши и мордва Присурья.

Третий важный фактор, способствовавший распространению старообрядчества, можно обозначить как социокультурный. Немаловажную роль играли знание мордвой русского языка, знакомство с основами христианской доктрины, что делало более понятной проповедь старообрядческих миссионеров, отличавшихся чрезвычайной мобильностью и, как писали их официальные оппоненты, обладавших и красноречием, и даром убеждения. Популярность старообрядческого вероучения объясняется, на мой взгляд, совокупностью ряда обстоятельств. Прежде всего, внутренней готовностью обращаемых в «раскол» к восприятию основных христианских идей, вытекающей из мировоззренческого кризиса язычества, переставшего удовлетворять их духовным потребностям и социальному контексту. Об обострении этого кризиса исследователи пишут применительно к XIX веку (31, с. 257), когда старообрядчество, в частности, стало распространяться среди чувашей-язычников. В то же время у части «инородцев», христианизированных значительно раньше, прежде всего у мордвы, сформировалось стремление к более глубокому религиозному самовыражению и пониманию основ христианской догматики, чем могла дать официальная церковь. Здесь следует отметить важность личностного фактора. Старообрядческие проповедники, не взимающие платы за требы и всегда готовые к контакту, обучению и разъяснению «темных мест» Священного Писания интересующимся, рискуя при этом личной безопасностью и подвергаясь преследованиям, выглядели более привлекательно в глазах крестьянского населения, чем «мирские» священники.

Кроме того, социальный конфликт, вызванный мероприятиями по насильственной христианизации, также в определенной мере способствовал росту симпатии поволжских народов к старообрядцам, между тем, как философская концепция, ритуальная и бытовая практика официального православия ассоциировались для них с государственным давлением. Сближению способствовало и отсутствие социальных барьеров, образ жизни старообрядческих миссионеров, занимающихся земледелием и ремеслом, был близок крестьянскому, они не представляли интересов государства, так же как некрещеные «инородцы», находясь в нем на положении аутсайдеров.

Таким образом, восприятие поволжскими народами различных направлений старообрядчества существенно разнообразило этноконфессиональную мозаику населения Урало-Поволжья, усложняло межконфессиональное и межэтническое, а также внутриэтническое взаимодействие в регионе. Распространение старообрядчества являлось важным показателем религиозных настроений среди финно-угорских народов, с одной стороны, переживавших мировоззренческий кризис «язычества», но не желавших приобщиться к христианскому или мусульманскому большинству, с другой – стремившихся адаптироваться к историческому и социальному контексту. Даже там, где старообрядчество не было массовым явлением, его принятие все же приводило к обособлению небольших групп в рамках своих религиозных общин и, как следствие, к дальнейшей изоляции их в социальном отношении.

Религиозное самосознание всегда выступало одной из базовых составляющих, а также фактором формирования этнического самосознания. Однако восприятие старообрядчества не приводило к немедленному обрусению «инородцев», так как христианская доктрина допускала существование отличной от русских этничности, и религиозное самосознание сосуществовало с общеэтническим и языковым. Вместе с тем старообрядчество приводило к изменению этнокультурного облика воспринявших его народов, изменяло обрядовую и бытовую сферу их жизни, вытесняя некоторые элементы традиционного комплекса и привнося новые, характерные для русской культуры.

Как известно, мордва ранее остальных финно-угорских народов Поволжья подверглась русской ассимиляции, существенную роль сыграла в этом и успешная христианизация. Принятие старообрядчества отразилось, прежде всего, на духовной культуре отдельных групп мордвы. Как показали мои исследования, характерные для старообрядчества аскетизм и отказ от многих архаических дохристианских элементов в традиционной обрядности способствовали утрате некоторых этноспецифических черт в их ритуальной культуре. Эту особенность отмечают и сами информаторы, сравнивая комплекс своей семейной и календарной обрядности с комплексом, принятым у православной мордвы.

Реконструкция исключительно славянских или финно-угорских элементов в культурах длительно взаимодействующих этносов всегда представляет определенную сложность, однако в рассматриваемом синтезе русской и мордовской традиций старообрядчество изначально было все же русским явлением. Так, свойственные для древней формы православия эсхатологизм и развитая книжность стали частью финно-угорской традиции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилко Е.С.* Старообрядчество среди язьвинских и зюздинских коми-пермяков: исторический очерк // Староверие на северо-востоке Европейской части России. Сборник статей. – Сыктывкар, 2006.

2. *Данилко Е.С.* Старообрядчество среди чувашей в контексте межкультурного взаимодействия в Урало-Поволжье // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. – Самара, 2006.

3. *Чичерина С.В.* Положение просвещения у поволжских инородцев // Известия РГО. 1906.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. Т. 28, Т.45, Т. 2. 1897.

5. Старообрядчество не является однородным религиозным течением. В ходе исторического развития из-за догматических разногласий происходило разделение его сначала на два крупных направления – поповщину и беспоповщину. Поповцы до восстановления собственной иерархии принимали священников из официальной церкви, беспоповцы предпочли совсем отказаться от священников, считая послереформенную церковь лишенной святости и сохранив только те таинства, совершение которых дозволено мирянам. *Беглопоповское согласие (беглопоповцы)* – крупное направление в *поповщине*. Первоначально беглопоповцами называли всех старообрядцев, приемлющих священство (бегствующее) от официальной церкви, в этом смысле оно равнозначно названию *поповцы*, с 1846 г. с присое-

динением к старообрядчеству Юсно-Сараевского митрополита Амвросия и выделением *белокриницкого согласия*, название закрепилось за старообрядцами, не признавшими нового главу церкви. Беглопоповцы восстановили собственную иерархию в 1923 г., приняв архиепископа Николу (Позднева) от обновленческой церкви. Современное официальное название – Древлеправославная церковь. Первосвятительская кафедра с 1963 г. по 2002 г. находилась в г. Новозыбкове Брянской обл., теперь – в Москве. Во главе – архиеп. Александр (Калинин). Имеется более 60 приходов в России и СНГ, четыре прихода в Румынии.

6. Оренбургские епархиальные ведомости. № 5. 1896.

7. *Никифоровский И.Т.* К истории «Славяно-Беловодской» иерархии. – Самара, 1891.

8. *Единоверие (единоверцы)* – особенная часть официальной православной церкви, учрежденная в 1800 г. Высочайшим указом по представлению московского митр. Платона. Единоверцы при сохранении дониконовского богослужебного чина и древних обычаев принимали священников от господствующей церкви и административно подчинялись Синоду. Официальному учреждению единоверия предшествовал ряд мероприятий, направленных на легализацию старообрядчества при Екатерине II – «дарование священников с дозволением служить по старым обрядам» старообрядцам, живущим в Малороссийской, Белорусской, Новороссийской губерниях и Уральской области. Законодательно единоверие оформилось после составления митр. Платоном «Правил единоверия» («16 пунктов»). Присоединение к единоверию не пользовалось популярностью среди старообрядцев и большей частью носило формальный характер, наибольшее число обращений в единоверие пришлось на время после правительственного указа 1855 г. о лишении права записи старообрядцев в купеческое сословие.

В 1917 г. по решению поместного собора РПЦ были введены должности викарных единоверческих епископов в 30 епархиях. В советское время единоверческие приходы практически распались, развернувшееся со второй половины 1980-х гг. единоверческое движение не имеет прямой преемственности от прежнего единоверия, представляя традиционалистское направление в РПЦ.

9. *Рябиновское согласие* – беспоповское старообрядческое согласие. Название произошло от того, что рябиновцы признавали только деревянные кресты, изготовленные из рябины, считая ее упоминаемым в Священном писании «певгом» – одним из трех деревев, составляющих Крест Господень, и не молились иконам, на которых изображен кто-то кроме святых. В остальном практически не отличались от поморского согласия.

Спасовское согласие (*«нетовщина»*) появилось в конце XVII в. на Керженце, его основателями считаются крестьяне Козьма Андреев и Козьма Панфилов. Спасовцы отличаются от других беспоповцев тем, что не перекрещивают переходящих в их веру, а принимают таковых только через проклятие ересей или чтение специальных молитв, считают, что за отсутствием истинных церквей и священства спастись можно только через Спасову (Исусову) молитву, отсюда произошло и самоназвание. Второе самоназвание – «нетовцы» – произошло от слова «нет»: нет таинств, священников, храмов.

10. Мордва Заволжья. – Саранск, 1994.

11. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992.

12. *Кабанов Г.С.* Мы – переселенцы. – Оренбург, 1999.

13. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2001 г. Бугуруслан Оренбургской обл.

14. *Маннапов М.М.* История Яковлевки: от хутора к селу. – Уфа, 2004.

15. Архив РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51.

16. Список населенных мест Самарской губернии. – Самара, 1910.

17. *Ряжев А.С.* Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1995.

18. *Мокшина Е.Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI в. – Саранск, 2004.

19. Нижегородский сборник. Т. II. – Нижний Новгород, 1869.

20. *Малов Е.А.* Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Сборник статей. – Казань, 1892.

21. *Самородов А.П.* Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период. 60–80-е гг. XIX в. – Стерлитамак, 1996.

22. *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн.1. – Уфа, 1997.

23. ЦГИА РБ. И-9. Оп.1. Д.906.

24. Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002.

25. *Сидоренко Ю.* Дайте землицы // Стерлитамакский рабочий. № 135, июль 2004 г.

26. ПМА. 2000–2004 гг.

27. *Садиков Р.Р.* Мордва Башкортостана: традиции и современность // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа, 2004.

28. *Клочкова Е.С.* Пути самоопределения нижегородской спасовщины конца XIX – начала XX в.: Самокресты // Мир старообрядчества: история и современность. Вып.5. – М., 1999.

29. *Бучилина Е.А.* Беспоповские старообрядческие общины в Нижегородской области (к вопросу о современном состоянии) // Мир старообрядчества: история и современность. Вып.5. – М., 1999.

30. *Байдин В.И.* Начальный период истории Верх-язьвинских скитов (к вопросу о распространении староверия среди финно-угров) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. – Пермь, 1999.

31. *Ягафова Е.А.* Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII–XX вв. // Русский язык в тюркско-славянских этнокультурных взаимодействиях. – М., 2005.

Elena Danilko

«PROPENSITY TO SPLIT»: DISTRIBUTION HISTORY OF OLD CEREMONIALISM AMONG MORDOVIANS

Ethno-confessional the map of the Ural-Volga region besides three cores of the religions extended in region – Christianities, Islam and traditional believes («pagans») includes set of other currents, including, of old ceremonialism. Among the majority of scientists it is defined as specifically Russian religious phenomenon. However, old ceremonialism had distribution at variety of the Finno-Ugric and some Turkic people. In territory of the Ural-Volga region more all non-Russian Old Believers was among mordovians and komi-permyaks, insignificant quantity among Udmurts and Chuvashes. This article is devoted to the Mordovian Old Believers of different directions. The author investigated Old Believers in Orenburg (Buguruslanski, Northern areas), Ulyanovsk (Veshkaiski area) areas and Bashkiria (the Blagoveshchensk, Sterlitamakski, Ishimbaiski areas). Article is written on the basis of the archival, published, forwarding materials.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Ранус Садиков
Уфа

УДМУРТЫ-«ЯЗЫЧНИКИ»: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ, РАССЕЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ (XVIII – НАЧАЛО XXI В.)*

Удмурты – один из древнейших автохтонных народов Урало-Поволжья. Происхождение удмуртов связывают с рядом археологических культур, прослеживаемых с эпохи неолита (1, с. 401). В ходе исторического развития у удмуртского народа сформировались собственные религиозно-мифологические взгляды на мир. Как отмечает удмуртский этнолог В.Е. Владыкин, традиционное мировоззрение любого народа является сложным продуктом разных исторических эпох, результатом творчества как самого народа, так и его прямого и опосредованного контактирования со своим этнокультурным окружением (2, с.34). В религиозных верованиях удмуртов можно проследить как древние финно-угорские, так и заимствованные индо-иранские, тюркские и славянские пласты. Большое влияние на их формирование оказали мировые религии – ислам и христианство. Вместе с тем религия удмуртов представляет собой целостную многоуровневую структуру. По мнению этнографов, древняя религия удмуртов характеризуется значительной развитостью и сложностью, о чем свидетельствуют многочисленный пантеон, особые служители культа, специальные места молений, детально разработанные обряды со строго регламентированными культовыми ритуалами (3, с.132).

В определении данной религиозной системы наблюдается значительная терминологическая путаница. Ее называют то «удмуртским язычеством», то «дохристианскими удмуртскими верованиями» или же «традиционными удмуртскими верованиями», но ни одно из вышеприведенных определений не раскрывает ее содержания. Понятие «язычество» не является научным термином, несет в себе негативный оттенок, поэтому не может служить в качестве такового. Об этом прекрасно сказал С.А. Токарев: «Об употребляемых иногда обозначе-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 08-01-00284а «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья».

ниях – «языческие религии», «идолопоклонство» и т.п. – нечего и говорить: им место разве лишь в церковно-миссионерской литературе, а никак не в научной» (4, с. 24). Но, как справедливо отмечает чувашский исследователь Е.А Ягафова, при рассмотрении религиозной ситуации в дореволюционный период использование термина «язычество» все же приемлемо, т.к. он был в официальном употреблении, наряду с такими как «иноверцы» и «инородцы» (5, с. 6). На наш взгляд, целесообразно именовать данную религиозную систему как «традиционную удмуртскую религию» или «этническую удмуртскую религию». Под традиционной этнической религией нами понимается политеистическая религиозная система, сложившаяся у этноса в процессе ее исторического развития. Верующие удмурты называют свою религию Инмарлы оскон 'вера в Инмара' или удморт вӧсь 'удмуртская религия'.

До начала массового насильственного крещения (40-е гг. XVIII столетия) традиционная этническая религия оставалась доминирующей среди удмуртов, хотя исторические данные свидетельствуют о принятии некоторыми группами этноса суннитского ислама (под влиянием волжских булгар и казанских татар) и православного христианства (под воздействием русских-вятчан). Например, первый исторически достоверный факт восприятия удмуртами православия относится к 1557 г. В этом году вотяк (удмурт) Сыръянской волости Слободского уезда Ожмек Черной бил челом царю Ивану Грозному от имени 17 удмуртских семейств, сообщая о намерении «креститься и прийти в православную христианскую веру» (6, с. 71). Другие факты о крещении вятских удмуртов относятся уже только к началу XVIII столетия. В 1726 г. по церковным документам было известно о принятии «святого крещения» 16 удмуртами из деревень Полской, Березники, Слудской, Еловской (6, с. 89). Так, например, игумен Верхочепецкого Крестовоздвиженского монастыря Евфимий писал вятскому архиерею Алексию, что «деревни Еловской отин Туктамыш Зянкилдеев крестился у церкви Воздвиженья Честнаго и Животворящаго Креста Господня в прошлом 704 году, во святом крещении наречено ему имя Иван, мати его отка Дзили, во святом крещении наречено имя Анна, дочь Овдоть, во святом крещении наречено имя Екатерина» (6, с. 89). В Казанском уезде обращений в христианство среди удмуртов до начала XVIII столетия не отмечается (6, с. 104). К 1734 г. в Казанской епархии числилось 15 крещеных удмуртов (6, с. 111).

Таким образом, до 40-х гг. XVIII в. крещением удмуртов церковь ни в Вятском, ни Казанском крае целенаправленно не занималась. Только незначительное число удмуртов, живших вблизи русских поселений и тесно с ними контактировавших, пожелали переменить свою веру. Основная масса казанских и вятских удмуртов продолжала беспрепятственно исповедовать свою «языческую» религию.

Коренные изменения в религиозной жизни удмуртов начали происходить с 1740 г., когда была образована Новокрещенская контора и началось массовое

насильственное крещение «иноверцев». Как отмечает исследователь истории христианизации удмуртов П.Н. Луппов, в Казанской епархии удмурты после создания Новокрещенской конторы обращались в христианство в сравнительно небольшом количестве. Так, за 1741 и январь 1742 г. крестилось всего 806 человек. Но с течением времени этот процесс усилился. К 1752 г. эта цифра достигла 11016 человек в 150 деревнях. В 1762 г. новокрещеных вотяков в Казанской епархии насчитывалось уже 25707 человек из 26209 всех удмуртов, или 99,5% (6, с. 149–150). К 60-м годам исключительно для удмуртов было основано 13 приходов (6, с. 150).

В Вятской епархии крещение удмуртов на первых порах также происходило медленно. Но к 1746 г. число новокрещен-удмуртов достигло уже 2000 человек. В дальнейшем число крестившихся увеличилось. Необходимо упомянуть, что именно на территории Вятской епархии была построена первая церковь для новокрещен-удмуртов: в 1741 г. в д. Еловской (6, с. 155).

Таким образом, за период существования Новокрещенской конторы (1740–1764 гг.) была окрещена основная часть удмуртского населения Казанской епархии. В Вятской епархии этот процесс был менее результативным. Но все же, к концу XVIII столетия и здесь были достигнуты значительные успехи. Так, в ревизских сказках 1795 г. отмечено, что все вотяки Слободского (1483 души) и Елабужского (8685 душ) уездов крещены. В Мамадышском уезде из 11943 душ вотяков были крещеными 11024, а в Глазовском – из 18391 души – 18241 (6, с. 188).

Царское правительство в течение XVIII столетия путем насильственной христианизации вынудило основную часть удмуртского народа принять православие. В Вятской и Казанской губерниях сохранились только небольшие островки, где проживали удмурты-«язычники». В то же время в XVI–XVIII вв. удмурты – переселенцы на башкирские земли, жившие в Уфимской и Пермской губерниях, избежали насильственной христианизации.

Итак, первый этап христианизации удмуртов-«язычников» приходится на XVIII столетие и связан с насильственными методами насаждения государственной религии. «Язычников» заставляли силой или непомерными налогами и угрозой рекрутчины принять новую религию. Были осквернены и разрушены их святилища и другие культовые объекты. Несмотря на значительные количественные показатели числа удмуртов-новокрещен, все же можно отметить, что их переход в православие носил формальный характер. Под угрозой наказания они были вынуждены посещать церковь, соблюдать церковные традиции. Но в то же время они не переставали совершать «языческие» жертвоприношения, о чем свидетельствуют многочисленные донесения священников удмуртских приходов. В определенные исторические моменты (например, во время Пугачевского восстания) они открыто порывали с навязанной им религией и возвращались к вере дедов и отцов. Как писал П.Н. Луппов, «Новокрещеные вотяки скоро приняли очень деятельное участие в начавшихся смутах, надеясь через них добиться полной свободы в отправлении языческого культа» (6, с. 182).

Процесс христианизации удмуртов продолжился и в XIX в. С середины этого столетия постепенно отошли от грубых насильственных методов в обращении в православие, перейдя к миссионерской деятельности, основанной на просветительских идеях. Со второй половины XIX в. с основанием Православного Миссионерского Общества (1865 г.) и Братства Св.Гурия (1867 г.) в Казани, с учреждением переводческой комиссии (1868 г.) с целью издавать переводы новозаветных текстов на «инородческие» языки, открытием Казанской учительской семинарии (1872 г.) и Карлыганской центральной вотской школы (1895 г., с. Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии), а также земских, министерских и церковно-приходских школ с преподаванием Закона Божьего в удмуртских селениях начался второй этап христианизации удмуртов. Большие успехи в миссионерстве были достигнуты в конце этого столетия в связи с внедрением в сферу образования системы Н.И. Ильминского, основанной на идее распространения христианства посредством родного языка «инородцев». Удмурты начинают относиться к христианским обрядам более осознанно. Но в то же время удмурты-христиане, за небольшим искючением, продолжали соблюдать многие свои старые обряды. У них складывается своеобразный «языческо»-христианский синкретизм (7, с. 151–153).

Оказавшись в отрыве от своих «пастырей» – православных священников, удмурты возрождали свои дедовские обычаи и обряды. Так, например, жители деревень Большой и Малый Бильыб (совр. Шарканский район Удмуртской Республики), переселившись в Сибирь в 1912 г., основали д. Бильыб (д. Тига Третья Чаинского района Томской области). На новом месте жительства они начали проводить многие «языческие» обряды, в том числе Бусы вӧсь (Напольное моление) с жертвоприношением жеребенка. Кости жертвенного жеребенка закапывали в землю, чтобы в следующем году получить хороший урожай (8, с. 191, 193).

В конце XIX в. в окружении православных удмуртов еще числилось определенное количество «язычников». Например, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Вятской губернии насчитывалось 1958, в Казанской – 2253 удмуртов-«язычников» (9, с. 106).

Таким образом, в течение XVIII и XIX столетий география расселения приверженцев традиционной религии среди удмуртов в Вятской и Казанской губерниях резко сокращается. Они продолжают проживать лишь в немногих отдельных деревнях или же живут отдельными концами в поселениях удмуртов-христиан. Определенную лепту в изменение географии распространения удмуртского «язычества» привносил также процесс исламизации. Так, только в течение XIX в. перешло в ислам и отатарилось 15 тыс. удмуртов Казанской губернии. Многие деревни этой губернии, отмеченные в XVIII столетии как удмуртские, в XIX – начале XX в. считались уже татарскими (10, с. 17).

Процессы христианизации и исламизации среди удмуртов Вятской и Казанской губерний прекратились с наступлением советской эпохи. Антирелигиозная атеистическая политика государства поставила религию практически вне закона. Но вместе с тем нужно отметить, что в кризисные периоды советской истории (голод 1920-х гг., Великая Отечественная война) происходила реанимация древних «языческих» обрядов. Так, в голодные 1921–1922 годы крещеные удмурты целыми деревнями начали совершать уже подзабытые жертвоприношения (11, с. 129). Это еще раз говорит о поверхностном восприятии удмуртами основ православной религии.

В постсоветский период в среде крещеных удмуртов вновь началась активная пропаганда православия. Можно даже говорить, что начался третий этап христианизации удмуртов. Об этом свидетельствуют, например, полевые материалы автора, собранные в с. Монашево Менделеевского района Татарстана и с. Кузебаево (Порым) Граховского района Удмуртии.

Село Монашево (неофициальное название Вандэмо) впервые упоминается в документах переписи 1710 г. в составе Арской дороги – д. Вандэм с 7 дворами. Предки жителей села переселились сюда из Старой Юмьи современного Алнашского района Удмуртии (12, с. 207). Удмурты села придерживаются православной веры. В нескольких домах раньше жили также некрещеные. В памяти старожилов еще сохранились воспоминания о проведении в их детстве молений-жертвоприношений. Так, например, проводили моления Ю-вӧсь (Моление о хлебе), Чуньы вӧсь (Жертвоприношение жеребенка), Бадзым вӧсь (Великое моление). Жертвоприношения по обетам проводили в Быдзым куале (Великой куале). Сохранялся обряд йыр-пыд сюан («свадьба головы и ног»), когда умершим родителям жертвовали лошадь (отцу) или корову (матери). Кости со свадебными песнями относили на место «кур куян гоп» (ложбина для выбрасывания луба), где также жгли одежду, в которой умирали люди. Ныне об этих обрядах сохранились только воспоминания.

Традиционная обрядность до последнего времени сохранялась в похоронно-поминальном цикле. Так, например, на поминки резали курицу, на краю поминального стола ставили посуду с едой для умершего. Ныне жители села вынуждены отказываться от этих своих традиционных обрядов, имеющих тысячелетнюю историю и глубокий символический смысл. Как отмечают информаторы, это им воспрещают священники: «неправильно ужаськоды, шуо» – «говорят, неправильно делаете».

В Монашево церкви не имелось. Ходили в русское село Кураково. Ныне верующие посещают церковь в с. Новогорском. По словам информаторов, службы проводятся на церковнославянском и удмуртском языках.

Нужно отметить, что среди жителей села наблюдается большой интерес к православной церкви. Так, отсюда родом пять священников, несколько монашек. Рассказывают историю о семействе, состоявшем из 14 человек, которое разъехалось по разным уголкам России, увлекшись церковными делами.

Село Кузебаево (Порым) представляет собой объединенные в административном плане два бывших поселения: кряшенское Порым и удмуртское Кузебаево (Ускы). По переписи 2002 г. в селе отмечено 204 удмурта, 143 чел. татар, в том числе 125 кряшен, 183 русских (все население – 530 чел.). Население издавна исповедует православие, было приписано к приходу церкви Казанской иконы Божьей Матери в с. Грахово. В этом же селе находится приходское кладбище, жители Кузебаево своих умерших до сих пор хоронят там.

О приверженности населения православию говорит и то, что в Порыме и Кузебаево в конце XIX – начале XX в. было установлено несколько каменных часовенок. В настоящее время сохранилась только одна на центральной улице Порыма.

Несмотря на сильное влияние православной церкви местное население как удмурты, так и кряшены до начала XX в. сохраняло многие «языческие» традиции. Так, информаторы отмечают наличие таких мест в Кузебаево, как «Булда гоп» (ложбина, где проводилось моление Булда), где жертвовали после посевной быка и баранов и «Быдзым куала гоп» (ложбина Великой куалы), где жертвовали уток и гусей. Интересно отметить, что, по словам информаторов, из Кузебаево в свое время выселилась часть населения и основала новое поселение под тем же названием (д. Кузебаево Алнашского района Удмуртии). Эта деревня знаменита тем, что она является единственной деревней некрещеных удмуртов на территории Удмуртии, где до сих пор проводят жертвоприношения. Но под влиянием священников удмурты д. Кузебаево, как и с. Монашево, отказываются от многих своих традиционных обрядов.

В настоящее время на территории Удмуртии подавляющее большинство удмуртов считаются православными христианами. По данным массового этносоциологического обследования, проведенного в 1979–1980 гг., выяснилось, что 4% верующих Удмуртии (сельских и городских) придерживались древнеудмуртской религии, а 6% сельских жителей исполняли как православные, так и традиционные удмуртские религиозные обряды (верующими назвали себя тогда 22,6% опрошенных) (13, с. 169).

Удмурты-«язычники» на современной карте Республики представлены только в нескольких населенных пунктах южных районов: в Алнашском – дд. Кузебаево, Удмуртский Тоймобаш, Муважи, Черный Ключ, Шайтаново, Удмуртское Кизеково; в Киясовском – д. Карамас-Пельга; в Граховском – д. Нижние Адам-Учи; в Малопургинском – д. Баграш-Бигра (12, с. 129; 14). В некоторых из них большинство населения является «язычниками», в других – только отдельные семьи. Так, д. Карамас-Пельга Киясовского района была основана в конце XVII столетия выходцами из д. Итешево (совр. Малопургинский район). В середине XVIII в. в период насильственной христианизации в эту деревню подселились несколько семей «язычников» из д. Старая Салья (совр. Киясовский район). Они до настоящего времени сохранили свои «языческие» верования, живут отдель-

ной улицей («Удмуртурам» – удмуртская улица), хоронят умерших на своем кладбище («Удмуртшай» – удмуртское кладбище). Семейно-брачные связи поддерживают с единоверцами из Агрызского, Алнашского, Малопургинского районов (12, с. 217; 15, с. 82).

Наиболее известным из населенных пунктов удмуртов-«язычников» Удмуртии является д. Кузебаево Алнашского района, которая служит своеобразным этническим символом республики. Живущие здесь «язычники» и крещеные удмурты до сих пор проводят общественные моления с жертвоприношениями. По сведениям Н.И. Шутовой, здесь продолжают функционировать святилища Луд и Быдзым куала (Великая куала). В священной роще Луд в настоящее время моления проводят один раз в году ночью на Петров день (раньше проводили два раза в году в Петров день и на Покров). В жертву приносят белых баранов. В обрядовых действиях принимают участие только мужчины. Культовое место имеет ограждение прямоугольной формы, куда имеют право входить только жрецы. Внутри ограды располагаются кострища, где в котлах варят мясо жертвенных животных (16, с. 49–50, 265).

В Великой куале в настоящее время молятся три раза в году (на Пасху, в Петров день и на Покров), раньше молились также на Масленицу. В жертву приносят утку/селезня. Территория святилища огорожена, там растут лиственные и хвойные деревья. Внутри ограждения находится срубная постройка – куала. Вход устроен с южной стороны, пол земляной, в центре – открытый очаг, внутри стоят стол и скамейки, по стенам развешаны головные полотенца (чалма), пожертвованные невестками, которые в первый раз принимают участие в молении, либо в качестве обета в случае болезней и других несчастий (16, с. 51–52, 265–267).

Ранее на Троицу проводили моление Булда вёсь на холме Булдагурезь, куда приходили также жители окрестных деревень Чумали, Муважи, Черный Ключ. В качестве общественных жертв выступали белые овцы и жеребята, в качестве семейных – белые гуси или овцы (16, с. 54–55).

По данным Н.И. Шутовой, жители д. Кузебаево подразделяются на три социально-культовых объединения (выжы): род Великой куалы (Быдзым куала выжы), род священной рощи Луд (Луд выжы), род Булда (Булда выжы). Для проведения молений в этих трех святилищах жрецов выбирают соответственно из того или иного рода. Представители рода Луда являются некрещеными, двух других – крещеными (16, с. 56–57).

Другим наиболее известным «языческим» поселением удмуртов на территории их исконного проживания является д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарстана. Она «является как бы духовным центром для удмуртов-язычников из Южной Удмуртии, а также интеллигенции, приверженцев язычества» (12, с. 207). Основана была в конце XVIII столетия (около 1775 г.) выходцами из деревень Малая Бодья и Малая Пурга современного Малопургинского района Удмуртии, не пожелавшими креститься (12, с. 130, 207). В преданиии об основа-

нии поселения, записанном М.Г. Атамановым, говорится, что «А первым сюда пришел Багыш, сын Юртая, из Малой Пурги. Не захотев принять новую веру, они ушли в лес. Долго шли по лесу, дни и ночи прошли. Один раз, кто-то из них поднялся на высокую сосну и посмотрел кругом: кругом лес, деревень нет, поблизости виднеется лесная поляна, а возле нее протекает красивая река. Дошли до нее, облюбовали место и начали строить себе жилье. Река, оказывается, называется Варклеть, а они были из рода Бодья, вот и назвали деревню Варклет-Бодья – новое и старое соединили» (12, с. 130). Родственные связи жители деревни поддерживают с удмуртами-«язычниками» вышеперечисленных деревень юга Удмуртии. По сведениям В.Е. Владыкина и Л.С. Христолюбовой, варклет-бодьинцы сохранили и продолжают проводить многие традиционные обряды календарного и семейно-родового циклов (2, с. 189, 240–243; 17, с. 145, 154).

Вне пределов традиционного расселения удмурты-«язычники» проживают на территории Бавлинского района Татарстана, (бывш. Бугульминский уезд Самарской губернии), северо-западных районов Башкортостана (бывш. Бирский и Уфимский уезды Уфимской губернии), в Куединском районе Пермского края (бывш. Осинский уезд Пермской губернии), Красноуфимском районе Свердловской области (бывш. Красноуфимский уезд Пермской губернии). Все они являются потомками переселенцев XVI–XVIII столетий на земли башкир-вотчинников (18, с. 5–6). В этнографической литературе они именуются закамскими удмуртами. Живя в иноэтничном и иноконфессиональном окружении (башкиры и татары – мусульмане) и избежав насильственной христианизации в XVIII в., они смогли сохранить свою традиционную религию.

В Бавлинском районе Татарстана проживают как крещеные (чукынэм удмортъёс), так и некрещеные удмурты (чукынымтэ удмортъёс). Последние живут в деревнях Измайлово и Удмуртские Ташлы (Уд-Ташлы), составляя примерно половину населения в обоих поселениях. Обе эти деревни видимо были основаны перед V народной ревизией (1795 г.). В ревизских сказках оба селения отмечаются как «вновь заселенная деревня». В 1795 г. в д. Заитова Услы (Заитова по речке Ташлы, совр. Уд-Ташлы) было переписано 39 «некрещеных вотяков», перешедших по указу Уфимской казенной палаты из д. Елангач Булак и 17 «из вотяков новокрещен», перечисленных из с. Покровского-Урустамака и дд. Большей и Средней Омги Елабужской округи Вятского наместничества (19, л. 390, 403, 419). В том же году во «вновь заселенной деревне Смаилова на Моховом ключе (совр. д. Измайлово) крещеные и некрещеные «ясашные вотяки» насчитывались в числе 47 и 28 человек соответственно (19, л. 404). В начале XX в. по сведениям Н.В. Никольского, в д. Заит Узла (Ташла тож) проживало 116 вотяков-язычников и 270 православных вотяков (в этой же деревне проживало также 170 православных чувашей). В д. Измайлово – 284 вотяка-язычника и 87 православных (20, с. 67). Интересно предание об основании д. Уд-Ташлы, записанное автором со слов Вотчинникова Данила Антоновича, 1915 г.р.:

«Первыми пришли три охотника. Им понравилось это место, и они переселились сюда. Они были из Урустамака. У них была фамилия Заитов. Поэтому сначала деревню называли Заитов Узыл. Их начали прогонять. Им сказали, если сюда двенадцатью хозяйствами поселитесь, можете оставаться. Из Дымской удмурты пришли, из Урустамака. В Татарской Дымской [совр. Бугульминский район Татарстана – *Р.С.*] до сих пор есть улица Ар урамы [Удмуртская улица – *Р.С.*]. Пять хозяйств чувашей пришли из Виръяла. Чувашские фамилии: Трофимов, Иванов, Романов, Ефимов. Из Дымской пришли некрещеные удмурты, из Урустамака – крещеные. Ишбулдин, Баширов, Смагулов, Ашитов – фамилии некрещеных удмуртов. Вотчинниковы – крещеные удмурты» (21, с. 152–153).

Крещеные и некрещеные удмурты в обеих деревнях совместно проводили общедеревенские жертвоприношения Ош вӧсян (Жертвоприношение быка), вместе с удмуртами других окружных деревень (крещеными) устраивали моления Дэмен вӧсь (Совместное моление). Но, вместе с тем, своих умерших крещеные и некрещеные хоронили раздельно: в Уд-Ташлы на отдельном участке общего кладбища, в Измайлово – на отдельном кладбище. Крещеные ставили на могилы православные кресты, некрещеные – надмогильный сруб и небольшую плиту из песчаника. Различаются у них также поминальные обряды: крещеные поминают умерших на краю стола, некрещеные – у предпечья.

Среди других особенностей некрещеных бавлинских удмуртов следует отметить широкое распространение у старшего поколения старинных имен (например, мужские: Туйгельда, Ишбулда, Байзет, Смагул, Ишберда, Биккул, Маматкул, Байкей, Мамаш, Туктагул, Бикмат, Ишмат, Бекбай, Исакай, Антуган, Туташ, Байгельда, Ишкей и др.; женские: Демыш, Атнабей, Дямбике, Тутыгыш, Агдян, Карлычась, Атнок, Тамбике, Тютебей, Яныш, Дызлыбика, Дзок и др.), которые ими воспринимаются как традиционно удмуртские. Подобные имена тюркского происхождения в XVII–XVIII вв. были характерны для большинства некрещеных удмуртов. Отметим, что среди некрещеных удмуртов Башкортостана и Пермского края такие имена в XIX в. под влиянием мусульман были вытеснены арабо-персидскими. Таким образом, они сохранились только среди некрещеных бавлинских удмуртов (22, с. 125). По сведениям И.В. Тараканова, некрещеные бавлинские удмурты заметно отличаются от своих крещеных сородичей также в лингвистическом плане (23, с. 187).

Моления-жертвоприношения в дд. Уд-Ташлы и Измайлово прекратили проводить в середине XX в. В настоящее время инициативы по их возрождению они не проявляют. Но, вместе с тем, продолжают соблюдать многие традиционные обряды семейно-родового цикла.

Удмурты-«язычники» Башкортостана и Пермского края (бывш. Уфимская и Пермская губернии) по своим этнокультурным особенностям очень близки друг другу. Они относятся к танышской, буйской и татышлинской подгруппам закамских удмуртов (24, с. 7–11). Они проживали в отрыве от

основной массы удмуртов, приверженцев православия, и в целости сохранили свою традиционную религию до 30-х гг. XX столетия, когда в период коллективизации с разрушением традиционного сельского быта ей был нанесен значительный урон.

На конец XIX – начало XX в. традиционная религия уфимских и пермских удмуртов представляла собой сложную многоуровневую систему. Первичным уровнем, где происходила реализация культовой практики была семья. Она была тесно связана в религиозном плане с объединением родственных семей, ведущих свое происхождение от одного предка по мужской линии (патронимия). В своей и в кругу родственных семей проводили всевозможные обряды семейно-родового цикла (рождение, свадьба, похороны). Множество молений проводилось также по случаю некоторых календарных праздников, например, Вӧй (Масленица), Быдӟынал (Пасха), Сӥзьыл куриськон (Осеннее моление), Тулыс и Сӥзьыл кисьтон (Весенние и Осенние родовые поминки) и т.д. Некоторые религиозные обряды этого уровня носили окказиональный характер, например, моления и жертвоприношения по случаю строительства нового дома. Достаточно сильно был развит культ семейной куалы.

Более высокий уровень составляли воршудно-родовые объединения (динь, выжы), члены которых проводили ежегодные (обычно два раза в году) моления в родовых святилищах куала и керемет.

Жители одного поселения также составляли отдельную религиозную единицу. Весь цикл общедеревенских молений-жертвоприношений был связан с аграрными культами и имел календарную приуроченность к основным этапам земледельческого труда. Самыми главными из них считались летнее Бадӟым вӧсь (Великое моление) или Гуртэн вӧсь (Моление деревней) и зимнее Тол вӧсь (Зимнее моление).

Объединение нескольких деревень – мер, являлось еще более крупной религиозной единицей, вероятно, имевшей в прошлом и другие функции, помимо культовых. После проведения собственных жертвоприношений, жители деревень, объединенных в один мер, проводили совместное жертвоприношение Мер вӧсь.

Удмурты Бирского и Осинского уездов Уфимской и Пермской губерний объединялись в один эль (страна/край) и проводили ежегодные моления Элен вӧсь (Моление страной/краем). По сообщению К. Яковлева, Элен вӧсь – «самое торжественное, так как этот праздник считается праздником всех вотяков Бирского и Осинского уездов. Местом жертвоприношения служат три деревни: Старо-Варяшево Кызылъяровской вол. Бирского уезда, Алтаево Ваныш-Алпаутовской вол. того же уезда и Сухо-Кырги Больше-Гондырской вол. Осинского уезда. В одно лето жертвоприношение происходит только в одной из деревень, а в остальных – уже в следующие годы» (25, с. 263).

Несмотря на активные миссионерские усилия как со стороны православной церкви, так и мусульманских священнослужителей, удмурты Уфимской и

Пермской губерний в основной своей массе строго придерживались норм своей традиционной религии. Особую роль в этом играли жрецы, которые, по словам Н.И. Тезякова, «фанатически оберегают свои языческие верования» и пользуются среди удмуртов «громадным авторитетом» (26, с. 6).

Чувствуя непризнанность своей религии царским правительством, удмурты Уфимской и Пермской губерний высказывали недоумение по этому поводу. Так, финский ученый А.О. Хейкель, побывавший в 1884 г. в д. Большой Качак Бирского уезда, отмечал, что вотяки-язычники жалуются, почему царь не разрешает им проводить жертвоприношения, ведь им, как и остальным народам, надо молиться о хорошем годе, т.е. о хорошей погоде, чтобы получать хороший урожай и исправно платить налоги (27, s. 8–9).

Таким образом, на конец XIX – начало XX в. традиционная религия удмуртов данного региона представляла собой сложную строго организованную систему и имела своих многочисленных адептов. По данным переписи 1897 г. 20920 из 22501 удмурта Уфимской губернии (или 89%) исповедовали «языческую» веру. Остальные придерживались православия (1176 чел., 9,2%) или мусульманства (405 чел., 1,8%). Подавляющее большинство удмуртов-«язычников» было сосредоточено в Бирском уезде (20442 чел.), остальные – 474 чел. – в Уфимском уезде (28, с. 7, 8, 45, 49, 53). В Пермской губернии по переписи 1897 г. насчитывалось 6505 удмуртов, в том числе в Осинском уезде – 5907 чел., в Красноуфимском – 434 чел. Из них православных насчитывалось 200 чел., старообрядцев – 5 чел., магометан – 208 чел., остальных нехристиан, т.е. «язычников» – 6096 чел. (29, с. 3, 98–99) (в эти показатели включены также удмурты Красноуфимского уезда, см. об этом ниже).

Противопоставляя себя крещеным удмуртам (чукынэм удмортъёс), они называли себя «чын удмортъёс», т.е. «настоящие удмурты». Причину переселения на башкирские земли они объясняли стремлением сохранить веру предков.

В советские годы, проведение крупных общественных молений-жертвоприношений стало небезопасно. Партийные и советские работники приходили на место молений и разгоняли собравшихся верующих. Были осквернены многие святилища: на их месте были построены колхозные фермы или вырыты силосные ямы и т.д. Подвергались гонению жрецы. Но, несмотря на все это, многие жертвоприношения проводились. Правда, масштабность их и количество резко сократились. Религиозные традиции удмуртов тогдашних Башкирской АССР и Пермской области в особенный упадок пришли в 70–80-е гг. Поколение, воспитанное на атеистических началах, игнорировало посещение религиозных мероприятий. Пожилых людей, носителей традиции, становилось все меньше и меньше. Проведение общественных молений сохранялось только в отдельных деревнях, куда в основном собирались старики. Вместе с тем, традиции семейно-родового цикла соблюдались неукоснительно, особенно похоронно-поминальные обряды.

В постсоветское время удмурты Башкортостана и Пермского края начали возрождать свою древнюю религию, точнее проведение деревенских и окружных молений. Особая роль в возрождении религии удмуртов принадлежит Национально-культурному центру удмуртов Республики Башкортостан, созданному в 1996 году. Благодаря его активистам традиция проведения крупных общественных молений восстановлена практически во всех крупных удмуртских населенных пунктах Башкортостана. Рядовые верующие активно поддерживают и положительно воспринимают эти начинания.

В Пермском крае в настоящее время моления-жертвоприношения совершаются только в двух населенных пунктах: с. Кирга (Буэ дюк вӧсь – Моление в логу р. Буй) и с. Кипчак (Керемет вӧсь – Моление в священной роще Керемет) (30, с. 499–500).

Итак, в настоящее время в связи с изменением общественно-политической ситуации в России происходит активный процесс возрождения древней религии среди закамских удмуртов Башкортостана и Пермского края. Особенно ярко он проявляется среди удмуртов Башкортостана, которые в возрождении веры предков видят одно из условий сохранения своей этничности.

Крупное событие в религиозной жизни закамских удмуртов произошло в 2008 г.: в д. Алтаево Бураевского района Башкортостана было возобновлено проведение Элен вӧсь. Традиция его проведения была утрачена еще в начале XX в. На моление собрались представители от деревень удмуртов Башкортостана и Пермского края. В 2009 г. Элен вӧсь был проведен в с. Старый Варяш Янаульского района Башкортостана. Во время этого мероприятия была создана Ассоциация удмуртских жрецов, которая должна заниматься вопросами организации проведения жертвоприношений. На 2010 г. проведение Элен вӧсь запланировано в с. Кирга Куединского района Пермского края. Как уже отмечалось выше, в старину все эти деревни являлись местом проведения общественных молений, где принимали участие представители всех удмуртов Уфимской и Пермской губерний.

Рассмотрим религиозную ситуацию среди закамских удмуртов на конкретном материале, а именно на примере д. Кызылъяр Татышлинского района Башкортостана. Деревня является одним из старинных поселений удмуртов-«язычников», переселившихся на башкирские земли, основана в самом начале XVIII столетия (вероятно в 1713 г.) (31). По сведениям пожилых информаторов, в их молодости проводилось множество общественных и семейных молений и жертвоприношений. В деревне проживают представители воршудов Поска и Какся. Соответственно здесь имелись две родовые куалы Поска куала и Какся куала и две огороженные священные рощи керемет. К настоящему времени моления в куалах и кереметах не проводятся. Родовые моления в куале проводили еще после Великой Отечественной войны, но постепенно перестали. Приносить жертвы в керемете перестали недавно, в связи со смертью жреца. Хотя обряды в этих святилищах уже не

проводятся, их места тщательно оберегаются и сохраняется память об их сакральности.

Перед началом пахоты проводили Танып дурын куриськон – Моление у р. Танып, где молились о хорошем урожае. Жители всей деревни летом в период цветения озимых совместно проводили «Ошмес дур вӧсь» (Моление у родника), которое также называли «Гуртэн вӧсь» (Моление деревней). После проведения общедеревенского моления, устраивали жертвоприношение на «Багыш вӧсь» (Моление Багыш, название, вероятно, происходит от находящегося невдалеке от священного места поля Багыш бусы: Багыш антропоним, бусы ‘поле’), куда приходили молиться также удмурты окрестных деревень Верхне- и Нижнебалтачево, Таныповка. Вслед за Багыш вӧсь устраивали крупное общественное моление Мӧр вӧсь на священном месте у д. Калмияр. В советские годы место проведения этого моления перенесли к маленькой деревне Альга, подальше от взоров районного и сельского начальства. На моление Мӧр вӧсь собирались жители девяти окрестных деревень. Эти же моления (Гуртэн вӧсь, Багыш вӧсь, Мӧр вӧсь) проводили и в зимний период. В засушливые годы устраивали обряд «Карга бутка» (от башк.: ‘грачиная каша’), когда обливали водой могилы и молились верховному богу Инмару с кашей, прося дождя.

В настоящее время жители деревни принимают участие в Багыш вӧсь и Мӧр вӧсь, которые устраиваются летом и зимой. Места их проведения огорожены, там построены сооружения для хранения ритуального инвентаря. Сохраняется также традиция проведения многих семейно-родовых обрядов, особенно похоронно-поминального цикла (32).

Небольшая группа удмуртов-«язычников», на сегодняшний день практически ассимилированная соседями – уральскими марийцами, проживает в селах Юва и Верхний Бугалыш Красноуфимского района Свердловской области. До 40–50-х гг. XX в. они два раза в год (летом и зимой) проводили крупные общественные моления-жертвоприношения – «Вэсь бэрйэм» (Праздник жертвоприношения). На них жертвовали жеребят, телят, баранов, гусей. Проводили также моления в кереметах. Все эти жертвоприношения устраивали отдельно от живущих в этих селах марийцев-«язычников», которые проводили свои моления. До середины XX столетия сохранялись некоторые удмуртские элементы в семейно-родовой обрядности. К настоящему времени они утрачены. Своих умерших красноуфимские удмурты хоронят на отдельных участках общих с марийцами кладбищ (33, с. 263–264).

Итак, к началу XXI в. удмурты, исповедующие свою традиционную этническую религию, живут в большинстве своем на территории Башкортостана и Пермского края. Небольшие группы удмуртов-«язычников» сохранились также на территории исконного их проживания – в нескольких населенных пунктах юга Удмуртии. Незначительные группы удмуртов-«язычников» живут также в Татарстане и Свердловской области.

Приложение

Населенные пункты, где проживают удмурты, исповедующие традиционную этническую религию («некрещеные удмурты», «язычники», «чукынымтэ удмортъёс», «чын удмортъёс»)*

№ п/п	Название	Другое иноэтничное и иноконфессиональное население	Жертвоприношения (+ традиция не пресекалась, ++ возрождены в недавнее время, – не проводятся)
Удмуртская Республика			
Алнашский район			
1	д. Кузебаево (Кузебай)	Православные удмурты	+
2	д. Удмуртский Тоймобаш (Удмурт Тоймобаш)	Православные удмурты	–
3	д. Муважи (Усо)	Православные удмурты	–
4	д. Черный Ключ (Сьӧд Ошмес)	Православные удмурты	–
5	д. Шайтаново (Шайтангурт)	Православные удмурты	–
6	д. Удмуртское Кизеково (Кизекгурт)	Православные удмурты	–
Киясовский район			
7	д. Карамас-Пельга (Уддяди)	Православные удмурты	–
Граховский район			
8	д. Нижние Адам-Учи (Адамча, Вотские Адам-Учи)	Православные удмурты	–
Малопургинский район			
9	д.Баграш-Бигра (Бигра)	Православные удмурты	–
Республика Татарстан			
Агрызский район			
10	д. Варклед-Бодья (Бӧдья)		+
Бавлинский район			
11	д. Измайлово (Пыкет)	Православные удмурты	–
12	д. Удмуртские Ташлы (Ташлы)	Православные удмурты и чуваши-вирьялы	–

* В некоторых населенных пунктах, отмеченных значками + и ++, жители участвуют только в окружных молениях, проводимых в других поселениях.

Республика Башкортостан			
Балтачевский район			
13	д. Кизганбаш (Көйгурт, Кӧльыгурт)	Татары-мусульмане и православные русские	+
14	д. Асавка (Вылӱсь Асау)	Татары-мусульмане	+
15	д. Шавьяды (Шэйбэды, Вильгурт, Виль Кисса)	Татары и башкиры-мусульмане	–
Бураевский район			
16	д. Мамады (Мамды)		+
17	д. Бикзян (Пельга, Бикзӧэн)	Татары-мусульмане	–
18	д. Алтаево (Алтау)		+
19	д. Касиярово (Кисса)	Татары-мусульмане	–
20	д. Давлеканово (Дэулэкэн)		–
21	д. Асавтамак (Улӱсь Асау)	Татары-мусульмане	–
22	д. Байшады (Бэйшэды)		++
23	д. Сарсаз (Сарсаз, Касиярка)		–
Илишевский район			
24	д. Ташкичи (Ташкичу)	Татары-мусульмане	–
Калтасинский район			
25	с. Большой Качак (Качак)		++
26	д. Малый Качак (Чиндэр)		++
27	д. Качкин-Турай (Каськын)		++
28	д. Кургак (Кургак)		++
29	с. Верхний Тыхтем (Шыльныр)		++
30	д. Нижний Тыхтем (Тыктем)	Марийцы-«язычники»	++
31	д. Тынбахтино (Тымбакты)	Марийцы-«язычники»	–
32	д. Тойкино (Туйкагурт)		–
33	с. Большое Туганеево (Тугыни)		++
Кушнаренковский район			
34	д. Канлы (Камны)		–
Татышлинский район			
35	с. Кальмияр (Вуж Калмияр, Калмияр)		+
36	д. Петропавловка		+
37	д. Юда (Ӟуды)		+
38	д. Вязовка (Везовка)		+
39	д. Арибаш (Арӟыл)		+
40	д. Альга (Альга)		+

41	д. Бигинеево (Бегеней)		+
42	д. Верхний Балтач (Выли Балтась)		+
43	с. Нижний Балтач (Улӥ Балтась)		+
44	д. Дубовка (Дубовка)		+
45	д. Ивановка		+
46	д. Кызылъяр (Кызылъяр, Вуж Кызылъяр)		+
47	д. Таныповка (Бузырлы)		+
48	д. Танып-Чишма (Ушияр починка)	Татары-мусульмане	+
49	д. Утар-Елга (Утар-Ӟолга)	Татары-мусульмане	+
50	д. Бальзюга (Бальзӱга)		+
51	д. Майск (Майски)		+
52	с. Новые Татышлы (Вильгурт)	Татары-мусульмане	+
53	д. Уразгильды (Вукогурт)		+
	Янаульский район		
54	д. Нократ (Ватка)		+
55	д. Банибаш (Ванья)		–
56	д. Каймаша		+
57	д. Каймашабаш (Шыр)		+
58	д. Верхняя Барабановка (Арка)		+
59	с. Максимово (Максим, Андым, Эннекыр)	Татары и башкиры-мусульмане	+
60	д. Вотская Ошья (Ушья)	Татары-мусульмане	+
61	д. Вотская Урада (Урады)		+
62	д. Никольск		–
63	д. Арлян (Арлан)		–
64	д. Барабановка (Пештэрек)		–
65	д. Новая Кирга (Виль Кырги)		–
66	д. Норкан (Нуркан)		–
67	д. Будья Варяш (Быдӟа)		++
68	д. Наняды (Няняды)		++
69	д. Новый Варяш (Виль Вараш, Вильгурт)		++
70	с. Старый Варяш (Вуж Вараш)		++
71	д. Конигово (Коньга)		+

72	д. Можга (Можга)		+
73	с. Шудек (Чучча)		+
74	д. Андреевка (Герей)		++
75	д. Четырман (Чытырман)	Татары-мусульмане	++
	Пермский край		
	Куединский район		
76	с. Барабан (Эсэт)		–
77	с. Большой Гондырь (Бадзым Гондыр, Гондыр)	Татары-мусульмане, православные русские	–
78	д. Малый Гондырь (Покчи Гондыр)	Татары-мусульмане	–
79	д. Верхний Гондырь (Кечтака)	Татары-мусульмане	–
80	д. Вильгурт (Вильгурт)		–
81	с. Кипчак (Кырччак)		++
82	с. Кирга (Вуж Кырги, Кырги)		+
83	д. Союз (Кипчак кутыр)		–
84	д. Гожан (Гожон)		–
85	д. Удмурт Шагирт (Шагырт)		–
86	с. Старый Шагирт (Зуч Шагырт)	Православные русские	–
87	д. Калмияры (Виль Калмияр)		–
	Свердловская область		
	Красноуфимский район		
88	с. Юва (Зуа)	Марийцы-«язычники»	–
89	с. Верхний Бугалыш (Вылй Бугалыш)	Марийцы-«язычники»	–

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999.

2. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.

3. *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Удмурты. Историко-этнографический очерк. – Ижевск, 2008.

4. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. – М., 1990.

5. *Ягафова Е.А.* Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. – Самара, 2007.

6. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. – Ижевск, 1999.

7. *Никитина Г.А.* Сельская община бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.). – Ижевск, 1993.

8. *Атаманов М.Г.* Сибирская группа удмуртов // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.8. Удмуртская диаспора. – М.-Ижевск, 2008.

9. *Isimoto K., Stremecki J.* Subcontractors monograph on the Votyak (Udmurt). – New Haven, 1955.

10. *Нуриева И.М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов. Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. – Ижевск, 1999.

11. *Никитина Г.А.* Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х годов). – Ижевск, 1998.

12. *Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997.

13. *Владыкин В.Е., Шепталин А.А.* Камо грядеши? Удмуртия на перекрестках веры (некоторые предварительные размышления) // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Сб. статей. – Уфа, 2000.

14. *Ильинский С.И.* Языческий фактор в религиозной, социально-политической и этнокультурной жизни современной Удмуртии // http:www.rusoir.ru/03rint/01/43index.html

15. *Атаманов М.Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск, 2005.

16. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. – Ижевск, 2001.

17. *Христолюбова Л.С.* Удмурты Татарстана // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.8. Удмуртская диаспора. – М.-Ижевск, 2008.

18. *Садиков Р.Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). – Уфа, 2001.

19. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-172. Оп. 1. Д. 69.

20. *Никольский Н.В.* Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указателем литературы о них и изданий на вотском языке. – Казань, 1912.

21. *Садиков Р.Р.* Межконфессиональное взаимодействие в этнически смешанных поселениях: на примере Башкортостана и Татарстана // Мы и как удмурты, и как чуваши … Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях. Сб. статей. – М., 2007.

22. *Садиков Р.Р.* Бавлинская группа удмуртов: история формирования и этнокультурные особенности // Этнография восточно-финских народов: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ижевск, 2007.

23. *Тараканов И.* О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 77. Труды по языкознанию. – Тарту, 1959.

24. *Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). – Уфа, 2008.

25. *Яковлев К.* Верования и религиозные обряды вотяков Бирского и Осинского уездов // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915, № 6–7.

26. *Тезяков Н.И.* Вотяки Больше-Гондырской волости. Медико-статистический и антропологический очерк. – Чернигов, 1892.

27. *Heikel A.O.* Tjeremissien ja votjakkien luona Birskin seuduilla, mordvalaisten luona Samaran läänissä kesällä. 1884. // Museoviraston Kansatieteen käsikirjoitusarkisto.

28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетраль 2. – СПб., 1904.

29. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXI. Пермская губерния. – СПб., 1904.

30. *Черных А.В.* Традиционные религиозные представления и этничность удмуртов Прикамья на рубеже XX–XXI вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финноугроведов. – Йошкар-Ола, 2004.

31. *Зайдуллин Р., Зайдуллин А.* Районысь удмурт гуртъёслэн кылдэмзы // Азылань. Общественно-политическая газета Татышлинского района Республики Башкортостан. 1999 ар, 5 июнь. № 46 (6878).

32. Полевые материалы автора, 2009. Татышлинский район Башкортостана, д. Кызылъяр. Бадретдинова Ф.Б., 1928 г.р.; Шаймиева Б.Т., 1930 г.р.

33. *Садиков Р.Р.* Красноуфимские удмурты (этнодемографическая и этнокультурная характеристика) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа, 2003.

Ranus Sadikov

UDMURTS-«PAGANS»: FORMATION HISTORY, MOVING AND A MODERN CONDITION OF ETHNO-CONFESSIONAL GROUP (XVIII – BEGINNING OF THE XXI)

During historical development at the Udmurt ethnos own religious-mythological sights at the world were generated. The big attention to their formation was rendered by world religions – Islam and Christianity. Prior to the beginning of a mass violent christening (40th of the 18 century) the traditional ethnic religion remained dominating among Udmurts. In a current of 18 centuries the imperial government by violent Christianization has compelled the basic part of the Udmurt people to accept Orthodoxy. In Vyatka and Kazan provinces small islets, where Udmurts-«pagans» lived, have remained only. To the beginning of the XXI century the Udmurts practicing the traditional religion, live in the majority in territory of Bashkortostan and the Perm region. Now in connection with changes of a political situation in Russia there is an active process of revival of ancient religion among Kama Udmurts.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Галина Лисовская
Сыктывкар

ЖАНРОВАЯ СТИЛИСТИКА ТВОРЧЕСТВА В.САВИНА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

После гражданской войны в России наступил короткий период (где-то до середины 20-х годов) культурного обновления, разложения прежних этико-социальных норм и появления новых. Это было время больших надежд и утопических идеалов. В этот промежуточный период зарождающийся строй еще не проявил своих острых противоречий и пороков, с одной стороны, и не успел сакрализоваться, с другой. В национальных окраинах это было время не только социально-политического, революционного перелома, но и национального возрождения.

Эпоха перемен породила главное – бурную духовную деятельность. Появилась национальная интеллигенция. Имеется в виду не социологическое понимание интеллигенции как социального слоя, выделяемого по профессионально-образовательному критерию. А интеллигенция в философско-культурном смысле слова как плеяда единомышленников, духовная общность людей, вовлеченных в социальную деятельность. Благодаря ей новое время заговорило на языках национальных культур. Среди тех, кто закладывал основы национальной культуры в теории и на практике, мордовские деятели культуры М.Евсевьев, З.Дорофеев, Ф.Чесноков, марийцы С.Чавайн, М.Шкетан, О.Шабдар, удмурты Кедра Митрей, Кузебай Герд, Ашальчи Оки, коми В.Лыткин (Илля Вась), В.Чисталев (Тима Вень), В.Савин (Нёбдінса Виттор) и другие представители финно-угорской интеллигенции, увидевшие в себе, в своем времени возможность полной человеческой и национальной реализации. Они стали авторами первых учебников, основоположниками национальной науки, литературы, театра.

Особая роль в культурном возрождении коми народа принадлежит В.Савину. Это та личность, к которой приложимо известное высказывание о деятелях эпохи Ренессанса: «Эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учёности» (1, с. 346). Поэт, писатель, драматург, основоположник коми театра, композитор, журналист, актер и политический деятель В.Савин – величайшее проявление народного гения, порожденное эпохой национального энтузиазма, грандиозного революционного слома старой жизни и строительства новой.

Это время имело совершенно особый стиль жизни, стиль мышления, который и определил творческую стилистику зарождающейся новой литературы. В эту историко-культурную ситуацию перехода от старого к новому, когда эпоха прощалась со своим прошлым и строила утопические идеалы, рождается специфическое мироощущение, которое всегда появляется в переходные эпохи – это карнавальное мироощущение. Оно выражается, можно сказать, материализуется в определенных действах, мистериях, текстах, которые примыкают по своей природе к некому метажанру, получившему название Менипповой сатиры или Мениппеи. Данное понятие установилось в литературоведческой практике в результате прежде всего работ М.Бахтина (1929–63 гг.) как обобщение античного жанра Менипповой сатиры. Мениппея, по М.Бахтину, в отличие от Менипповой сатиры, охватывает литературные явления разных эпох и обозначает определенную жанровую сущность, а не жанровый канон.

И вот, обращаясь к произведениям В.Савина 20-х годов, можем сказать, что в них отразился дух времени, ветер перемен, который, если вспомнить утверждение М.Бахтина об «объективной памяти жанра» (2, с. 121), привел к появлению в его творчестве этого вида серьёзно-смехового жанра, и он соотносим с древней традицией мениппейного жанра.

В стиле мениппеи – стиль эпохи и те задачи, которые решала эпоха. И как ранний гуманизм был теснейшим образом связан с комплексом прикладных этико-политических, социально-педагогических задач, так и гуманизм первых писателей национального возрождения в 20-е годы был связан с решением комплекса задач, прежде всего просветительских. Отражением их стала новая жанровая форма, в которой все переплетено – ликование, увенчание нового мира, развенчание старого, а главное – сильные риторические элементы, которые, однако, «в атмосфере веселой относительности карнавального мироощущения существенно изменяются», теряют свою однозначность (2, с.186).

Некоторые тексты В.Савина могут быть названы мениппеями почти в строгом античном смысле этого термина, настолько четко в них проявляются все признаки этого жанра, в некоторых произведениях есть элементы карнавализации. Так, в них всегда имеется такой важный элемент мениппеи, как наличие исключительной сюжетной ситуации, например, в стихотворении «Тутуруту Семё» (Тутуруту Семён, 1926), живописующем деревенскую свадьбу. Свадьба – яркое, зрелищное действо, когда люди выведены из обычной колеи, в ней присутствует карнавальная стихия. В народном праздничном застолье, которое рисует В.Савин, – радость, веселье, крик, скандалы, визг; здесь кто-то кого-то целует, кого-то тошнит… Этот пир – настоящий ренессансный, раблезианский. Стилистика народной свадьбы, фольклорность стихотворения подчеркиваются ритмически (3, с.168). Преобладание хореического размера с «перебиваниями» дактиллическими создают озорной, народно-поэтический колорит. Стихотворение отличает типичная «карнавальная анатомия» как в именах персонажей (Чукля Педор – Кривой Федор, Ныртом Петыр – Безно-

сый Пётр, Варгыль Косьта – Косолапый Костя), так и в концовке стихотворения – финале свадьбы, когда жених Семён

Гӧра вывсянь чеччыштӧма,	С горы соскочил,
Став лы-сьӧмсӧ крӧштӧма.	Все кости раскрошил.
Ӧгрӧ Марпа куралiс...	Огро Марфа собрала...
Кирӧ Кузьма кокалiс...	Киро Кузьма закопал...
Сё морӧ свадьба!..	Ну и свадьба!..

Драматичность, которая кажется безусловной – разбился жених – на самом деле, по общему духу стихотворения, отсутствует, а точнее, она относительна в атмосфере всеобщего бездумного, «оргийного» хаоса.

Ярким примером использования В.Савиным приёмов карнавализации является стихотворение «Вен» (1922). Подробно оно рассмотрено в работах В.Н. Дёмина. Не давая определение жанру этого стихотворения как мениппеи, ученый фактически дает его полную характеристику, относящуюся к карнавализованной литературе (3, с.166–167).

Из четырнадцати признаков мениппеи, которые являются хрестоматийными, мы выделяем в стихотворении «Вен» тринадцать: 1). Новое отношение к действительности. «Непосредственный, и даже грубый контакт с современниками». 2). Свободный вымысел, позволяющий моделировать абсурдную ситуацию присутствия на Генуэзской конференции 1922 года коми делегата. 3). Злободневность, публицистичность текста. В.Савин отталкивается от газетной публикации, написанной на злобу дня, а потому и решает сугубо практические задачи (4). 5). Мы здесь видим и особый тип экспериментирующей фантастики (наблюдение за событиями большой политики с необычной точки зрения – простого человека). 6). В.Савин показывает и необычное состояние человека (подзаголовок стихотворения «Сон или быль»). По М.Бахтину, сон обладает особым художественным значением, «во сне создается невозможное в обычной жизни, исключительная ситуация, служащая все той же цели – испытания идеи и человека идеи» (2, с.145). В.Савин продолжает традицию художественного использования сна в вариации «фантастического путешествия». 7). Характерные для мениппеи сцены скандалов, нарушение общепринятых норм поведения, эксцентричность героя отличают и это стихотворение. Само его название предполагает некое столкновение мнений. У В.Савина забавная перебранка «важного» лица с незванным пришельцем снижает значительность происходящих событий. 8). Комический эффект достигается при этом тем, что текст наполнен резкими контрастами и переходами. Важность Барту и Пуанкаре контрастирует с грубо-просторечной лексикой обоих, например,

«Ак пӧ, што пӧ, ме пӧ Барта,	Ах, мол, что мол, я, мол, Барта,
Ныр-вомад пӧ ӧзик пыр варта.	По лицу, мол, сейчас же заеду.
Чорт возьми пӧ сiдз нин мат –	Черт возьми, мол,
Гашкӧ, тэ тшӧти делегат?!».	Может, и ты делегат?!

Сэсся нинӧм тойтны тан.	Больше нечего здесь топтаться,
Кӧні менам чемодан? (Пуанкаре)	Где мой чемодан? (Пуанкаре)

или просторечное обращение Ллойд Джорджа – «Дугдӧй, зонъяс» (Прекратите, парни). Сами диалоги с отменой всякой дистанции между людьми создают карнавально-комический эффект. 9). Смеховой эффект достигается также макароническим сплетением коми и русского языков, макфонического стиха, что также характерно для карнавальной стилистики. Ср.:

Ме сэк шуи: «Эг-ӧ сёрмы?»	Я спросил тогда: «Не опоздал ли?»
Оз тӧд некод коми сёрни.	Никто не знает коми речь.
Мӧдпӧв рочӧн ме сказал,	Затем по-русски ме (я) сказал:
«Гашкӧ, мися, опоздал?»	«Может, мися, опоздал?»
Рочӧн шуа: «Где нӧ я?».	По-русски спрашиваю: «Где же я?»
Кодкӧ шуис: «Генуя!..!	Кто-то говорит: «Генуя».

10). Низкое в стихотворении сочетается с высоким, верх и низ, высокое и низкое меняются местами.

Савинский персонаж, оказавшись в гуще большой политики, не растерялся, ведет себя здраво, рассудительно. Его оппоненты наоборот, или грубы и необузданны, или простоваты, как английский лорд Ллойд Джордж (простоватый лорд – уже оксюморон).

11). Все это свидетельствует о многостильности савинского текста. Решаются важные для автора серьезные проблемы. Кроме осмеяния, развенчания старого, буржуазного мира присутствует высокий пафос принадлежности к своему народу («Тэ пӧ русский ӧд сеньӧр?». А ме шуа: «Коми морт!» – «Ты русский ведь сеньӧр?». А я отвечаю: «Я коми человек!») и к новому миру.

12). Карнавальный принцип «увенчание – развенчание» включает в себя обязательный для мениппеи элемент социальной утопии. В стихотворении это проявляется в радостной уверенности во всемирной победе пролетариата, в солидарности рабочих всех стран.

По жанровой стилистике это стихотворение – смесь народного хулиганства с революционной патетикой.

13). И, наконец, несмотря на нереальность сюжетного вымысла, тематика стихотворения наполнена реалиями 20-х годов. Савин отталкивается от конкретного события, которое произошло 10 апреля 1922 года в Генуе. Поэт впервые опубликовал стихотворение 4 мая 1922 года. Это, фактически, журналистский ответ на этот международный форум в день международной солидарности трудящихся. Вот откуда торжествующий возглас – напоминание в стихотворении о Первомае:

Сӧмын шуи: «Барт, прӧщай!	Лишь сказал: «Барт, прощай!
Тэ эн вунӧд Первой Май!»	Не забудь про Первомай!»

Вплоть до частных деталей стихотворение напоминает то время, в которое оно писалось. Не только деятели большой политики присутствуют в нем, но и

некий начальник Михайлов* и газета «Югыд туй», ответственным редактором которой был поэт – все это реалии, конкретные приметы времени.

Единственным элементом, характерным для мениппейного жанра и отсутствующим в этом стихотворении, является использование вставных жанров, сочетание прозаической и стихотворной речи. Однако такая черта стилистики ярко проявляется в других текстах В.Савина, например, в его пьесах «Райын» (В раю, 1921) и «Инасьтом лов» (Неприкаянная душа, 1926). Это дилогия о скитаниях в раю и в аду души новопреставленного крестьянина Сюзь Матвея.

Если в советском литературоведении подчеркивался антирелигиозный пафос пьес (4, с.144–145), то в исследованиях последнего времени он или подвергается сомнению, или объявляется второстепенным (5). Тогда как, с одной стороны, невозможно отрицать, что как проникшая в средневековый мир идея о человеческом величии, потеснившая бога – философия гуманизма, определила эпоху Возрождения, так и ренессанс нового времени основывался на философии, магистральной мыслью которой в ее истоках была вера в человека, убеждение в необходимости освободить его прежде всего от религиозных оков**. И развенчание церковной риторики служителей культа – попа, дьякона с их жадностью, обжорством, равнодушием к горю семьи, потерявшей кормильца, было одной из задач, которые ставил В.Савин, как носитель идей нового – революционного гуманизма. В то же время гротескно-смеховое изображение служителей религиозного культа и обитателей потустороннего мира показывает, что эти пьесы стилистически и тематически родственны народному карнавалу. Помимо социально-сатирических оттенков они содержат «карнавальное сознание».

Так, представления о рае, аде и их обитателях явно восходят к такой карнавальной категории, как профанация (здесь это пародия на традиционное христианское учение), и их следует рассматривать в связи с многовековой традицией народной культуры. В раю не радостно, в аду не страшно, ангел-хранитель труслив, и везде скучно, только земная жизнь ценна, – об этом пьесы В.Савина. Символом радости бытия в них является образ Сюзь Матвея. Хотя это автобиографический персонаж В.Савина, сквозь него просвечивает стихия фольклорная, языческая. Дух народно-площадной стилистики, т.е. сниженный карнавальный смех, – стихия дилогии В.Савина. Путешествует Сюзь Матвей в карнавализованном пространстве (верх, низ), и карнавальный тон происходящему задаёт

*Александр Игнатьевич Михайлов в 1922–1924 годы возглавлял агитпропотдел обкома партии. См. об этом: Г.И.Торлопов. Примечания // Нёбдінса Виттор (В.А.Савин). Югыд колзув. Кывбуръяс, поэмаяс, ораторияяс, роч вылысь, роча-комиа да роч кывбуръяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. С. 283.

** «Человек должен лишь познать самого себя, сделать себя мерилом всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески… Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных “богов”». Ф.Энгельс. Положение Англии / Томас Карлейль. Прошлое и настоящее // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. С. 593.

игра балагура и озорника на сигудке, пение весёлых песен, «фамильярный контакт» с большими чинами христианского рая, непристойное поведение – сквернословие. Скитающийся по тому свету Сюзь Матвей, веселящий обитателей рая и ада игрой на сигудке, напоминает и европейских, и древнерусских скоморохов, развлекающих народ на площадях и улицах еще дохристианских средневековых городов. Сюзь Матвей является воплощением крестьянского «двоеверия». Его бунтарство направлено не на саму христианскую символику и церковную риторику, а на скуку, безжизненность официального православия, противопоставленного красочности, сочности здорового духа народной жизни. Веселые песни Сюзь Матвея – это радостный гимн жизни, «увенчание» земного бытия, контрастируют с драматическими сценами «развенчания» потустороннего мира и тех персонажей на земле, которые служат проводниками в иной мир. Оксюморонная стилистика «лирической сатиры» (терминология М.Цветаевой) – еще одно свидетельство мениппейной характеристики дилогии.

Корни таких стилистических особенностей его пьес, как простонародный язык, марионеточные образы сатирических персонажей, скандальность ситуаций, сплетение фантазии с реализмом и т.д. прослеживаются в народном балаганном театре, и поэтому эти пьесы В.Савина до сих пор присутствуют в репертуаре самодеятельных театров и пользуются ошеломляющей народной любовью.

Карнавализованный жанровый дискурс, особенно проявившийся в драматургии и поэзии В.Савина, характерен и для его прозы. Это рассказ «Луча» (1926). Здесь мы видим, что карнавальная стихия вторглась во все сферы жизни – как в общественные, так и в частные, семейные. Герой рассказа – коми крестьянин из деревни Джиян на Вишере. Он первым не то что в деревне, а в волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил октябрины. Вся партячейка выбирала его имя, чтобы оно было «крепким» и «красного цвета». Остановился он на имени Новолучинский-Чумбаров, в честь погибшего героя гражданской войны Чумбарова-Лучинского, которое в конце концов превратилось просто в Лучу.

Комический реализм стилистики рассказа В.Савина позволил органично показать реальное противоречие мироощущения личности послереволюционной поры. Парные образы Ликерьи и Тист Ивана показывают амбивалентность времени, смену миропорядка. Савинская усмешка касается не только представителей старого мира (поп, ликерья), но и нового, когда доведено до абсурда стремление к новому, например, когда члены партячейки предлагают назвать новорожденного именами Глухарь, Белка или Дятел. Да и сам Тист Иван, меняя крестины на октябрины, иконы на портреты вождей, с одной стороны, стремится к новой жизни, с другой стороны, меняет одну религию на другую. А имя Луча – всего лишь компромисс между Новолучинским-Чумбаровым и святым Лукой. Контрастные сочетания этого рассказа – свидетельство амбивалентного Савинского смеха. В этом рассказе присутствуют основные жанровые призна-

ки мениппеи, однако глубокое и свободное карнавальное ощущение не во внешнем проявлении, а в самом построении характера Тист Ивана.

В.Савин исследует характер человека, который выбивается из привычного, традиционного цикла жизни и активно утверждает свою волю. Писатель предлагает судить о характере человека по причуде – в ней раскрывается его неповторимая индивидуальность. Чудак – это всегда свободный человек, упрямо желающий делать что-то по-своему. Он является излюбленным персонажем мировой культуры и всегда укоренен в национальную почву. Также национально самобытен и в то же время исторически конкретен и узнаваем Тист Иван. Писатель создает колоритный человеческий характер. Такие, как Тист Иван, искали в революции не материальные блага и возможности, а новые духовные основы для жизни. Крестьянин полон энтузиазма, радостного стремления к новой жизни, и в сочетании со стихийным, своенравным характером это приводит к комическим ситуациям. За внешней анекдотичностью сюжета рассказа скрыта глубокая вера писателя в новые духовные основы жизни.

В.Савин жил в эпоху, пронизанную утопическими идеями, великими ожиданиями. Социальная утопия как характерная черта возрожденческого мировоззрения свойственна его творческому мышлению. Культурное возрождение 20-х годов было уникальной попыткой синтеза народной культуры с идеями времени. Лидер коми возрождения В.Савин увидел в своем времени возможность полной человеческой и национальной реализации. Его творчество позволило увидеть духовный потенциал народа через его жажду перемен, движение вперед. В текстах В.Савина живая народная стихия, народный карнавал, выплеснувшая энергия масс, еще не зажатая в жесткие идеологические рамки.

Термин «мениппея» точно передает жанровую стилистику произведений В.Савина. Его творчество косвенно связано со всей многовековой карнавальной жанровой традицией. Однако у В.Савина карнавальная форма как средство художественного постижения жизни имеет своим источником именно народное мироощущение, а не литературный канон. В национальных корнях народного смеха глубокая оригинальность его творчества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.

2. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – М.: Сов. Россия, 1979.

3. *Дёмин В.Н.* На небе звезда .. Введение в теорию и историю коми поэзии. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995.

4. История коми литературы в 3-х т. Т. 2. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980.

5. См. статьи Т.Л. Кузнецовой, В.А. Лимеровой, В.А. Латышевой и др. в сб.: III Савинские чтения. Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г. – Сыктывкар, 2005 г.

Galina Lisovskaya

GENRE STYLISTICS OF V.SAVIN'S CREATIVITY IN A CONTEXT OF AN EPOCH AND LITERARY TRADITION

Article is devoted to genre stylistics of products of Komi writer V. Savin. After civil war in Russia the short period (to sulfurs. of 20th century) of cultural updating, decomposition of former ethno-social norms and occurrence of the new ones has come. In national suburbs it was time not only social and political, revolutionary crisis, but also national revival. The special role in cultural revival of the Komi people belongs to V. Savin. He lived during an epoch impregnated with utopian ideas, great expectations. V.Savin in time has seen possibility of full human realisation. In its products we can see live national elements, the national carnival, the splashed out energy of the weights which have yet been not clamped in rigid ideological frameworks. Originality of its creativity is in national roots of national laughter.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

СООБЩЕНИЯ

Марина Ипакова
Йошкар-Ола

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение соматической лексики как отдельной лексико-семантической группы связано со знаменитой работой А. Заунера, которая вышла в 1903 г. Автор статьи рассматривает романские названия частей тела человека с точки зрения их происхождения, выявляя их латинское наследие и новые романские названия, пришедшие на смену утраченным латинским (1, с. 126).

Цель нашего исследования – дать обзор наиболее значимых работ, посвященных в той или иной мере соматической лексике в финно-угорских языках.

В финно-угорском языкознании на проблему соматизмов впервые обратили внимание финские ученые. Среди них особо можно выделить таких исследователей, как, например, А.Инкиля, П.Пуомилахти, М.Коски, И.Суониеми-Таипале, К.Ойуткангас.

В 1933 г. появляется докторская диссертация А.Инкиля «Suomen kielen *käsi*-sanaperheen statiikkaa ja dynamiikkaa» (2). В ней подробно рассматривается статика и динамика развития слова *käsi* ‘рука’ в финском языке. Ценность данной работы заключается в том, что в нее автор включил диалектные варианты соматизмов, таким образом пополнив синонимический ряд соматической лексики языка.

Следующим финским языковедом, который концентрирует внимание на соматической лексике, по праву можно считать М.Коски. Он в своем известном труде «Ihmisen ruumiinosan nimitykset suomessa ja ruotsissa» (3) соматизмы классифицирует на такие группы, как слова, связанные с внешними частями тела (*pää* ‘голова’, *vartalo* ‘тело’, *jalka* ‘нога’), и слова, связанные с внутренними частями тела (*luuranko* ‘скелет’, *lihakset* ‘мускулы’, *jänteet* ‘сухожилия’, *suonet* ‘кровеносные сосуды’ и др.). Первую группу М.Коски разделяет ещё на более мелкие подгруппы: 1) названия верхних и нижних конечностей; 2) названия

передних и задних частей тела; 3) названия правой и левой стороны тела. По мнению автора, *опухоли*, *наросты на теле*, *кулак* и другие подобные лексические единицы не входят в состав названий частей тела (3, с. 25–31).

В эстонском языкознании проблема соматизмов затронута в работе Ф.А. Вакка «О соматической фразеологии в современном эстонском языке» (4). В своем исследовании для лексических единиц, называющих части тела, Ф.Вакк впервые вводит новый термин – «соматический». Автор приходит к убедительному выводу, что названия частей тела, являясь одним из древнейших пластов лексики, составляют наиболее употребительную часть фразеологического состава современного эстонского языка.

В коми языкознании скрупулезное исследование соматической лексики проводили Е.С. Гуляев и А.Н. Ракин.

Изучению анатомической лексики коми-зырянского языка положила начало работа Е.С. Гуляева «Об анатомической терминологии коми языка», опубликованная в материалах III Международного конгресса финно-угроведов (Таллинн, 1975). В ней автор дает перечень коми-зырянских названий, имеющих общеизвестные этимологии и восходящих к финно-угорскому и общепермскому праязыкам. Е.С. Гуляевым также приводятся древние (индоиранские и булгарские) и относительно поздние (прибалтийско-финские и русские) соматические заимствования в коми языке (5, с. 541–543).

В дальнейшем соматическая лексика современного коми языка подробно и тщательно изучена А.Н. Ракиным. Этой теме он посвятил множество работ, главная из которых – монография «Антропотоминимическая лексика в пермских языках» (6), где он впервые рассматривает один из древних компонентов словарного состава пермских языков. Основное внимание автор уделяет формированию и развитию допермского, общепермского и индивидуально-пермского фонда анатомической лексики. На материале нормативных словарей проводит сравнительный лексикографический анализ антропотоминимии литературных языков. В данной работе антропотоминимическая лексика рассматривается как единая целостная система. Для обозначения широкого круга анатомической лексики впервые в финно-угроведении А.Н. Ракиным введены такие термины, как сомонимическая, спланхнонимическая, остеонимическая, ангионимическая и сенсонимическая лексика. Исследователь впервые вычленяет корпус названий, относящихся к антропонимической лексике.

Богатейшая анатомическая лексика, собранная в течение многих лет из разных словарей, художественных и публицистических произведений, обобщена в его «Коми анатомическом словаре» (Сыктывкар, 1991) (7).

Проблемы соматической лексики коми языка нашли отражение в ряде его работ (8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17).

В мордовском языкознании семантика соматизмов освещена В.К. Маркиной в кандидатской диссертации «Семантика названий частей тела человека в мокшанском языке (парадигматический и синтагматический анализ)» (18).

В.К. Маркина констатирует, что парадигматический анализ многозначных соматизмов позволил выявить характер взаимодействия лексико-семантических вариантов в рамках одной парадигмы (одного лексико-семантического поля) и определить в них первичные семантические элементы; например, слово *пря* 'голова' с точки зрения такого анализа имеет главное (первичную семантическую функцию) и семь переносных значений (вторичных семантических функций). По результатам синтагматического анализа и анализа структуры предложения с различными соматическими единицами исследователь утверждает, что соматизмы имеют тенденцию сочетаться с тематическими группами слов, выражающих форму, цвет, а также с группой глаголов, выражающих действие и физическое состояние (18, с. 82).

Соматическая лексика эрзя-мордовского языка подробно описана А.М. Кочеваткиным в кандидатской диссертации «Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка» (19), учебном пособии «Соматическая лексика эрзянского языка» (20), а также в его отдельных статьях (21, 22). В них А.М. Кочеваткин провел четкую систематизацию соматической лексики эрзянского языка, определил общий состав объектов номинаций и на материале эрзянских словарей дал лексикографический анализ соматизмов.

В обско-угорских языках соматическая лексика подвергалась исследованию в работах С.В. Ониной и З.С. Рябчиковой.

В монографии С.В. Ониной «Оленеводческая лексика хантыйского языка: семантические группы и словарь» (23) представлены словарный состав и лексико-семантические группы оленеводческой лексики шурышкарского диалекта хантыйского языка. В работе содержится 479 лексических единиц, среди них значительное место занимают и анатомические термины, которых всего 97 лексем.

В ее же кандидатской диссертации «Оленеводческая лексика в хантыйском языке» (24) одна из глав посвящена названиям, обозначающим анатомию оленей. Эту семантическую «сетку» С.В. Онина делит на следующие подгруппы: 1) названия областей тела животного; 2) анатомические названия. К последней автор относит названия: 1) аппарата движения; 2) соединений костей скелета; 3) мышечной системы; 4) системы органов кожного покрова; 5) аппарата пищеварения; 6) аппарата органов дыхания; 7) органов мочеотделения и размножения; 8) системы органов кроволимфообращения; 9) желез внутренней секреции и нервной системы; 10) органов чувств. В приложении к диссертации дан словарь оленеводческой лексики, где зафиксировано 113 соматизмов хантыйского языка.

Другой исследователь языка хантов З.С. Рябчикова в статье «Сомонимический компонент в хантыйских зоонимах» проанализировала сомонимический компонент в названиях представителей фауны Северного Зауралья. В ходе исследования она пришла к выводу, что присутствие сомонимической лексики в составе зоонимов хантыйского языка объясняется разными мотивами, среди

которых выделяются существование табу на названия хищных животных, обладающих большой физической силой, и поэтическое восприятие хантами окружающей их действительности (25, с. 179).

В своей другой работе «Соматическая лексика в системе хантыйского языка» З.С. Рябчикова рассматривает семантику соматизмов (26). Как утверждает автор, по характеру идентифицирования понятий соматические названия относятся к двум категориям: общесистемным и конкретно-видовым. Последняя выполняет уточняющую функцию и соответствует видовым анатомическим терминам. В системе сомонимической лексики они характеризуют следующие части тела: область головы и ее частей; область шеи и туловища; область верхних и нижних конечностей. По мнению З.С. Рябчиковой, внутренняя дифференциация в составе ангионимической и сенсонимической лексики, служащей для конкретно-видовой номинации, представляет следующую картину: обозначения кровеносной системы, органов зрения, органов слуха, органов осязания.

Одна из лексико-семантических подгрупп соматической лексики карельского языка исследована в кандидатской диссертации Т.В. Пашковой «Народные названия болезней в карельском языке» (27). В центре внимания автора были «простонародные» названия болезней карельского языка, которые до нее не подвергались специальному всестороннему исследованию. Ею впервые осуществлено комплексное исследование народных названий болезней как отдельной лексико-семантической группы карельского языка. Объект анализа представляли 114 народных названий болезней. Автором проведена классификация народных названий болезней по признакам, лежащим в основе их номинации. Также рассмотрены словообразовательные модели в составе лексики народной медицины карельского языка.

Соматическая лексика отдельных финно-угорских языков изучалась в синхронии и диахронии не только на базе одного конкретного языка, она была в центре внимания и при сопоставительных и сравнительных исследованиях. В сопоставлении и сравнении соматизмы были предметом изучения, например, в работах Г. Лабади-Бертенюи, Е.С. Андерсена, И. Чаба Надь и некоторых других.

Г. Лабади-Бертенюи рассматривает сочетания соматического корня с глагольными суффиксами на материалах венгерского, финского, шведского, английского, немецкого и русского языков. Исследователь при этом дает обширный языковой материал и выделяет морфологические особенности соматизмов как особой тематической группы (28).

В этом плане следует отметить работу Е.С. Андерсена, в которой описываются названия частей тела, получившие самостоятельное имя в рассматриваемых им языках мира, такие как: *тело, нос, рот, рука, палец* (29, с. 352).

Содержательную сторону соматической лексики в историческом плане осветил венгерский ученый И. Чаба Надь в своей статье «Семантический анализ

названий частей тела уральского и финно-угорского происхождения». Источником исследования послужил этимологический словарь уральских языков К.Редеи (Uralisches Etymologisches Wörterbuch (UEW). В работе автор использовал материалы финского, марийского, мансийского, хантыйского и венгерского языков. Он, на наш взгляд, правильно отмечает, чтобы достаточно оценивать семантические данные, необходимы знания о поведении значения, о закономерностях его изменения, ибо без них решение вопроса о том, связаны ли некоторые слова друг с другом, остается на уровне ощущений (30, с. 127).

Соматизмы разных языков во фразеологии описаны в статье Т.Р. Зверевой «Метафоризация соматизмов во фразеологии». Автор замечает, что соматические фразеологизмы в различных языках «могут расходиться грамматической структурой или стилистической окраской; не отражают в своем содержании исторических, культурных или социальных факторов. Они возникают в результате переносного осмысления словосочетаний, называющих различные действия и состояния, вовлекающие части тела». В работе выделено пять наиболее продуктивных соматических компонентов: *глаза, голова, рука, нога, сердце* (31, с. 79).

В диссертационной работе мордовского лингвиста М.Е. Митрофановой сравнительному анализу подвергнута финно-угорская лексика в мордовских и марийских языках. Диссертантом выявлено 35 общих соответствий в лексико-тематической группе, связанной с анатомией и физиологией человека и животных (автор называет их соматическими словами) и 7 соответствий в группе названий болезней и их лечения. Как отмечает М.Е. Митрофанова, соматические слова в волжских языках сохранили близкое внешнее оформление и семантику, среди этих лексических единиц встречается очень мало заимствований. Автором приведено одно общее заимствование из индоевропейских языков: «эрз. *курго*, мокш. *курга* ‘рот’, ‘пасть’, ‘нутро’, мар. *кӧргӧ* ‘нутро’, ‘внутренность’, ‘начинка’, ‘подкладка (шапки, фуражки)’, ‘полость, ротовая полость’, ср. лат. *gurgara* ‘тж’, ст.-сл. *кръркръ* ‘горло’, ‘шея’» (32, с. 57).

Несомненно, результаты изучения соматической лексики финно-угорских языков имеют немаловажное значение в исследовании соматизмов марийского языка, т.к. только на основе сравнительного анализа можно выявить типологические схождения родственных языков. Они дают возможность установить сходства и различия сравниваемых языков, выявить лексику исконного (финно-угорского) происхождения.

СОКРАЩЕНИЯ

лат. – латинский
мар. – марийский
мокш. – мокша
ст.-сл. – старославянский
эрз. – эрзя

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Zauner, A.* Die romanischen Namen der Korperteile // Romanische Forschungen, 14, 1903.

2. *Inkilä A.* Suomen kielen *käsi*-sanaperheen statiikkaa ja dynamiikkaa: Merkitysopillinen tutkielma. – Turku, 1933.

3. *Koski M.* Ihmisen ruumiinosan nimitykset suomessa ja ruotsissa: Kontrastiivista kielentutkimusta I; 25–116. Fennistica 8. – Turku, 1987.

4. *Вакк Ф.А.* О соматической фразеологии в современном эстонском языке. Автореф. дис. ...к. ф. н. – Тарту, 1964.

5. *Гуляев Е.С.* Об анатомической терминологии коми языка // Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Pars I. Acta Linguistica. – Tallinn, 1975.

6. *Ракин А.Н.* Антропотоминимическая лексика в пермских языках. – Сыктывкар, 1996.

7. *Ракин А.Н.* Коми анатомическӧй словарь. – Сыктывкар, 1991.

8. *Ракин А.Н.* Анатомическая номенклатура коми языка с деэтимологизированным элементом // Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению. Вып. 8. – Тарту, 1981.

9. *Ракин А.Н.* Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка // Современный коми язык. Лексикология. – М., 1985.

10. *Ракин А.Н.* Сомонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования) // Грамматика и лексикография коми языка. – Сыктывкар, 1989.

11. *Ракин А.Н.* Словарь Вихманна и антропотоминимическая лексика коми языка // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. статей / Удм. ин-т ИЯЛ УрО АН СССР. – Ижевск, 1991.

12. *Ракин А.Н.* Остеонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования) // Пермистика: Диалекты и история пермских языков (сборник статей) / Ин-т языка, лит. и истории Коми науч. центра УрО Российской АН. – Сыктывкар, 1992.

13. *Ракин А.Н.* Коми анатомический словарь дінӧ содтӧд // Грамматика и лексикография коми языка. – Сыктывкар, 1995.

14. *Ракин А.Н.* Остеонимическая лексика коми-пермяцкого языка // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Сыктывкар, 1995.

15. *Ракин А.Н.* Пермская антропотоминимическая лексика и «Краткий этимологический словарь коми языка» // Труды института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО Российской АН. Вып. 58 – Сыктывкар, 1995.

16. *Ракин А.Н.* Спланхнонимическая лексика в пермских языках (генезис и современное состояние) // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995.

17. *Ракин А.Н.* Антропотоминимическая лексика в контексте современной коми исторической прозы // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов / Удм. ун-т. Кафедра удмуртского языка и методики его преподавания. – Ижевск, 2002.

18. *Маркина В.К.* Семантика названий частей тела в мокшанском языке (парадигматический и синтагматический анализ). Дисс. к.ф.н. – Саранск, 1996.

19. *Кочеваткин А.М.* Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ). Дисс. к.ф.н. – Саранск, 1999.

20. *Кочеваткин А.М.* Соматическая лексика эрзянского языка. Учебное пособие. – Саранск, 2001.

21. *Кочеваткин А.М.* Сенсонимическая лексика в диалектах эрзянского языка // Финно-угристика. Труды по финно-угроведению. Вып. 4. – Саранск, 2000.

22. *Кочеваткин А.М.* Системные отношения соматической лексики в диалектах эрзянского языка // Финно-угристика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. – Саранск, 2003.

23. *Онина С.В.* Оленеводческая лексика хантыйского языка: семантические группы и словарь. – Йошкар-Ола, 2001.

24. *Онина С.В.* Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Дисс. к.ф.н. – Йошкар-Ола, 2002.

25. *Рябчикова З.С.* Сомонимический компонент в хантыйских зоонимах // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. – Сыктывкар, 2005.

26. *Рябчикова З.С.* Соматическая лексика в системе хантыйского языка // Вестник Югорского государственного университета. Вып. 2. – Ханты-Мансийск, 2006.

27. *Пашкова Т.В.* Народные названия болезней в карельском языке. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. – Петрозаводск, 2008.

28. *Labádi-Bertényi G.* Verbijohdokset ruuminosien nimistä // Syysteemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi. – Turku, 1993.

29. *Andersen, Elaine S.* 1978. Lexical Universals of Body-Part Terminology. Universals of Human Language, vol. 3. Stanford.

30. *Надь И.Ч.* Семантический анализ названий частей тела уральского и финно-угорского происхождения // Lexicologia & Onomastica. – Jyväskylä, 1996.

31. *Зверева Т.Р.* Метафоризация соматизмов во фразеологии // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005.

32. *Митрофанова М.Е.* Финно-угорская лексика в мордовских и марийских языках (этимологический и семантический анализ). Дисс. к.ф.н. – Саранск, 1997.

Marina Ipakova

THE HISTORY OF STUDYING OF SOMATIC VOCABULARY IN FINNO-UGRIC LANGUAGES

In article the review of the most significant works is given, devoted to the somatic vocabulary to some extent in Finno-Ugric languages.

Undoubtedly, results of somatic vocabulary studying in Finno-Ugric languages have important value in research somatic words in the Mari language, since only on the basis of the comparative analysis it is possible to reveal a typological convergence of related languages. They give the chance to establish similarities and distinctions of compared languages, to reveal vocabulary of a primordial (Finno-Ugric) origin.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Николай Ракин
Тарту – Будапешт

О НЕКОТОРЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ПЕРЕВОДАХ «КАЛЕВАЛЫ»

Как известно, художественный перевод обогащает мировую литературу и культуру в целом. Посредством перевода читатели могут ознакомиться с литературой других народов, с их культурой, традициями, историей и особенностями повседневной жизни.

«Калевала», появившаяся в середине XIX века, и ее первые переводы обратили внимание Европы на финнов, способствовали появлению интереса к северному финно-угорскому народу. Финский эпос, собранный, обработанный и изданный Элиасом Лённротом в 1835 и 1849 годах, показал, что финский народ обладает своей культурой, традициями и историей, что на финском языке возможно создание произведений, подобных эпосам Гомера.

«Калевала» – наиболее переводимое финское произведение. Она издана на 45 языках. Первый перевод «Калевалы» появился в 1841 г. Это было шведское издание так называемой старой «Калевалы». Первый перевод новой «Калевалы» вышел в 1852 г. на немецком языке. Большинство переводов финского эпоса сделаны непосредственно с оригинала, в том числе на так называемые мировые языки – английский, немецкий, русский, которые в свою очередь послужили основой для переводов на многие другие языки. Следует отметить, что таким посредником оказался и венгерский язык. Так с его помощью появились на свет два перевода «Калевалы» на экзотические языки: на африканский язык пулар и на вьетнамский язык (1, с.190–192; 2, с.173–184; 3, с.165–168; 4; 5, с. 7).

По примеру «Калевалы» появились такие произведения, как эстонский народный эпос «Калевипоэг», собранный и обработанный Крейцвальдом, и поэма Лонгфелло. Значение «Калевалы» было велико и в среде финно-угорских народов. Под ее воздействием увеличивается интерес к собственному фольклору, появляются мысли и попытки создания своих эпосов.

Вопросы, связанные с переводами «Калевалы», актуальны и по сей день. Так, стремление иметь на своем языке наиболее идеальный перевод привело к тому, что венгры могут гордиться пятью полными переводами финского эпоса. Среди российских финно-угров уже с начала XX века предпринимались попытки переложения этого произведения. Вначале это делалось посредством русского языка. Позже специалисты начинают работать непосредственно с фин-

ским оригиналом. Таковы, например, переводы на коми язык А.И. Туркина и на удмуртский А.Н. Уварова.

Переводчики «Калевалы» в своей работе столкнулись с определенными трудностями, которые были связаны в первую очередь с особенностями формы и языка финского эпоса. К особенностям формы относятся аллитерация, параллелизм и стихотворный размер. Специфика языка данного эпоса заключается в том, что он не соответствует современному финскому литературному языку, а представляет собой сплав устаревшего и диалектного финского. Ни одному из переводчиков не удалось избежать проблемы передачи особенностей оригинала и каждый из них решал ее по-своему. В последующем мы хотим остановиться на этой проблеме на примере венгерских, коми и удмуртского переводов финского народного эпоса.

Венгерские переводы Калевалы

Согласно исследованиям, уже начиная с 1835 г. в венгерской прессе появляются первые единичные сообщения о сборе финской народной поэзии, об Элиасе Лённроте и его работе. Первый венгерский ученый, который лично ознакомился с «Калевалой», был Антал Регули (Réguly Antal). В 1839 г. он попадает в Финляндию и осенью 1840 г. в городе Вааса создает первый венгерский перевод отрывков эпоса (6, с. 423–424).

Следующими, кто экспериментировал с переводом эпоса, были Иштван Фабиан (Fabian István) и Пал Хунфалви (Hunfalvy Pál). В 1861 г. в первом томе «Книги для чтения по финскому языку» Хунфалви опубликовал собственноручные переводы отрывков из старой и новой «Калевалы» и из «Кантелетара» (7, с. 399).

На сегодняшний день на венгерском языке существует 5 полных переводов «Калевалы». Первый полный перевод появился в 1871 г., его автор – Фердинанд Барна (Barna Ferdinánd) (8). Следующий перевод был выполнен Белой Викаром (Vikár Béla) и опубликован в 1909 г. (9). Третий появился в 1975 г. и был работой Кальмана Надя (Nagy Kálmán) (10). Всего спустя 5 лет в 1980 г. появляется новый перевод, его автор – Иштван Рац (Rácz István) (11). Пятый и последний перевод «Калевалы» вышел в свет в 1987 г., его исполнитель – Имре Сэнтэ (Szente Imre) (12).

Фердинанд Барна впервые полностью перевел «Калевалу» на венгерский. Он не был профессиональным переводчиком, финский язык выучил самостоятельно. Его целью было сделать возможным прочтение всей «Калевалы» от начала и до конца на родном языке. И хотя ему не удалось передать настоящую атмосферу финского эпоса и его поэтические особенности, его заслугой было ознакомление венгерской читающей публики с героями эпоса, с финской народной культурой и мифологией. При переводе эпоса Барна помещает строки рун подобно оригиналу одна под другую. В «Калевале» вместо рифм используется аллитерация, причем так часто, что это является основной особенностью формы эпоса. Барна, однако, либо не считает аллитерацию важной, либо просто не замечает ее, в любом случае, она у него отсутствует. Здесь каждая строка

рифмуется с предыдущей, чего нет в оригинале. Уже у него присутствует параллелизм, но это, скорее всего, из-за того, что Барна жестко придерживается текста оригинала, переводит чуть ли не дословно.

Венгерские критики следующим образом оценили работу Барны: «Перевод Фердинанда Барны – пионерское начинание, но с точки зрения поэзии работа дилетантская», «Появилась «Калевала». Фердинанд Барна, кто, может быть, и основательно знаком с финским языком и литературой, не смог в достаточной степени передать поэтической красоты известного эпоса», «Его перевод не настоящая «Калевала», а какая-то «Барневала» (13, с. 18–19, 20).

Перевод Барны многие в свое время сильно критиковали, но все же это первопроходческая работа, которая являлась понятной тогдашнему читателю, верной оригиналу. Из-за почти дословного перевода встречаются ошибки (непоэтичность, отсутствие атмосферы оригинала), но все же он не такой уж нечитабельный, непонятный, каким его представляют критики.

Перед создателем второго перевода «Калевалы», Белой Викаром, было два пути: или подобный переводу Барны пуританский буквализм, либо неизбежное опоэтизирование. Викар выбрал последнее. Это произошло вследствие того, что он, используя язык и мотивы венгерских народных песен, усиливает поэтичность эпоса. Несмотря на то, что «Калевала» не рифмованная, а если где и встречаются рифмы, это результат параллелизма и сопутствующего ему синтаксиса, Викар, где только может, использует рифму, ищет как можно наиболее чистые, длинные рифмы. У него чуть ли не каждая строка рифмованная. Критики именно эту чуть ли не искусственную рифмовку считают его ошибкой. Наличие аллитерации в переводе также ни количественно, ни качественно не достигает уровня оригинала. Строки перевода длиннее строк исходного текста. Что касается языка перевода, то для него характерно употребление венгерской диалектной лексики, использование новейших литературных слов, которые не характерны для внутреннего мира народной поэзии, намного его моложе. Сильная сторона перевода Викара в том, что в отличие от Барны, он смог передать атмосферу и поэтическую красоту оригинала. Высокую оценку этому переводу дал знаменитый финский лингвист Х.Паасонен, согласно которой, если исчезнет оригинал «Калевалы», то его можно будет реконструировать по переводу Викара (14, с. 240). Данный перевод долгое время являлся определяющим, превратившимся в классику, он обратил внимание венгерской публики на финскую литературу и, вообще, на финский народ.

В третьем венгерском переводе его создатель Кальман Надь стремится упростить помпезный язык Викара. Он выполнен на современном разговорном языке, здесь отсутствуют диалектные слова, непонятные выражения. Лексика повседневная, сдержанная. Но наряду с этим, язык «Калевалы» становится более цельным, естественным. Чаще всего в строках 3 слова. Надь впервые успешно передал трохеический размер финского эпоса. Аллитераций больше, чем у Викара. Но все же переводчик считает аллитерацию второстепенной по сравне-

нию с главной задачей – более точной и адекватной передачей мыслей оригинала. Поэтому для него намного важнее параллелизм, причем до такой степени, что часто для пущей выразительности он даже не изменяет вторую строку по отношению к первой, т.е. она повторяется, как в балладах. Он порывает с рифмами, унаследованными от Викара, работает больше с ассонансом и перекрестными рифмами, что намного ближе к оригиналу.

Следующий венгерский переводчик «Калевалы» так определяет свои цели: «В своем переводе я старался сделать аллитерацию более заметной... Будучи привержен передаче аллитерации, передо мной постоянно вставала одна и та же дилемма: нужно было выбирать между дословной или более свободной, поэтической верностью оригиналу. Если я видел, что, при изменении отдельного эпитета или другого слова, получается не противоречащий содержанию вариант с аллитерацией, я выбирал последнее» (15, с. 406).

Самое заметное нововведение в переводе Раца – это визуальная форма эпоса. Издания «Калевалы» в Финляндии к тому времени уже выходили в новом формате. Его использует и Рац: соединяет две строки эпоса в одну. Таким образом, параллели-повторы попадают рядом друг с другом. Вследствие этого строки становятся длиннее, страдает динамичность, но это способствует более легкому прочтению. С другой стороны, форма становится похожей на длинные строки классических эпосов. Не только форма перевода, но и его изобразительность становится более эпической. «Калевала» Викара лирическая, Кальмана Надя – балладическая, а Раца – эпическая.

В качестве достоинств перевода Раца отмечаются современный, плавный стиль, легкочитаемость, верность оригиналу, понятность. Возможно, только поэтичность – та область, в которой ему не удалось превзойти двух своих предшественников. Викар и Надь смогли найти более сильные слова для передачи содержания эпоса.

Пятый венгерский переводчик «Калевалы», по собственному признанию, перевел эпос не потому, что был недоволен результатами других переводчиков, а для того, чтобы доказать, что рядом с четырьмя хорошими переводами найдется место и пятому, который все еще может дать что-то новое (16, с. 5-14).

Основные особенности перевода Имре Сэнтэ: он помещает строки эпоса рядом друг с другом наподобие прозы, делая единицей текста отдельный абзац; большое внимание уделяется аллитерации; параллелизм здесь одного ранга с аллитерацией; количеством аллитераций и параллелизмов перевод равен оригиналу; язык перевода, однако, нельзя назвать цельным: присутствуют и диалектные, и архаические, и современные слова.

Удмуртский перевод Калевалы

Первый опыт перевода «Калевалы» на удмуртский язык приходится на 1935 год. Тогда в журнале «Молот» появляется статья М.П. Петрова, посвященная 100-летию «Калевалы». В ней автор приводит 22 строки эпоса на удмуртском

языке. Следующая попытка относится к 1985 году, когда в том же журнале публикуют перевод нескольких отрывков эпоса, выполненных Анатолием Уваровым.

Далее в 2001 г. в Ижевске в виде отдельной книги выходят в свет на удмуртском языке избранные руны эпоса. Автор перевода – А.Н. Уваров. В этой книге помещены не только удмуртский перевод произведения Лённрота, но и вступительная статья, в которой переводчик знакомит читателей с обстоятельствами появления финского эпоса, рассказывает о его влиянии на немногочисленную удмуртскую интеллигенцию в начале XX века, а также об обстоятельствах работы над переводом. В конце книги помещены на финском языке руны эпоса, которые переведены на удмуртский язык. В следующей части книги автор в виде небольшого словаря приводит объяснения встречающихся в «Калевале» собственных имен (личных и географических названий), а также удмуртских слов, которые могут быть непонятны читателям (архаизмы, диалектная лексика).

Одной из проблем, которую нужно было преодолеть переводчику, был выбор стихотворного размера. Так как в удмуртском языке ударение в слове падает на последний слог, используемый в оригинале трохей не подходил. Наиболее употребляемые в удмуртском фольклоре размеры – ямб и анапест. На чередовании, смешении этих двух размеров строится ритм произведений удмуртской народной поэзии. Этот ритм использовал в своем переводе М.П. Петров в 1935 году. А.Н. Уваров в 1985 г. стремится использовать восьмисложный трохей оригинала, но приходит к выводу, что удмуртский текст, выполненный в этом размере, выглядит искусственным, чуждым. Поэтому в 2001 г. он возвращается к традиционному удмуртскому ритму. Здесь в одной строке чередуются анапест – ямб – анапест, что дает восемь слогов.

Следующая проблема, с которой встретился переводчик, – это передача аллитерации и параллелизма. Особенности удмуртского языка делают невозможной переложение аллитераций. Поэтому, как пишет сам А.Н. Уваров, он большое внимание уделяет как можно более точной передаче параллелизма. Вместо аллитераций Уваров сознательно и последовательно использует рифму.

В своей работе А.Н. Уваров опирается среди прочих и на венгерский перевод «Калевалы» Иштвана Раца (17; 18, с. 6–8).

Коми переводы «Калевалы»

Первый комиязычный перевод отрывка из «Калевалы» появился в 1923 г. в книге «Выль туйӧд» («Новым путем»). Он был сделан автором книги В.И. Лыткиным и помещен среди его собственных стихотворений. Это была 41-я руна, в которой рассказывается об игре Вяйнямёйнена на кантеле. По мнению некоторых исследователей, в планах В.И. Лыткина, который в качестве стипендиата провел продолжительное время в Хельсинки и свободно читал и говорил по-фински, значился перевод всего финского национального эпоса. Но по определенным причинам воплотить это в жизнь ему не удалось (19, с. 127).

В 1942 г. в журнале «Коми му» («Коми земля») был опубликован отрывок из эпоса в 27 строк в переводе В.Т. Чисталёва (20, с . 9).

Следующим, кто попытался перевести финский эпос на коми язык, был Адольф Туркин, ученик В.И. Лыткина. Сам он так описывает в статье «Калевалалы» – 150 во» («Калевале – 150 лет»), опубликованной в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), свое знакомство с «Калевалой» и проблемы, связанные с ее переводом: «В Ленинградском университете мне выпала удача посещать лекции и семинары, посвященные «Калевале», которые проводили большие специалисты по эпосу. Во время занятий у меня появилась идея о переводе этого эпоса на коми язык. По-моему, «Калевала» очень близка живущему на севере коми народу: природа Калевалы, одежда героев, их жизнь и способ мышления похожи на коми. Два родственных языка, финский и коми, с точки зрения строения и словарного запаса, также стоят близко друг к другу». Но, несмотря на это, по его мнению, перевод «Калевалы» на коми язык не легкое дело. «Калевала» написана старым финским языком, в особенном стихотворном размере, который не соответствует коми языку. Невозможно передать на коми язык аллитерации, параллелизм и гиперболы эпоса. При переводе восьмисложным трохеем это все утрачивается. События, о которых говорится в эпосе, очень давние. В коми литературном языке отсутствует тот пласт лексики, с помощью которого можно было бы их отобразить. С этой точки зрения большую помощь оказывают древнепермский язык и коми диалекты. Также были очень полезны при переводе обороты коми народной поэзии и пословицы, поговорки, соответствия которым имеются не только в «Калевале», но и в других родственных языках» (20, с 9).

В переводе Туркина в журнале «Войвыв кодзув» было опубликовано всего 9 калевальских рун: первая (1985 г.), четвертая (1989 г.), пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая (2000 г.), десятая (1984 г.) и сорок первая (1980 г.).

У А.Н. Туркина, на наш взгляд, не было проблем со стихотворным размером, т.к. восьмисложный трохей легко передается на коми язык. Ему, с нашей точки зрения, удалось передать и параллелизм оригинала (несмотря на то, что местами он все-таки не использует его, упрощает или опускает). Аллитерация, однако, полностью отсутствует в переводе. Основной причиной этого являются различия между двумя языками, в первую очередь фонетические и лексические.

Другая особенность «Калевалы», которую невозможно передать на коми – подлинность языка эпоса. Язык коми текста, в отличие от оригинала – литературный. А.И. Туркин старается вводить устаревшие слова, архаизмы, диалектизмы, но их доля в тексте мала. Подобная лексика помогает показать, что действие развертывается в доисторические времена и то, что произведения финской народной поэзии, положенные в основание «Калевалы», родились не сегодня, а столетия назад.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на мелкие недостатки, которые неизбежны в любой работе подобного рода, А.И. Туркину удалось воспроизвести атмосферу и суть оригинала, создать с точки зрения формы и содержания

довольно точный перевод «Калевалы». Он, хотя и неполный, хорошо вписывается в ряд переводов «Калевалы», сделанных непосредственно с одного финно-угорского языка на другой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *KaukonenV.* Lönnrot ja Kalevala. – Helsinki, 1979.
2. *Kuusi M. – Anttonen P.* Kalevalalipas. – Helsinki, 1985.
3. *Laaksonen P.* Kalevala // Finland. A cultural encyclopedia. – Helsinki, 1999.
4. *Puranen R.* The Kalevala abroad. – Helsinki, 1985.
5. *Karanko O.* Elöszó // Kalevala. Forditotta Rácz István. – Budapest, 1998.
6. *Voigt V.* A Kalevala – egy 19. század nemzeti eposz // Nyelvtudományi közlemények LXXVII. – Budapest, 1985.
7. *Szij E.* A Kalevala és a magyaroke // Nyelvtudományi közlemények LXXVII. – Budapest, 1985.
8. Kalevala. A finnek nemzeti eposza. Forditotta Barna Ferdinánd. – Pest, 1871.
9. Kalevala. Forditotta Vikár Béla. – Budapest, 1909.
10. Kalevala. Forditotta Nagy Kálmán. – Budapest, 1975.
11. Kalevala. Forditotta Rácz István. – Budapest, 1980.
12. Kalevala. Forditotta Szente Imre. – München, 1987.
13. *Domokos P.* A finn irodalom fogadtatása Magyarországon. – Budapest, 1972.
14. *Domokos P.* A Kalevala és Magyarország // *Kaukonen Väinö.* A Kalevala születése. – Budapest, 1983.
15. *Rácz I.* Utósó // Kalevala. Forditotta Rácz István. – Budapest, 1980.
16. *Szente I.* A fordito elöszava // Kalevala. Forditotta Szente Imre. – München, 1987.
17. Калевала. Удмурт кылэ берыктиз Анатолий Уваров. – Ижевск, 2001.
18. *Уваров А.* Азькыл // Калевала. Удмурт кылэ берыктиз Анатолий Уваров. – Ижевск, 2001.
19. *Domokos P.* A Kalevala nálunk és nyelvrokonainknál // Domokos Péter irásaiból. – Budapest, 2002.
20. *Туркин. А.И.* «Калевалалы» – 150 во // Войвыв кодзув. 1985. № 7. – Сыктывкар.

Nikolay Rakin

ABOUT SOME FINNO-UGRIC TRANSLATIONS OF «KALEVALA»

Article is devoted to translations of the Finnish epos «Kalevala» to Hungarian, Udmurt and Komi languages. «Kalevala» is the most translated Finnish product. It is published in 45 languages. The questions connected with traslations of «Kalevala», are actual this time. The aspiration to have in the language the most ideal translations has led to that Hungarians have 5 full translations of the Finnish epos. A.I. Turkin and A.N. Uvarov translated «Kalevala» to Komi language from the Finnish original. Translators have met obvious difficulties which were connected with peculiarities of language of the epos. Any of translators did not manage to avoid a problem of translation of features of the original on other language and each of them solved it in own way.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Эльвира Колчева
Йошкар-Ола

ЮРИЙ ТАНЫГИН: «РЕБЕНОК ПРИРОДЫ БЕСКРАЙНЕЙ»*

> Во время работы я вступаю в неизведанное пространство без пола и потолка, без стен, я иду по тропинкам воспоминаний и легенд.
>
> Ю.Таныгин (1)

Таныгин Юрий Иванович родился 12 мая 1963 г. в д. Маскародо Советского района Республики Марий Эл. Учился в Марийском республиканском художественном училище (1979–1983), Академии печати в Москве (1991–1997). Работает в области станковой живописи, плаката, книжной иллюстрации, смешанных техниках. Член Союза художников с 1995 года.

В художественную жизнь республики вошел смело и ярко! В июне 1990 года в Йошкар-Оле была организована выставка молодых финно-угорских художников и народных умельцев. Ее проведение стало следствием состоявшейся годом ранее первой встречи финно-угорских писателей и образования Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН). Выставка стала полной неожиданностью для привыкшей к реализму публики. Авторы представили на суд зрителей «картины-символы, картины философского обобщения жизни». Пресса писала: «Они предложили нам возродить *язык общения некогда живой, но забытый*» (2). Среди участников наряду с Иваном Ямбердовым, Александром Ивановым был и Юрий Таныгин, представивший живописное полотно «Мелодии прошлых лет» (1990. Х., м., 79×130, РМИИ). А через год, в 1991 году, на выставке, посвященной 100-летию А.В. Григорьева, в Козьмодемьянске молодой художник своей картиной «Колыбельная» (1991. Х., м., 90×142., РМИИ) оказался, по сути, уже выразителем «нового направления в живописи». Картину отметила С.М. Червонная: «…сложная, многоплановая фольклористика, включающая мотивы и современного народного творчества, лубочного примитива (златорогий олень с настенных ковриков), и очень древней, забытой архаики (фигура младенца, напоминающего бронзового «идольчика» из погребений ананьинской культуры) обретает благодаря интуиции художника органичность и гармонию» (3).

---

* Исслелование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта по подготовке научно-популярного издания РГНФ («Реки Вселенной: этнофутуризм в Марий Эл»), проект № 09-04-93803 к/К.

Вскоре он вступил в Союз «У вий» и Ассоциацию финно-угорской молодежи МАФУН. 1994 год стал своего рода вехой для Ю. Таныгина. Он стал лауреатом молодежной премии имени Олыка Ипая, состоялась его первая персональная выставка, а в июне Юрий в числе марийской делегации участвовал в Первой конференции этнофутуристов в Тарту. Затем последовало участие в выставке финно-угорских художников в Сыктывкаре.

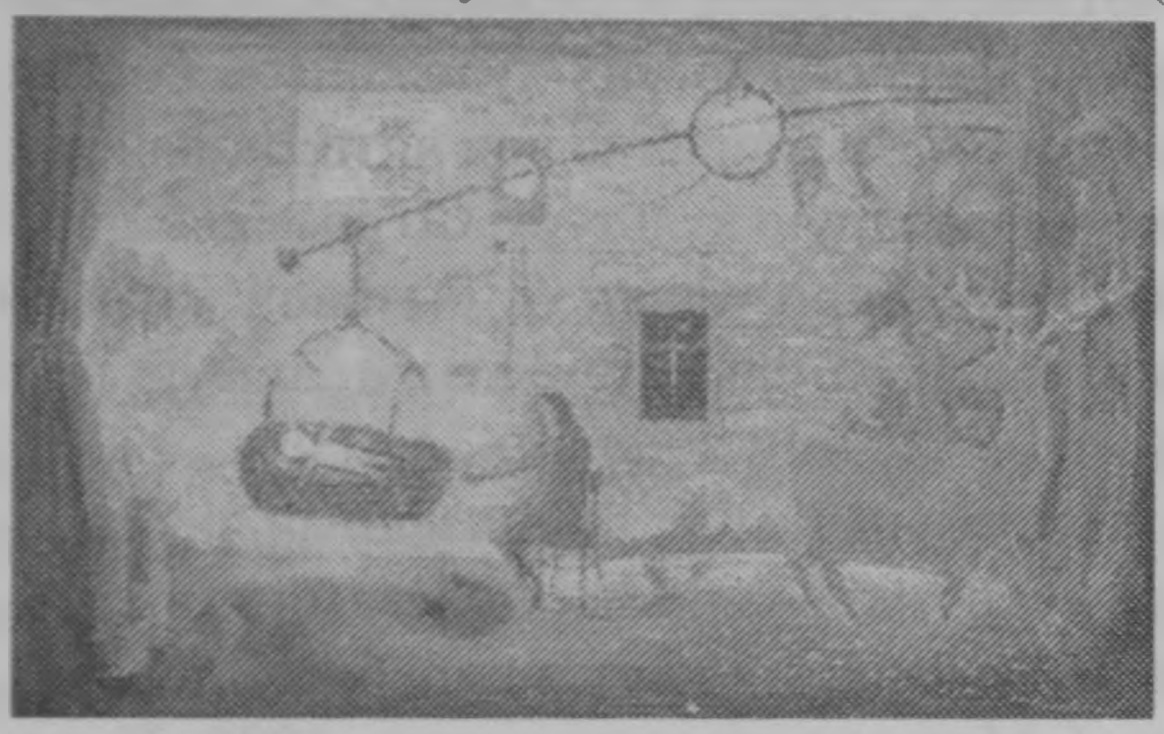
Значительным событием стала для Юрия Международная выставка «Современное искусство финно-угорских народов» (Ugriculture) в 2000 году в городе Эспоо (Финляндия) в стенах музея Галлен-Каллела. На ней была представлена работа «Из прошлого». Т. Мэттэнен, куратор Международной выставки, обобщая свои впечатления от картин финно-угорских художников России, писала: «деревня – это мечта, сон, любимое воспоминание или потерянный рай, который представляет самую подлинную народную культуру. Со временем воспоминания мистифицировались, развиваясь, они отошли от бытовой жизни и превратились в символы, впечатления, тоску, которые, имея неодолимую притягательную силу, обладают свойствами, лечащими душу» (4, с.51).

Юрий создал завораживающий трогательный мир, пронизанный звучащими сказочками и попевками. Здесь под необыкновенными небесами и облаками, среди каких-то золотых россыпей благодати живут волшебные деревья, птицы, звери и необычные человечки («Мелодии прошлых лет», 1990. Х., м., 79×130. РМИИ; «Медвежье гнездо», 1992. Х., м., 90×120, РМИИ и др.).

«Я – ребенок природы бескрайней», – так заявил о себе художник своей персональной выставкой, посвященной сорокапятилетнему юбилею (Йошкар-Ола, июль 2008 г.). В этом высказывании прослеживаются два существенных с точки зрения характеристики творчества мастера аспекта: идея детства, непосредственности, неразрывно связанная с образом деревни, а также – идея взаимоотношений человека и природы. Только вот возникает на этом полюсе не жáнр пейзажа, как естественно было бы предположить. Художник Юрий Таныгин из особой когорты служителей Прекрасного, его чувство причастности природе глубинно-космическое, выходящее за пределы осязаемого мира. Это способ восприятия, свойственный этнофутуризму, представителем которого является Юрий. С этнофутуризмом связано мироощущение, пробуждающее в художниках родовые «инстинкты», острое переживание своей этнической принадлежности, желание видеть свой народ процветающим, пребывающим в гармонии с окружающей действительностью. Идеал гармонии многие представители этого направления находят в воспоминаниях детства.

«Я помню, как в детстве всегда был окружен нашими «примитивными» национальными коврами, где были птицы, лебеди, олени... Я провел свое детство в деревне. Я вырос среди народа.., эти яркие ковры... эти олени заимствованы с тех ковров. Они превратились в нашу реальность, и в моей душе они живут вместе со мной, приобретая вот такую форму. Они со мной вплоть до сегодняшнего дня» (4, с.45), – говорит Ю. Таныгин. Конкретные, легко узнаваемые обра-

зы, детали быта, а помимо оленя у этого художника мы встретим и часы с кукушкой, и портрет стариков, убранный по традиции домотканым вышитым полотенцем и т.п., возводятся в ранг символов. Самовар, например, превращается в мировую ось или даже в ствол Древа жизни на картине «В летнем саду» (1993). В работе «Букварь детства» (1988. Х., м., 72×78,5, РМИИ) в едином круговороте вращаются изображения фотографий, документов, детских рисунков. Любимый внук делает важнейшим персонажем своих историй свою бабушку Феклу. Х.Ортега-и-Гассет называл подобный прием «инфрареализмом», когда перевертывается иерархический порядок вещей и мельчайшие жизненные детали наделяются монументальным значением (5, с.122).

Колыбельная. 1991. Х., м., 90×142. РМИИ

Часто названия картин указывают на то, что художник ищет способ обретения «истинного» времени – «Формула встреч» (1993, Х., м., 76×98., РМИИ), «Букварь детства». Характерный прием Ю. Таныгина: внутреннее пространство дома, деревянная стена плавно перетекает в пространство мира, природы, леса («Колыбельная», «В летнем саду», «Вороний день» и др.). Пространство как будто бы разрыхляется различными временными потоками. Не случайно ходики на многих картинах не имеют стрелок, хотя маятник ведет какой-то неведомый нам счет. В работе «Формула встреч» переход в «большой мир» совершается под портретом родителей, который, кроме того, объединяет две качественные грани бытия – светлую и темную. Еще более сложно выглядит «Колыбельная», где светило в изголовье люльки открывает одно пространство, окошко со звездой – другое, а пространство избы сливается с просторами родного края – леса, поля. Тут же то ли поющая в небе, то ли качающаяся под потолком колыбель-птица, олень Золотые рога то ли глядит с настенного коврика, то ли как «Серебряное копытце» прибежал взглянуть на младенца из леса. Условность всего представленного на полотне пространства художник подчеркнул театральным атрибутом – занавесом.

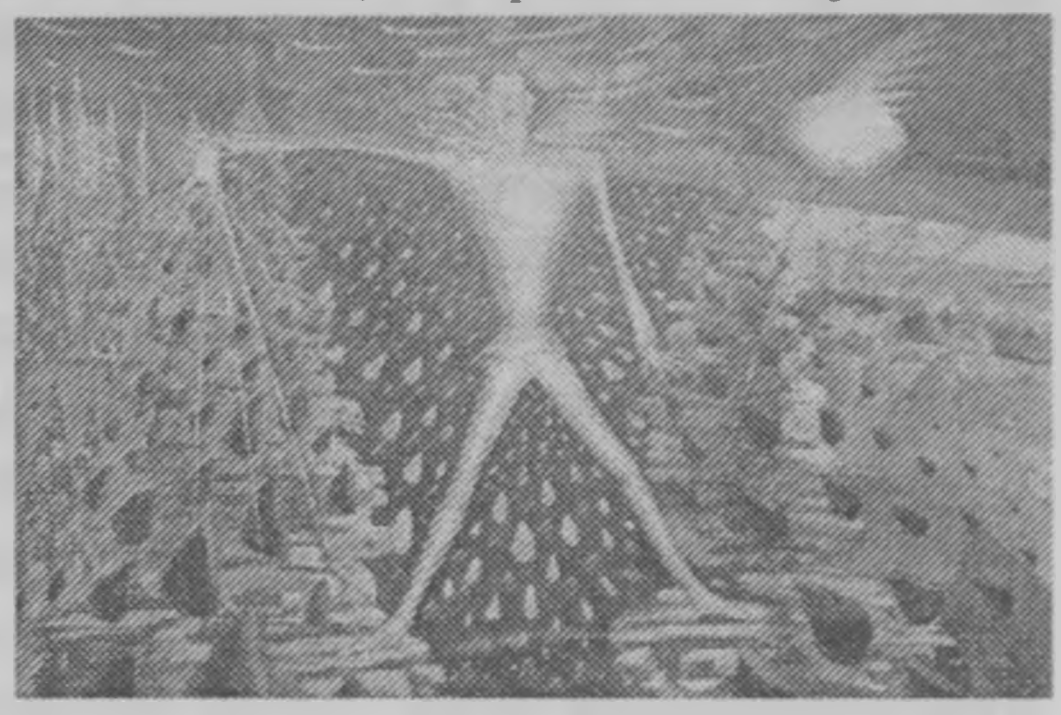

Вороний день. 2003. Х., м., 40×55. РМИИ

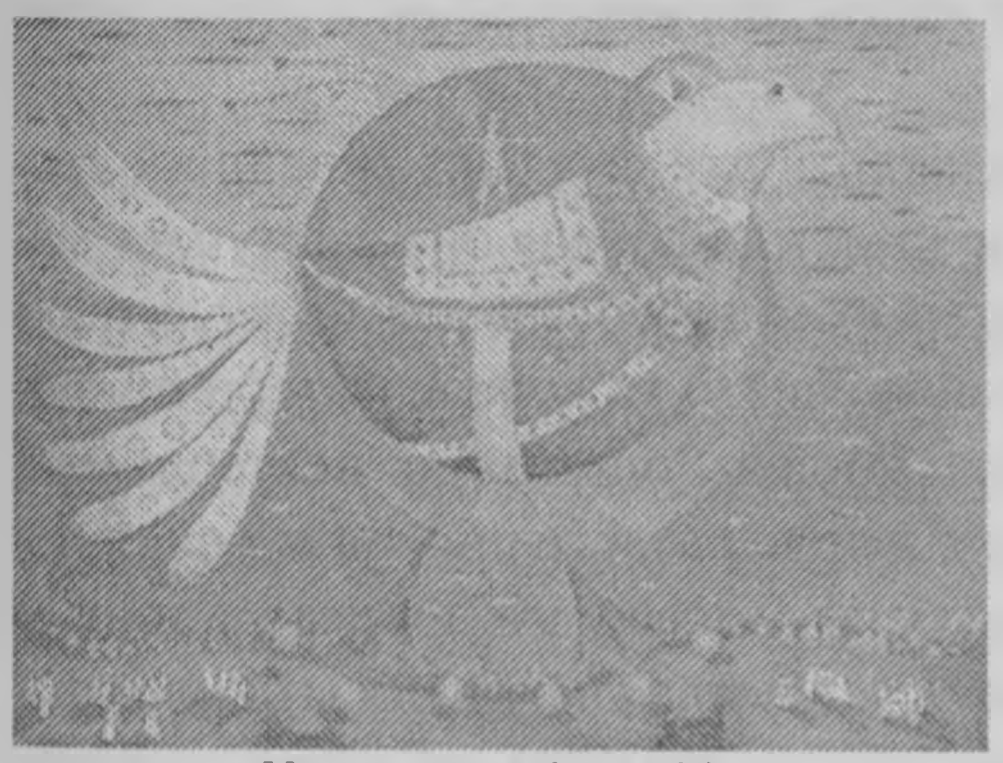
Подобное совмещение разновременных и разнопространственных образно-художественных элементов в едином изображении называется симультанностью (от лат. simul – сразу, в одно время). В этнофутуризме важным оказывается то, что симультанизм характерен для архаического и примитивного искус-

ства, то есть для художников это способ приблизиться к этническому ощущению единой нерасчлененной субстанции пространства-времени. Прием изображения взаимного проникновения двух пространств, дома и природы, актуализирует традиционное представление о доме как о модели вселенной, логику малого в большом и большого в малом. Так осуществляется прорыв из сферы профанного в сферу сакрального.

Как и многие другие этнофутуристы, Ю.Таныгин обращается к языку наивного искусства и примитивизма. Характер примитивистской трактовки образов у художника определяется стилизацией древнего археологического наследия финно-угров. Главный персонаж его полотен, в терминах мифологии *Культурный герой,* представляет собой золотисто-бронзовую фигурку, напоминающую древний амулет. Это не только младенец с картины «Колыбельная». В Республиканском музее изобразительных искусств долгое время в постоянной экспозиции выделялась картина, озадачивающая манерой изображения главного героя: небогатырской в атлетическом смысле. Он решительным движением рук соединяет раскалывающийся и обрушивающийся в бездну мрака мир, скрепляет его будто древняя фибула. В правой руке человека сверкающий жезл, другая тянется к штандарту с навершием в виде крылатого яйца. Картина датирована 1995 годом и называется «Возрождение» (1995. Х., м., 110×160, РМИИ). Экскурсоводы обычно поясняют: «Это богатырь, который соединяет прошлое с будущим». Полотно выглядит декларативно-монументально, оно звучит мощными аккордами горячих красок.

Возрождение. 1995. Х., м., 110×160. РМИИ

На женитьбу. 1998. Х.,м., 180×140. РМИИ

Подобные фигурки встречаются также в других работах художника («На женитьбу», «Дочь Луны», «Медвежье гнездо», «Мать» и др.) На картине «На женитьбу» (1998. Х., м., 180×140, РМИИ) душа этого героя превращается в большую красную птицу, которую он запрягает, отправляясь за невестой. Наверное, значимость образа птицы у Ю.Таныгина сопоставима со значимостью образа лошади в творчестве И.Ямбердова. Птица оберегает сон будущего героя на полотнах Ю.Таныгина «Колыбельная», «Вороний день», обернувшись красным петухом приветствует мир на картине «Утро Башкирии» (1990–1991. ДВП., м., 70×100, РМИИ). Она «оплодотворяет» древо,

откладывая яйца в пазухи его ветвей («Птица», 1994. Х., м., 42×28, РМИИ), волшебным красным дятлом «залечивает раны» старого дома («Стук красной птицы» 1989. К., м., 35×49, РМИИ). Сам художник подчеркивает, что образ птицы привлекает его с детства. Семь перьев в хвосте птицы на картине «На женитьбу» – семь дней недели, она как «не останавливающийся двигатель жизни», постоянно идет вперед. Птица идет огромными шагами через овраги, из одной деревни в другую, но движется она не столько в пространстве, сколько во времени, одна ее нога в настоящем, другая – в прошлом, ведь душа нашего героя тянется в прошлое, увидев которое, успокаивается. Перья хвоста символизируют не только дни, но и связи человека. Как и на картине «Возрождение» юноша-птица связывает воедино время. Красный цвет птицы, – говорит художник, – «красная нить с древних времен к моим картинам» (6, с. 149–152).

Смена веков и тысячелетий в художественной жизни марийской республики была отмечена фестивалем боди-арта на тему «Этно» (декабрь 2000 г.). Юрий Таныгин совместно с младшим братом Сергеем и художником Иваном Кожевниковым представили композицию «Земля предков» по мотивам древней пластики и символики финно-угров. Юрий создал для совместной программы образ мифологической Прародительницы-Птицы. Как говорил художник, для него девушка – нечто «космическое, живое воплощение высшей гармонии, исходящей от Природы» (7, с. 10). Конструируя образ девушки-птицы, Юрий стремился к синтезу естественной формы живого тела и изображений, которые он наносил на тело модели, чтобы не уничтожить ее красоту своим вмешательством, а донести до зрителя идеи жизни и вселенской гармонии. На животе модели он изобразил «загадочное яйцо», перетекающее в образ взлетающей птицы.

В финно-угорской мифологии водоплавающая птица – наиважнейший космогонический персонаж и символ. В образе утки или лебедя она выступает матерью демиургов и соответственно праматерью мира со времен палеолита. В «Калевале» «утка красоты небесной» устроила гнездо на колене матери природы Илматар, она снесла в нем золотые яйца, но дева, ощутив их нестерпимый жар, отдернула колено. Яйца «вдребезги разбились, разлетелись на кусочки», и из осколков образовалась Вселенная. В марийском мифе утка прилетела из своего гнездовья «Лудо пыжаш» («Утиное гнездо» – созвездие Плеяды) и опустилась на поверхность первичного океана, она снесла два яйца, из которых родились творцы мира Юмо и Йын (8, с.17). Воплощая космический аспект идеи плодородия, благосостояния, в традиционной культуре образ водоплавающей птицы стал необходимым магическим символом и женским оберегом, воспроизводимым в керамике, украшениях женского костюма, вышивке. Юрий Таныгин, обратившись к древнейшему мифологическому мотиву, выстроил целую мировоззренческую цепочку понятий: девушка – птица – яйцо – рождение жизни – полет – вселенная – вечность.

Среди многообразия приемов, используемых художником, стоит назвать такой, как стилизация формы, сведение ее к изысканной плавной линии («Сияние»,1994; «Упоение жизнью», 1994; «Время», 1996; «Древо жизни», 1996). В нем можно усмотреть аллюзию, отсылающую к неолитическим наскальным рисункам. Юрий нашел интересный способ его разработки. На картине «Упоение жизнью» (1994, Х., м., 34×49, РМИИ) излюбленная тема марийских художников, тема кобылицы и жеребенка, приобретает космический символизм: чрево животного превращается в небесный свод, а вымя – в светило. А на картине «Древо жизни» (1996) совершается синтез фигуративного и абстрактного, изобразительного и знакового начал.

Чувство формы, так или иначе соприкасающееся с основами национального восприятия, подталкивает художников-этнофутуристов к освоению языка марийских декоративно-прикладных искусств как современных, так и древних. У Юрия Таныгина это порождает декоративный насыщенный колорит, образуемый дополнительными цветами и их оттенками: красный – зеленый, желтый – синий. Изумителен его малиновый цвет, цвет птицы, аллегории души героев картин «Дочь луны» (1994. Х., м., 98×75, РМИИ) , «На женитьбу». Интересна роль геометрического орнамента в работах художника. Льет на маленькую девчушку свою высшую мудрость, зашифрованную в характерный марийский зигзагообразный «поток», то ли Дочь Луны, то ли сама Луна на одноименной картине Ю. Таныгина. Это же знание заключает в себе расположенное справа Древо, ствол и листья которого повторяют орнамент.

С 2001 года Юрий Таныгин проживает в Ханты-Мансийском автономном округе, является главным художником культурно-досугового центра «Премьер» городского поселения Федоровский. Оказавшись в среде хантов и манси, Юрий открыл для себя новый мир, близкий марийскому, но все же иной. Как рассказывает сам художник, уже в первый день своего прибытия он увидел на автовокзале женщин, торопливо шагающих «марийской походкой», в яркой национальной одежде, напоминающей марийский костюм. Они показались художнику «красными лесными ягодами среди серой массы людей, суетливо спешащей на работу». Этой небольшой сценки Юрию хватило, чтобы понять: он найдет здесь близких по духу людей. В отличие от мари, ханты и манси, по его мнению, более закрыты, более близки к природе, к народным корням, что радует и увлекает художника.

Первые работы в северном крае были связаны с обрядами хантов: «Медвежий праздник» и «Вороний день». Если смысл первой картины вполне понятен зрителю, это своеобразная магия шаманского ритуала, то вокруг картины «Вороний день» и зрителями, и искусствоведами строилось множество догадок. Их развеял сам художник. Сюжет работы связан с книгой хантыйского писателя Е. Айпина «У гаснущего очага». В ней автор, вспоминая свое детство, повествует об обычаях хантов и их отношении к миру природы. Героиней одного из рассказов, «Вороны месяц», стала Ворона-Вурни, ее ждали как первую весен-

нюю птицу, ее любили, считали, что она радуется рождению детей. Ведь прилетая в пору, когда оттепели еще сменяются заморозками, она «греет свои лапки», садясь на мокрые стружки из детских люлек, которые высыпались возле специально отведенного для этого пенька. Стиль писателя, его безыскусная, ясная речь удивительно напоминает манеру общения Юрия. И Юрий признается, что очень любит творчество этого писателя, поэтому картину можно считать иллюстрацией к рассказу. Сакрально-мифологическое содержание, сквозящее в рассказе, не обозначенное впрямую, волшебной сказкой оживает на картине. Здесь человек и птица связаны поддержкой и благодарностью. Человек и дом становятся средоточием жизни. Светило связано с домом. Младенец в люльке кажется маленьким светлячком, о котором так и хочется сказать – «золотце!». Холодный мир, озаряясь, получает от них тепло, согревается пенек, птица, деревья и даже снег.

Впоследствии в «северных» работах Ю.Таныгина все более усиливается тенденция к знаковости. Особенно удачной на этом пути нам представляется работа «Югорский мотив» (2008, Х., м., 50×70). Отдельный элемент орнамента, знак оленя, сливается с контуром чума, превращаясь в лаконичный и одновременно ёмкий символ народа, его образа жизни. Он осваивает и другие материалы, создавая работы в смешанной технике, основой выразительности в которых становится геометрическая графичность. Можно упомянуть в связи с этим работу «И настало Время отъезда Вверх» (2002, ДВП, смешан. техн. 35×52), созданную по мотивам произведения упомянутого писателя Е.Айпина.

Но апогеем сибирской тематики на сегодняшний день является триптих «Кулайские перевертыши. Дух предков» (2005). Загадочные археологические артефакты Кулайской цивилизации, существовавшей в Западной Сибири с середины I тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э., художник увидел в Сургутском краеведческом музее. Уникальные изделия Кулайской металлопластики – фигурки людей, лосей, птиц, мифических существ – роднят ее со звериными стилями эпохи бронзы. Под впечатлением увиденного Юрий сразу же написал три картины.

Этот триптих можно считать качественно новым этапом в творчестве Юрия Таныгина. Во-первых, цитируемые образы начинают служить исключительно целям автора. Их реальная узко-практическая функция в древней культуре, о которой мы ничего не можем знать достоверно, для него неважна. Художник создает свой миф и свой мир, в котором старые образы, восстанавливая свои магические смыслы, получают иное назначение. Рядом с цитатой неизбежно появляется стилизация. В центральной работе главный образ расписан псевдомансийским орнаментом. Это не ускользнуло, кстати говоря, от музейных работников, сотрудников Сургутского краеведческого музея. Но художник не иллюстратор истории, в собственном художественном пространстве он свободен и имеет право на вымысел. Во-вторых, работа приобретает новые культурно-

функциональные качества, из арт-объекта она превращается в артефакт. Юрий «оживляет» полотна, они «слышат». Их «ушами» становятся выступающие за раму свободные края холста. Они оказываются своеобразным связующим звеном между миром изображенным и миром реальным, это уже натуральная необработанная ткань, но все же на ней имеются «следы» прорывающего в потустороннюю действительность мира за рамой. Замечательны сами рамы. Стилизованные в дереве формы древнего ажурного литья окаймляют картины, хтонические существа кажутся стражами на пограничье миров. Идея триптиха ясна и фундаментальна: древние духи структурируют мир, задают его законы и порядок. Они сами есть выражение его основ. Два крайних полотна символизируют две стороны бытия: теплое и холодное, луна и солнце. Центральная картина триптиха повествует о мироустройстве. Вращает вселенную напоминающий солнечную свастику знак из элементов, ассоциирующихся с кулайскими образами.

Юрий Таныгин активно занимается не только творчеством, но и общественной деятельностью. «Я человек с двумя домами: один – марийский край, другой – финно-угорский мир, – размышляет художник, – если земля Онара кормила, поила и вывела меня в жизнь, то финно-угорские народы помогают мне понять огромный мир» (4, с. 55–60). Наш земляк стал на сегодняшний день одним из лидеров художественной жизни сургутского края. С 2005 года он регулярно организовывает выставки федоровских художников как профессионалов, так и любителей, у него появились ученики. Вышел в свет поэтический сборник местных поэтов с его иллюстрациями (9, с. 11). В 2006 году он создал в ГП Федоровское национальное общество «Марий ушем», организовал Дни марийской культуры, а в 2009 году впервые на этот праздник был приглашен «марийский десант». Состав делегации из РМЭ был впечатляющим: это и представители министерства культуры, и известные артисты, и заслуженные творческие коллективы (10, с. 2).

Юрий Таныгин мечтает связать прочной нитью творчества ХМАО и республику Марий Эл. Думается, незаурядному художнику это по силам!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бурмасов И.* Юрий Таныгин: «Я желаю признания моего творчества как неотъемлемой части угро-финской культуры» // Сургутская трибуна. 2009. № 44 (11627). 14 марта.

2. *Кузнецова Н.* Зов предков // Марийская правда. 1990. 17 июня.

3. *Червонная С.* Шествие: по кругу или вперед? Новое десятилетие и марийское изобразительное искусство // Марийская правда. 1991. 5 июля.

4. UGRICULTURE, Contemporary art of Fenno-Ugrian Peoples. The Gallen-Kallela Museum. – Helsinki, 2000.

5. *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы: сборник. – М.: Радуга, 1991.

6. *Таныгин Ю.* «Кажне айдемын шке туняже…» / Ю. Таныгин, В. Егоров // Ончыко. № 8. 2001.

7. *Земцов И.* Юрий Таныгин: «В боди-арте есть что-то космичное…» // KUDO-KODU. №1. 2001.

8. *Кашев Ю.А.* Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного мировосприятия. Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2003.

9. *Сергеев Д.* Югорские мотивы Юрия Таныгина // Вестник. Еженедельная газета Сургутского района. 2009. № 12 (920). 20 марта.

10. *Киселева Г.* Дням марийской культуры – быть! // Вестник. Еженедельная газета Сургутского района. 2009. № 14 (922). 3 апреля.

Elvira Kolcheva

JURI TANYGIN: «THE CHILD OF THE NATURE BOUNDLESS»

Article is devoted to the characteristic of creativity of the Mari artist and ethno futurist Juri Ivanovich Tanygin who has noted the 45-year-anniversary in 2008. J. Tanygin is the bright original person. Through a childhood theme he opens idea of harmony, poeticizes village and a patriarchal way of life. Its creativity combines lines of наивизма, primitiveness and stylizations of ancient Finno-Ugric art. J. Tanygin is the active public person, the leader of a national society «Mari union» of town type settlement Fedorovsky of Surgut region of Khant and Mansy Autonomic District, aspires to connect a strong thread of creativity of Khant and Mansy Autonomic District and Mari El Republic.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Людмила Кувшинская
Йошкар-Ола

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ В Г. КОЗЬМОДЕМЬЯНСКЕ

1919 год. Стремительно, весело, бурно просыпался весенний шумный ручей, или «тургень» как его называли старожилы, от зимней спячки в старом Козьмодемьянске! В стране мощное музейное строительство невзирая на гражданскую войну.

Еще в ноябре 1917 в Наркомпросе РСФСР утверждена Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников. В мае 1918-го создан Музейный отдел, который в 1921 вошел в состав Главнауки. В январе 1918 года 3-й съезд Советов принял постановление о развитии музейного дела в стране. В соответствии с ленинской концепцией культурной революции в постановлении подчёркивались значение сохранения культурного наследия, необходимость превратить культурные ценности «в музеи для общенародного пользования и сделать их источником воспитания». 7 декабря 1918 года Наркомат просвещения РСФСР издал Постановление об организации губернских и уездных подотделов по делам охраны музеев и охране памятников искусства и старины.

Апрельское Постановление Коллегии отдела народного образования в Козьмодемьянске утвердило решение «Организовать в Козьмодемьянске центральный музей по школьному, внешкольному и дошкольному образованию, подыскать для него помещение и передать в проектируемый музей физический кабинет, оставшийся от закрытых в прошлом году педагогических курсов» (1). 10 апреля в Москве официальный документ подписал представитель Народного комиссариата по делам народа мари Н. Алексеев: «с целью культурного сближения и развития, классовой солидарности трудящихся различных национальностей Козьмодемьянского уезда» (2, л. 12).

19 марта 1919 г. за № 224 Внешкольный подотдел г. Козьмодемьянска совместно с Отделом по народному образованию при Козьмодемьянском уездном Совете крестьянских и рабочих депутатов обратились к председателю школьного Совета Советской школы II ступени № 2 Семену Василевичу Бочкареву (1885–1920) с предложением « взять на себя труд по организации Центрального уездного музея. Причем вы можете пригласить лиц, могущих быть Вам полез-

ными, а также образовать Комиссию по организации музея… Труд Ваш будет оплачен согласно смете расходов» (2, л. 24).

В апреле 1919 года было документально определено помещение для музея в реквизированном купеческом особняке С.С. Торсуева. Точный адрес сохранился на уникальном документе – афише первой художественной выставки с участием местных художников, тема которой была «Искусство и социализм». Правда, выставка открылась в ноябре 1920 года, однако адрес не изменился – угол Троцкого и площадь К.Маркса, дом Торсуева. Этот двухэтажный белокаменный особняк оказался наиболее привлекательным для истинно инновационного на то время социо-культурного проекта. Зданию, исполненному в архитектурной идеологии модерна, суждено было стать первым музейным причалом.

Коллегия Отдела народного образования ежемесячно держала музейный вопрос на контроле. Инструктору внешкольного подотдела Петропавловскому Николаю Гурьевичу была поручена организация музея. Он обратился письменно в Московский комиссариат, а уже 6 июня выступил на заседании коллегии Отдела народного образования с сообщением, что положено начало музею в г. Козьмодемьянске.

14 июля С.В. Бочкарев выступил на 2-м учительском съезде, на котором учителя поддержали идею создания музея. Жители Козьмодемьянска были привлечены к участию формирования музейной коллекции специальным обращением.

Очередной официальный документ извещал, что «26 июля 1919 г, № 1079, Вх. № 2 Гражданину С.В. Бочкареву. Внешкольный П - Отдел доводит до Вашего сведения, что 26-го сего июля назначена на должность помощника заведующего Центральным музеем гр. Лидия Сидорова». Штамп и подпись, Заведывающий Подотделом Внешкольного образования А. Болодурин» (1). Несколько позже в музейный штат был принят Семен Федорович Пузырников.

Новый учебный год для козьмодемьянского учителя С.В. Бочкарева начался с официального назначения его руководителем музея с **1 сентября 1919 г.** Официально санкционирует деятельность музея документ № 3032 от 6 сентября 1919 г. – *«Положение об Уездном Музее в г.Козьмодемьянске при отделе по народному образованию»* (1). Это первый в истории марийского музейного строительства документ. Он воспроизводит образ, мышление и стилистику времени исторических преобразований, содержит убедительную многосоставную концепцию музейной деятельности. В структуре музея было изначально определено три основных отдела: естественно-научный; историко-этнографический; художественный.

В документе конкретизируются: 1) деятельность музейной организации; 2) формы управления с попечительскими функциями; 3) способы комплектования музейных фондов. Подробно и обстоятельно прописаны все основные позиции: программное предназначение, цели и задачи, комплекс конкретных

мероприятий перспективного развития музея. Весьма примечателен факт, что для общего руководства ежегодно назначалась комиссия с четким распределением ответственности и правами попечительства. Текст был набран на печатной машинке с соблюдением принятых на то время правил правописания и документальной стилистики.

В «Положении об Уездном Музее в г.Козьмодемьянске при отделе по народному образованиию» отмечалось, что «при Козьмодемьянском Отделе по народному образованию учреждается Уездный музей, способствующий целям изучения местного края и историческом, археологическом, этнографическом, естественно-историческом, художественном и промышленном отношениях, а также наглядно, на образцах или посредством чтения соответствующих сочинений ознакомлению со способами и средствами желательной постановки учебно-воспитательного дела в школе. Музей состоит: 1) из коллекций и предметов, способствующих всестороннему изучению местного края, и обще-научных, 2) наглядных пособий по различным предметам школьного обучения, 3) из собрания учебных руководств. Пособий, определителей и справочников, 4) из предметов по школьной архитектуре, гигиене и физическому воспитанию, 5) из специальной педагогической библиотеки и общей литературы для учащихся как популярно-научной, так и беллетристического характера.

Примеч. Ближайшей задачей является также организация при музее мастерской наглядных пособий и лаборатории для учащихся. Заведывание музеем возлагается на особо приглашенное лицо. В помощь ему назначается 1 или 2 помощника, смотря по развитию учреждения. Все эти должности платные.

Для общего руководства избирается на один год особая комиссия в следующем составе: 1 представитель от внешкольного подотдела, заведующий музеем, его помощники, по одному преподавателю местных школ по специальностям:

1) естествоведения, 2) словесности и истории, 3) математики и физики, 4) искусств и 1 представитель от агрономии.

Комиссии предоставляется в нужных случаях право кооптации.

5. Права и обязанности Комиссии состоят:

1) в помощи заведующему в деле организации и постоянного пополнения Музея;

2) в составлении правил пользования Музеем.

3) в поручении некоторым членам Комиссии особого попечения и наблюдения за отделами Музея.

4) в организации чтений и лекций.

5) в составлении ежегодной сметы прихода и расхода сумм по содержанию музея и расходовании этих сумм.

6) в составлении ежегодных отчетов по Музею.

Председатель, его заместитель и секретарь выбираются из членов Комиссии.

О составе Комиссии доводится до сведения Отдела по народному образованию.

б). Наблюдение за целостью и сохранностью предметов Музея возлагается на технический персонал Музея.

7. С посетителей Музея никакой платы не взимается.

8. Предметы, входящие в состав Музея, не могут быть отпускаемы на дом и пользование ими разрешается лишь в случае требования предметов для нужд целого учебного заведения или учреждения под ответственность ближайшего руководителя.

Примеч. 1. Книги из библиотеки Музея могут выдаваться на дом лишь учащимся на срок не более недели. В случае необходимости срок пользования книгой может быть продлен по особому каждый раз заявлению. Издания ценные, а также справочного характера выдаются только для пользования в стенах Музея.

Примеч. 2. Учебники, имеющиеся в нескольких экземплярах, выдаются во временное пользование на известный срок по мере надобности в то или иное учебное заведение по усмотрению Комиссии.

Примеч.3. Дублетные экземпляры, по мере их накопления, составят материал для подвижного Музея.

9. В случае порчи или утраты книг и пособий отвечает взявшее их лицо или учреждение.

10. Порядок приобретения, хранения и выдачи книг, ведения записей. Инвентарей и каталогов и др. подробности определяются Комиссией.

За Председателя Музейной Комиссии С.Бочкарев» (1).

Официальное открытие музея было назначено на 7 сентября 1919 года. 8 сентября последовало официальное утверждение группы учителей для музейной работы: «В Комиссию по работе в Музей избраны из среды школьных работников следующие лица: от словесников В.С. Агафонский, от историков – Г.Г. Алексеев, от физико-математиков А.Е. Батыгина, от естественников и географов В.М. Карамышев» (1).

Утверждено Положение о музее, как и полагается, вышестоящим органом – Козьмодемьянским отделом народного образования за подписью С.А. Шумова. Еще летом, 25 июля, молодой, 33-летний, козьмодемьянский учитель С.В. Бочкарев официально был назначен Заведующим Музеем. Он энергично участвовал в комплектовании природно-познавательной коллекции, в которую включены образцы фауны и флоры местного края. Образ самой первой краеведческой экспозиции сохранился в ранних фотографиях. В них зафиксированы лица первых музейных сотрудников и фрагменты первой выставки: археологические экспонаты безыскусно размещены на светлых стенах двухэтажного каменного здания, поныне сохранившего внешний образ стиля российского провинциального модерна рубежа XIX–XX вв.

Первые сотрудники музея, Козьмодемьянск, 1920–21 гг.
В центре второго ряда А.В. Григорьев. Слева Е.Г. Григорьева.
В экспозиции представлен экспедиционный материал в д. Куликалы

В Государственном архиве Республики Марий Эл (2, л. 12, 24, 25), в Козьмодемьянском документальном музейном фонде (1) сохранились различного рода подлинные записки, черновики смет, связанные с открытием и функционированием первого в истории Марийского края музея. Минуя столетие, они помогают восстановить образ времени, революционно-социальных преобразований и имена конкретных людей, привлеченных к созданию музея. Документы сохранили имена козьмодемьянцев – подвижников создания музейного организма, принципиального новой для населения социально-культурной институции.

Комплектование музейного фонда предполагалось «путем пожертвований и передачи музею различных коллекций и отдельных предметов, как-то: гербариев, коллекций насекомых, чучел, шкурок, животных и птиц, скелетов и черепов, минералов, ископаемых, старинных предметов домашней утвари, вооружения, одежды, старинных рукописей и знаков, книг, картин, монет…» (1).

Отметим, что козьмодемьянцы разных сословных групп делились с музеем без принуждения. В частности, экспонаты «минусинского» происхождения, о

которых известно по каталогу Г.Г. Алексеева, скорее всего, были переданы в музейную коллекцию отцом Татьяны Александровны Крюковой – известного российского этнографа из рода Бычковых (5).

Известно, что земский деятель, депутат IV Государственной думы, Козьмодемьянский городской голова Павел Федорович Бычков еще в 1904 году бельэтаж своего личного дома передал в бесплатное пользование Козьмодемьянской женской прогимназии. Ситуация сложилась так, что именно в этом помещении и разместилась в 1918 году первая в истории марийского изобразительного искусства Волжско-Камская передвижная художественная выставка, организованная П.А. Радимовым. В настоящее время это музейная территория, где главенствует фигура Остапа Бендера.

Изначально предложенная учительством краеведческая ориентация музея не предполагала художественный ракурс коллекции. Изобразительное искусство вошло как принципиальная составляющая музейной ориентации с принятием руководства Александром Владимировичем Григорьевым (28.05.1891–05.08.1961). Он был назначен руководителем музея, ибо С.В. Бочкарев через год оставил этот мир.

Включение в музейную идеологию произведений живописи, графики и скульптуры принципиально изменило концепцию музея. Предпосылки тому были, когда годом раньше, с лета 1918 года в Козьмодемьянске осталась Радимовская выставка – около 40 произведений авторской живописи. Эта выставка изначально и явилась основой коллекции художественного отдела музея. Концептуально формирование образа и специфики художественного музейного ракурса продолжил А.В. Григорьев – профессиональный художник с педагогическим образованием и просветитель в широком понятии.

При непосредственном согласии Павла Александровича Радимова А.В. Григорьев и получил в Казани 20 сентября 1918 г. официальный документ Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников старины и искусства при Народном комиссариате просвещения РСФСР: «Коллегия подотдела поручает тов. Александру Владимировичу Григорьеву организовать музей предметов искусства и старины в городе Козьмодемьянске Казанской губернии и назначает его хранителем этого музея и уездным агентом» (1).

П.А. Радимов заведовал Отделом искусств Наркомпроса Татарской республики: «Дел было много – от обеспечения ботинками художников до преподавания живописи в школах, от получения пайка до приобретения красок и кистей. Денег не было. Все делалось в основном на энтузиазме», – вспоминал художник в своей книге (3).

Логично, что профессиональный художник А.В. Григорьев, в первоначальном образовании учитель, и П.А. Радимов, литератор, поэт, преподаватель Казанской художественной школы, оба просветители и идеологи времени, были устремлены к расширению просветительских границ музейного проекта. Являясь идейно-политическим лидером, А.В. Григорьев осознавал сверхзадачу му-

зейного дела как реальной формы памяти. Его профессиональная принадлежность к творческой интеллигенции и специальное художественное образование определили широту замыслов музейной идеологии.

Не случайно, после Радимовской художественной выставки 1918 г. в Козьмодемьянске началась интенсивная работа над масштабными стационарными экспозиционно-выставочными проектами. Вскоре руководительская и управленческая миссия Григорьева обретает расширенные границы: «Уполномоченный Наркомпроса РСФСР по Козьмодемьянским Государственным Свободным художественным мастерским и музейным делам, Заведующий Уездным Отделом народного образования» (1).

Документальные свидетельства принципиальных преобразований строительства музейной институции в 1919–21 гг. – три музейных экспоната, сохранились единично: 1. Афиша художественной выставки. 2. Каталог Первой Козьмодемьянской художественной выставки. 3. «Систематический каталог экспонатов Историко-археологического отдела Козьмодемьянского музея имени тов. Григорьева».

Сохранившаяся афиша, одна из 125 экземпляров – подлинное свидетельство времени рождения первой музейной программы. На лицевой стороне афиши подробная адресная информация об организаторах, месте проведения и составе выставки:

«Подотдел Искусств Козьмодемьянского Уотнароба. С 7 ноября по 7 декаб-
ря с.г. В помещении Музея (угол ул. Троцкого и площ. К.Маркса дом бывш. Торсуева) состоится ВЫСТАВКА Картин, Этюдов, Эскизов и рисунков Центральных и местных художников и учащихся Козьмодемьян. Государственных Свободных Художественных Мастерских).

Представлены художники: Авилов, Брайловский, Врубель, Бялыницкий – Бируля, Бакшеев, Брюллов К., Богатырев В.,(скульп.) Грабарь И., Григорьев А., Дульский П., Жуковский Ю., Захаров Ф.И., Зайцев М., Игнатьев, Колесников С., Кузнецова (скульп.), Митрохин, Лукомский Г., Малютин, Масютин, Нарбут, Нейгебауер, Медведев Г., Пландин И., Павлов, Радимов П., Шулпинов Н., Фешин Н., Тимофеев В., Христенко и друг.

До 1 ноября прием картин и рисунков всех желающих выставить свои коллекции в помещении музея. Вход бесплатный. Секция Изо Подотдела Искусств» (1).

Вернисажная афиша характеризует форму и направление деятельности Козьмодемьянского музея: 1. краеведение: 2. картинная галерея. Обратная сторона афиши послужила своего рода черновиком очередного официального документа: подробно, каллиграфическим почерком расписаны основные параметры деятельности, предъявляя музей как социально – культурологический феномен. Публикуется впервые.

«1. Название Музея – Козьмодемьянский Музей имени т. Григорьева. Условного сокращения названия нет. 2. Адрес: Маробласть, г. Козьмодемьянск,

Музей. 3.Самостоятелен. 4. Имеется специальное здание. 5. Год основания. 1919 год. 6. Годовой бюджет: кредит на расходы Музея отпускаются Главмузеем из Москвы. 7. Ответст. (венное) лицо: заведующий Музеем он же основной хранитель.8. Штаты сотрудников: Заведующий Музея, он же ответств. Хранитель и чучельник; библиотекарь она же секретарь; хранительница. 9. Характер Музея: художественный с отделами: художественный, археологический, с физическим кабинетом. 10. Художественный отдел имеет экспонатов: 305 живоп., 11 ваяния, фарфор 147, музык. 11, итого – 474. Историко-археологический отдел имеет – 82. Естест.-историческ. – 37. Этнографический: – 46. Революционный: (слово зачеркнуто, сверху исправлено на «Справочный». 11. Имеется библиотека, архив. 12. Производится регистрац. (ионный) учет худож.-истор. предметов, экспонатов. 13. Посещаемость в среднемесячном – 1000 ч.» (1).

Полноценное информационное насыщение выставки сопровождалось изданием Каталога. Каталог отображает содержание и образ Времени социально-революционных преобразований. Ставший документом времени он открывает еще одну грань личности А.В. Григорьева как инициатора, идеолога и руководителя первого в марийской истории выставочного проекта. Каталог – первая авторская публикация А.В. Григорьева со вступительной статьей являет один из творческих аспектов многогранной личности автора, разработчика концепции выставки, идеолога выставочного каталога. Первый в марийской музейной истории каталог составлен соответственно принятым правилам, с учетом разнообразия категорий музейных посетителей. Отражает просветительский характер миссии музея.

Профессиональный художник Александр Григорьев, на тот момент руководитель музея, является представителем Всероссийской Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Это, в известной мере, объясняет состав и форму комплектования выставки, источники поступления художественных экспонатов.

Сохранился экземпляр Каталога Первой Козьмодемьянской художественной выставки, который сам стал музейным экспонатом. Этот уникальный путеводитель по материалу выставки позволяет воссоздать масштабность замысла проекта и программный потенциал изобразительного искусства.

Программным представляется и поистине демократичный состав участников, не ограниченных избирательно каким-либо одним из творческих направлений многоголосого оркестра творческих поисков в изобразительном искусстве преобразуемой России. В масштабном формате экспозиции 431 произведение всех основных видов, жанров и техник.

Заметим, что текст подтверждает также информацию о том, что в музее есть помещение для специальной музейной библиотеки и читальный зал для посетителей музея. Современными музеями Марий Эл эта тема поныне остается не решенной.

Необходимо отметить, что в этом же, 1920 году, состоялась «ПЕРВАЯ Государственная выставка искусств и науки в Казани», часть произведений ее по инициативе А.В. Григорьева была приобретена Козьмодемьянским музеем и вошла в Козьмодемьянскую экспозицию «Первой Козьмодемьянской выставки картин, этюдов, эскизов, рисунков и проч.» (4).

Как художник А.В. Григорьев был сформирован в традициях реалистической школы русского изобразительного искусства, но еще со времен казанского студенчества толерантен в профессиональных пристрастиях. Далеко не случайно, в Козьмодемьянской коллекции представлены различные художественные школы, направления и течения, многообразие стилей. В едином времени и пространстве соотносилось академическое искусство с поздними передвижниками. Ведущие художественно-выставочные объединения, имеющие различные концепции, встречаются в едином музейном ряду: передвижники и мирискусники, «Бубновый валет» и «Маковец», «Футуристы» и «Лучисты» и мн. др.

Замечательно точно о творческих поисках творцов нового времени свидетельствует «конгломерат» российских художников, чьи произведения щедро экспонировались на Первой Козьмодемьянской художественной выставке 1920–21 гг. Со многими авторами, чья живопись и графика сохранились в составе скомплектованной им коллекции, А.В. Григорьев был знаком по казанскому времени учебы, затем московской художественной жизни и общественной деятельности. Тем более, что в начале революционных переустройств художники авангарда представляли руководство художественной жизни изобразительного искусства и занимали ответственные посты в Изоотделе Наркомпроса, как творцы новой революционной культуры. Его же казанский соученик по Художественной школе Александр Родченко, чьи записки Григорьеву козьмодемьянского периода сохранились в музейной документальной коллекции, убежденно строил новый образ Времени. В воспоминаниях о Маяковском он программно определил образ творческого посыла: «Перед нами вставали видения нового мира, промышленности, техники и науки. Мы изобретали и изменяли мир. Мы создали новые представления о красоте и изменили само понятие искусства» (1).

В отличие от кардинального новаторского искусства бывшего казанского однокашника А.В. Григорьев к 1920-м гг. уверовал, что советское искусство является логичным продолжением академического русского искусства. Правда, в его собственном живописном творчестве он оставался предан той импрессионистической манере, что сохранилась со времен учебы в Казанской художественной школе. Подтверждение тому – две картины из Сочинской коллекции 1937 г. «Эффект электрификации» и «Строительство в Ткварчелли», в которых импрессионистическая форма живописи вскоре оказалась небезопасной в стране Советов.

Особое место в музейной коллекции занимает эпистолярная коллекция, которую бережно сохранила семья А.В. Григорьева: письма, открытки, финансовые документы, записки, почтовые переводы, которые в прямом смысле спа-

сали Григорьева, пока не произошла постлагерная реабилитация, длившаяся почти 10 лет! Корреспонденты – действительно выдающиеся российские художники самых разных стилистических направлений. Уникальны документальные тексты 20-х гг. от А.Родченко, К.Чеботарева, довоенные от всей семьи профессора Д.Н. Кардовского, переписка с К.Ф. Богаевским. Особенно значимы бережно сохраненные художником почтовые свидетельства материальной поддержки известными людьми, например, И.Э. Грабаря в Тарусу, где опальный А.В. Григорьев жил после лагеря, мужественно восстанавливая реабилитацию. Сохранился уникальный документ того времени – самодельный альбом из листов технической бумаги, на которых он фиксировал мельчайшим почерком все свои письма, отправляемые в «высшие инстанции», в т.ч. «вождю всех времен и народов». Эта тема остается открытой и неисчерпаемой для исследований…

Одна из принципиальных особенностей времени социальных преобразований второго десятилетия XX века – личная самоотверженность в служении обществу. Образ первых сотрудников Козьмодемьянского музея обогащен их мировосприятием, личным талантом, готовностью к социальному служению. Он отобразился в служении музею, который они создавали, исполняя не только функциональное посредничество между посетителем музея и экспонатами. Музейные сотрудники оставались подлинными исследователями пространства и времени, в котором жили, воспринимая его, пользуясь современным определением как «геокультурное макропространство».

Начатая А.В.Григорьевым каталогизированная фиксация музейного фонда была продолжена изданием историко-краеведческого Каталога под литерой «Б». Автор **Гавриил Георгиевич Алексеев,** историк и социолог, преподавал в Козьмодемьянской мужской гимназии, один из первых музейных сотрудников, член музейной комиссии от 8 сентября 1919 года. В музее работал с первого официального дня открытия. Краеведческий каталог отпечатан в Козьмодемьянской типографии в 1921 году тиражом 500 экземпляров. Оба каталога, первые в музейной практике марийской истории, сохранились в единичных экземплярах. Более того, они представляют первый в истории марийской культуры музейный информационно-издательский проект.

Каталог Г.Г. Алексеева является настоящим историко-литературным памятником, в котором как минимум три формообразующие: образ времени смены исторических формаций; развернутый образ собирательства, первого опыта в музейной историко-краеведческой практике; образ автора, талантливого историка, литератора, музейщика.

Ни в одном из современных словарей не значится имя, не установлены даты жизни Г.Г. Алексеева. Единственное, известное из текстов его же собственного каталога, что он один из первых музейщиков и непосредственный участник, и скорее всего, инициатор первой музейной историко-археологической экспедиции 1920 года: «…в мае 1920 года Музеем, по почину т. Григорьева А.В. была командирована особая комиссия в составе 3 лиц – Г.Г. Алексеева, С.Ф. Пузыр-

никова и Великанова К. – в д. Куликалы, Приволжской волости, Козмодемьянского уезда для раскопок. Пятидневная работа комиссии в д. Куликалах увенчалась большим успехом: комиссия, отчасти путем покупки у крестьян, отчасти путем раскопок собственными силами, и путем тщательного осмотра дна и берегов оврагов смогла собрать и принести в Музей целый воз разнообразных костей мамонта – 23 кости, весом до 15 пудов. Кости Куликальских мамонтов и составляют главное богатство данного собрания…» (1).

Пятидневная экспедиция музейной бригады в д. Куликалы увенчалась большим успехом. Результаты ее опубликованы в музейном каталоге; введены в музейный фонд, экспонаты на некоторое время стали основой экспозиции. Это была первая исследовательская экспедиция в истории музейного строительства Марийской республики. Г.Г. Алексеев стал автором уникального музейного каталога.

Музейно-выставочный проект, в предыстории которого большую роль сыграла передвижная выставка художника и преподавателя Казанской художественной школы П.А. Радимова, был развернут его учеником и соратником, единомышленником А.В. Григорьевым.

Изначально авторский проект А.В. Григорьева, глубоко наполнив социальным смыслом его личную жизнь, стал первым опытом в марийском музеефицировании. В Каталоге художественной выставки подробно и документально зафиксирован состав Козьмодемьянской музейной коллекции (1921 г.), которая явилась базовой основой художественных фондов музея.

Замечательно точно о творческих поисках свидетельствует графика из Козьмодемьянской коллекции, которая экспонируется на Первой Козьмодемьянской художественной выставке 1920–21 гг. Со многими художниками, чьи произведения вошли в состав скомплектованной им коллекции, Григорьев был знаком по московской жизни и общественной деятельности. Тем более, что в начале революционных переустройств художники авангардных поисков занимали ответственные посты в Изоотделе Наркомпроса, как творцы новой революционной культуры. В коллекции представлены различные художественные течения, включая импрессионизм, супрематизм. Если учесть, что А.В. Григорьев исповедовал пролетарские, партийные постулаты, в его мировоззрении к середине 1920-х гг. доминировало убеждение, что советское искусство является логичным продолжением академического русского искусства (6).

Личная самоотверженность в служении обществу – одна из принципиальных особенностей времени социальных преобразований второго десятилетия XX века. Образ первых сотрудников Козьмодемьянского музея обогащен их мировосприятием, личным талантом, готовностью социальному служению. Он отобразился в служении музею, который они создавали, исполняя не только функциональное посредничество между посетителем музея и экспонатами. Музейные сотрудники оставались подлинными исследователями пространства и времени, в котором жили, воспринимая его как «геокультурное макропространство».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Музейный документальный фонд Художественно-исторического музея им. А.В. Григорьева.

2. Документы ГАРМЭ, ф. Р-39, оп. 1, д.39.

3. *Радимов П.А.* О родном и близком. – М., 1967.

4. *Григорьев А.В.* Первая Козьмодемьянская выставка картин, этюдов, рисунков и проч. – Козьмодемьянск, 1920.

5. *Алексеев Г.Г.* Систематический каталог экспонатов Историко-археологического отдела Козьмодемьянского музея имени тов. Григорьева (с объяснениями). Издание 1-е. – Козьмодемьянск, 1921.

6. *Кувшинская Л.А.* Александр Владимирович Григорьев. Каталог. – Йошкар-Ола, 1989.

Lyudmila Kuvshinskaya

FROM THE HISTORY OF CREATION OF A MUSEUM IN KOZMODEMYANSK

Article is devoted to the history of creation of a museum in Kozmodemyansk in 1919s. On the basis of archival documents the author shines organizational history of creation of a museum, formation of its collective. Formation of funds of a museum and drawing up of catalogues, history of occurrence of a collection of pictures, the basic directions of work of a museum as educational – information institute are considered. The big attention is given to A.V.Grigorev's role in museum formation in Kozmodemyansk which is now one of the main sights of Mari El Republic.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Маргарита Гришкина,
Александр Шкляев
Ижевск

«ТАНГЫРА»: НОВАЯ ВЕРСИЯ УДМУРТСКОГО ЭПОСА

Быдӟым крезьдэ кут али, уроме,
Вашкала гуръёсмес артэ пуксьыса кырӟаломы
Анай-атайёсмылэсь вашкала йылолъёссэс
Кырӟаса-вераса лэзёмы.

Тон ке од кырӟа, мон ке ой кырӟа, уроме,
Кин кырӟалоз на вашкала гуръёсмес?
Быдӟым крезьмес киязы кутӥсьес ӄз ни ке луэ
Быроз ук улонмылэн ямъёсыз.

Великие гусли возьми в руки, мой друг,
Сядем рядом и будем петь наши древние напевы
О древних обрядах-обычаях наших отцов-матерей
Будем петь и сказывать, мой друг.

Если ты не будешь петь, если я не буду петь,
Кто же еще будет петь-сказывать наши древние песни?
Если никто уже не возьмет в руки наши великие гусли
Исчезнет красота нашей жизни, мой друг!

(Перевод М.Атаманова)

Прошло несколько месяцев с того незабываемого момента, как удмуртский читатель смог взять в руки новый национальный эпос – «Тангыра». Казалось бы, давно прошла героическая эпоха, обогатившая культурное наследие мира эпическими сказаниями и преданиями, объединяемыми образами могучих богатырей. Славяне гордятся подвигами Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, киргизы воспевают славные дела батыра Манаса, о Джангар батыре поют калмыки, Урал батыру поклоняются башкиры, бесконечны вариации рун о героях великого карело-финского эпоса «Калевала». «Калевала» вдохновила удмуртских творцов эпического жанра на создание целой «батыриады»: это и «Песнь об удмуртских батырах» Михаила Худякова, «Янтамыр батыр» и «Непобедимый батыр» Ивана Яковлева, «Донды батыр» Анатолия Перевозчикова, и реминисценции на тему худяковской «Песни об удмуртских батырах» Василия Ванюшева и Виктора Шибанова. И вот как явление, венчающее

стремление удмуртов заявить о себе как о народе, историческое прошлое которого ознаменовано бессмертными подвигами смелых воинов- батыров, появилась «Тангыра» Михаила Атаманова.

Совершенно необычна судьба самого автора, известного в писательском мире под псевдонимом Эграпи Гавир Микаль. Выпускник удмуртского отделения филологического факультета Удмуртского госуниверситета (1975), он окончил аспирантуру в Тарту у всемирно известного финноугроведа Пауля Аристэ, блестяще защитил кандидатскую диссертацию, очень плодотворно работал в Удмуртском научно-исследовательском институте (ныне УИИЯЛ УРо РАН). Однако блестяще начатую карьеру ученого Михаил Атаманов оставил ради служения и стал протодиаконом Русской Православной Церкви. Он подарил удмуртскому народу переводы Библии и Евангелия, тем самым включив его в число цивилизованных народов, на чьем языке теперь звучит Слово Божие. Побывав в Иерусалиме и описав свое путешествие на родном языке, он открыл для удмуртов обетованную землю. На пути своего переводческого подвига Михаил Атаманов продолжает обогащать выразительные средства удмуртского языка, вводя в него забытые и новые понятия, обозначающие Божественную Истину. Уже будучи в сане протодиакона, он успешно защитил докторскую диссертацию, ныне он ведущий научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья при УДГУ, член ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при историческом и филологическом факультетах, член союза писателей России.

Венок из 12 эпических песен-сказаний (мадь), заключенный в новом эпосе М.Атаманова, объединен единым образом древнего удмуртского инструмента тангыра, который звучал «во дни торжеств и бед народных», созывая удмуртов на кровопролитные сражения и большие празднества. Сейчас, в эпоху глобализации, когда снова и снова во весь трагический рост встает вопрос о будущем народа, о его физическом существовании, о судьбе удмуртского языка и культуры, автор бьет в тангыра с горячим призывом «Валче уломе! Кема уломе! Огмылэсь огмы ум люкиськe! Шудо мед луоз удмурт калык!» (Будем жить в согласии! Будем жить долго! Не расстанемся вовеки! Да будет счастлив удмуртский народ!). Набатный звон тангыра и предводитель народа Горд Ошпи связывают воедино все 12 глав эпоса.

Эпоха «Тангыра» охватывает огромный, более чем двухтысячелетний период истории развития одной из самых древних, крупных и сплоченных этнических общностей финно-угорского, точнее уральского происхождения – удмуртов, сформировавшихся из многочисленных родо-племенных групп, населявших Волго-Уралье с эпохи камня и бронзы. Историческая судьба расселила удмуртов на стыке Европы и Азии, тайги и лесостепи, в контактной зоне христианского, мусульманского и языческого миров.

Михаил Атаманов обращается к осмыслению наиболее драматических, переломных моментов истории народа в непривычной для современного уха и

восприятия форме эпического, мифопоэтического повествования, в которое обильно и органично вкраплены тексты подлинных обрядовых, эпических, лирических легенд, преданий, песен, сказаний, языческих молитв – курисько-нов, детских игр, свадебных, гостевых, обрядов инициации и разнообразных ритуалов. От умиротворяющих образов мирной жизни с повседневным трудом и яркими празднествами и увеселениями читатель переносится к батальным сценам многочисленных кровавых столкновений с врагом.

Великолепное знание глубин и всех перипетий удмуртской истории и фольклора, впитанное с молоком матери и накопленное в течение всей жизни, во время многочисленных экспедиций ко всем группам расселения современных удмуртов, огромная любовь к своему народу в сердце автора горячими толчками гонит кровь в его сосудах, и с его языка срываются полновесные строки, посвященные удмуртским батырам, их прекрасным супругам, рождающим героев, готовых сразиться и сражающихся с врагом за свой народ. Невозможно без волнения читать песнь вторую, посвященную сражению у Ваткакара, подвигам его защитников и падению в огне страшного пожарища древнего центра расселения удмуртов Ватка. Мифический предводитель удмуртского племени Ватка – Горд Ош (Красный Бык) под напором наступающих врагов ведет свой народ в более безопасные места. В данном рассказе ощущается, какими мощными средствами располагает автор, включающий поэтическое воображение и рисующий яркие, образные картины, воздействующие не только на сознание, но и, прежде всего, на чувства читателей.

В мифологической форме осмыслен и процесс этногенеза народа. Постепенная диффузия в его составе родственных этнических групп показана на примере переселения угров – потомков Югра батыра к удмуртам Ватка. Процесс постепенного соседского расселения, смешения бывших удмуртов Калмез и Ватка автор также имеет возможность показать через повествование об уходе Ватка из своего разгромленного, захваченного врагом центра и расселении членов племени среди калмезов, арских удмуртов, о появлении на севере арских князей (бигеров), бесермян, о соседском расселении мари (поров) и т. д. Как и в жизни, в эпосе трагическое соседствует с радостным и даже комическим. Так, невозможно не восторгаться, читая очень красочное повествование о свадьбе сына Донды – Гурьи, проникнутое непередаваемым народным юмором, с очень удачным вкраплением (или имитацией) народной свадебной песни, плясовых мотивов, шуток.

Особая роль в эпосе отводится вождям – главам родов и племен, участвовавшим в этногенезе удмуртов. Это *Донды батыр, Идна батыр, Эштэрек батыр, Янтамыр батыр, Мардан батыр, Ожмег батыр, Гондыра (Кондрат) батыр, Бия батыр, Сьолта батыр, Бурсин батыр,* широко известные по историческим преданиям и легендам. Автор воспел и героические образы женщин: *Узя батыр, Тукля мемей*, восходящие к эпохе матриархата, когда формировалась воршудная организация. С глубоким уважением прославляются племен-

ные вожди: *Каллез батыр*, которого соплеменники с любовью называют *буба* 'отец, *Ватка батыр*, *Югра батыр*, носящие титул *элыйыр* (хан или царь).

Как христианский писатель, отец Михаил Атаманов не мог не затронуть и христианскую тематику. Он использует библейские сюжеты, особенно касающиеся сотворения мира и первых людей Адями (Адам) и Улон (Ева), всемирного потопа и последующего развития человечества. Представляется вполне уместным введение в сюжет повествования образа христианского проповедника Самсона, прибывшего к прикамским удмуртам около XII–XIII вв. из Кийабы (древнего Киева). Хотя языческие жрецы и родовые старейшины изгоняют его, но из числа удмуртов появляются его последователи. Они уходят со своим учителем, но добрые семена христианского вероучения были посеяны и на удмуртской земле. Об этом читатель узнает из рассказа удмуртского гусляра Дадика и двух его песен, состоящих из псалмов, восхваляющих великие дела Господа Бога.

Можно очень многое говорить о художественных достоинствах текста, созданного смелым эпическим пером и талантом поэта и ученого, но как историку мне хочется обратить внимание на еще одну особенность этого эпохального издания. Последняя песнь эпоса создана по мотивам подлинного исторического документа – «одинашной записи», заключенной в 1670 г. северными удмуртами и бесермянами на общинном совете в д. Солдырь (Иднакар) – древнейшем центре северных удмуртов, на котором общинники поклялись быть едиными в борьбе против утесняющих их каринских богатеев и приказных людей, отстаивать сообща везде, во всех инстанциях, земли и права удмуртов и бесермян, помогать во всем общинным лидерам. Символично, что повествование автора, главной мыслью и рефреном которого является призыв: Будем едины!» («Валче уломе!»), венчает приподнятый художественный образ единения двух народов.

Для внимательного читателя вполне самостоятельную ценность представляют и комментарии (валэктонъёс) к текстам эпоса, рисующие грандиозную, поражающую воображение и в то же время исторически достоверную панораму древней и средневековой истории удмуртов. Будучи уникальным во всем финно-угорском мире, разносторонним ученым, сочетающим глубокие познания в археологии, этнографии, истории, фольклористике, музыкознании, в самых разных разделах лингвистики, с незаурядным музыкальным и поэтическим даром, глубокой верой и христианскими нравственными ценностями, Михаил Атаманов, как никто другой, смог осмыслить нашу историю, ее величие и трагизм, ее высоты и падения, ее глубину и локальные особенности, пути и перепутья формирования и бытия народа. Важно подчеркнуть, что в лице автора перед нами предстает не только ученый и писатель, собиратель и составитель эпоса, но и творец, и оригинальный исполнитель фольклорных жанров, включенных в «Тангыра». Столь же большую ценность представляет второе приложение – небольшой словарь, возвращающий нам многие уже забытые слова и понятия, обогащающий не только речь, но и наши исторические представления.

«Тангыра» – это не просто вклад в сокровищницу удмуртской культуры, это ответ на вызовы современности, чреватой забвением многих ценностей, смешением добра и зла, равнодушием к судьбам народов и отдельных людей. Это горячий призыв к ныне живущим и к их потомкам помнить, что каждый народ, каждый человек уникальны в своих поисках смысла жизни, правды и справедливости! Уверены, что каждый неравнодушный человек, ощущающий в себе корни, живущий на удмуртской земле не только заботами о пропитании, пожелает прочитать эту книгу, а прочитав, передать ее своим детям для того, чтобы не прерывалась связь времен. Гордость и боль автора за свой народ, за его судьбу не могут не задеть за живое, не вызвать ответного чувства.

Margarita Grishkina, Alexander Shklyaev

«TANGYRA»: THE NEW VERSION OF THE UDMURT EPOS

Article is devoted to the new Udmurt national epos «Tangyra» the author of which is Michael Atamanov. He addresses to judgment of turning-points of history of the people in a myth and poetic narration in which he includes lyrical legends, wedding, guest ceremonies and rituals. In the mythological form the process of ethno genesis of the people was comprehended also. «Tangyra» is not simple contribution to a treasury of the Udmurt culture; it is the answer to calls of the present fraught with oblivion of many values, good and harm mixture, indifference to destinies of the nation and other people.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

ПЕРСОНАЛИИ

Елена Козлова
Сыктывкар

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА КУРАТОВА

18 июля исполнилось 170 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Куратова. Он по праву считается основоположником коми литературы. Родился первый поэт зырянской земли в селе Кибра Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне село Куратово Сысольского района Республики Коми) в многочисленной семье церковного дьякона Алексея. В 1850 году его определили в Яренское уездное духовное училище, по окончании которого он был переведен в Вологодскую духовную семинарию. Однако стал не священником, а учителем в Усть-Сысольском духовно-приходском училище. Его интересы были глубоки и разнообразны. И.А. Куратов собирал народные песни, сказки, легенды, предания, поговорки, пословицы, изучал местный быт, обычаи и традиции, самостоятельно разработал грамматику коми языка. Его интересует не только литература, но и философия, политэкономия, история, эстетика.

Иван Алексеевич вел напряженную интеллектуальную и духовную жизнь. Он творил, не имея предшественников, поэтому основными источниками его вдохновения стали русская поэзия и коми фольклор. Поэт внимательно следил за культурной жизнью России и Европы по периодическим изданиям. Он переводил стихотворения русских поэтов и классиков западноевропейской литературы Бёрнса, Гейне, Гёте, Беранже. Его библиотека состояла из книг на 13 языках. Годы жизни в Усть-Сысольске были наиболее плодотворным периодом творчества Куратова. Картины жизни народа, тяжелой, полной невзгод и унижений, нужды и бесправия, до глубины души потрясают И.А.Куратова. В его защиту поэт поднимает свой голос в стихотворениях «Тьма», «Самсон», «Сны», «Усть-Сысольск», в поэме «Ягморт».

В 1865 году Куратова вынудили навсегда покинуть Коми край. Он поступил в Казанскую школу полковых аудиторов. Завершив обучение в ней в октябре 1866 года, был направлен к месту службы в Семипалатинск, откуда вскоре пе-

реведен в город Верный (Алма-Ата). С 1871 года поэт работал в Семиреченском областном правлении. В Средней Азии И.А.Куратов оставался честным, независимым и неподкупным гражданином своего времени. Особенно ярко проявился его смелый характер в так называемом «деле Эмана», когда он, работая в следственной комиссии, защитил оклеветанных казахов и спас их от тюрьмы. Но в постоянных разъездах по долгу службы Куратов окончательно подорвал своё здоровье и умер в городе Верном (ныне – Алма-Ата) от чахотки 29 ноября 1875 года. В некрологе, опубликованном в «Туркестанских ведомостях», об Иване Алексеевиче говорится:

«С ранней молодости, как видно из оставшейся значительной переписки и других бумаг, Куратов посвятил себя на служение своему родному народу. В каждой строке заметок покойного проглядывает необыкновенная привязанность и любовь его к зырянскому племени. Он принадлежал к весьма ограниченному кружку русских людей, занимающихся изучением быта и языка зырян. Много отдельных статей по этому предмету Иван Алексеевич Куратов поместил в Вологодских Ведомостях и состоял в сношениях с Казанским университетом. В бумагах покойного сохранилась записка одного из казанских ученых, свидетельствующая, что труды Куратова весьма ценились сведущими людьми. До самой смерти, уже не вставая с постели, Иван Алексеевич занимался любимым своим предметом. Последние годы, он главным образом посвятил переводу на зырянский язык Евангелия (именно Евангелия от Луки). Труд этот снабжен громадным числом филологических комментариев, доказывающих не только глубокое знакомство Куратова с языком и бытом зырянского народа, но и немалую эрудицию. Кроме того, в числе рукописей покойного найдено много оригинальных и переводных стихотворений на зырянском языке, опыт толкового зырянско-русского словаря, грамматика зырянского языка и целый ряд этюдов».

Впервые пять стихотворений Ивана Куратова, но без указания имени поэта, были напечатаны в 1866 году в газете «Вологодские губернские ведомости». Следующая публикация состоялась только в 1903 году в Хельсинки (Гельсингфорсе). Широкому кругу читателей Куратов стал известен только в советский период, когда ряд имен, например, коми писателя и философа Каллистрата Жакова, старались не вспоминать по причинам идеологической цензуры. Но стихи Куратова вышли из забвения, случилось это благодаря тому, что поэт был причислен к революционно-демократическому движению в литературе. Его творческое кредо: «Уже не сдерживаю я сейчас резкого слова и смущаю им певцов, чирикающих о беззаботной жизни» интерпретировали как социальный протест. Несомненно, такие выводы имеют основания, но сегодня ограничивать жизнь и творчество Ивана Куратова только выражением революционно-демократических идей было бы не совсем верным. Как нельзя, например, по его стихотворным строкам «Менам муза абу вуза» («Моя муза не будет продажна») говорить об его исключительно антирыночных настроениях, «непередовых» в наше время. Не случайно коми поэт Федор Щербаков в одном из своих

стихотворений назвал Куратова зырянским «братом» Достоевского. То есть, с одной стороны, защитником «униженных и оскорбленных», а, с другой стороны, писателем, ищущим Бога. Иван Алексеевич Куратов на протяжении всей своей жизни искренне стремился к правде и справедливости, его стихи полны любовью к родине и родному народу. Именно поэтому, на мой взгляд, он в конце жизни возвратился к христианским началам, на которых он воспитывался в своей семье, и занимался переводом на коми язык Евангелия – шел к Богу.

Именем поэта названы его родное село Кибра, улицы в Сыктывкаре и Алма-Ате, педагогический колледж и общеобразовательная школа в Сыктывкаре, библиотека в Эжве, учреждена Государственная премия его имени. Гоголь написал, что лучшим воспоминанием о нем после смерти будет не похвала, а молитва. Думаю, что к этой «передовой» мысли присоединился и поэт Иван Алексеевич Куратов.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Иван Галкин
Йошкар-Ола

К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Ф.И. ГОРДЕЕВА

Профессор Федор Иванович Гордеев в финно-угорском языкознании известен весьма широко. Он был одним из ведущих марийских языковедов. Им написано более 200 научных работ по самым различным областям марийского языкознания.

Родился Ф.И. Гордеев 23 марта 1929 г. в деревне Ирмучаш Параньгинского района Марийской АССР (ныне Республики Марий Эл) в семье крестьянина. После окончания девяти классов Параньгинской средней школы в 1946 г. он поступает в Параньгинское педагогическое училище. Окончив педагогическое училище, в 1948–1950 гг. работает учителем начальных классов в Тошнерской начальной школе Волжского района, затем в Больше-Ляждурской семилетней школе Куженерского района Марийской АССР. В 1950–1954 гг. он учился в Марийском государственном педагогическом институте на отделении марийского языка и литературы. Успешно окончив педагогический институт, в 1954 г. он поступает в аспирантуру при секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. Завершив занятия в аспирантуре в 1957 г., Ф.И. Гордеев некоторое время работал старшим преподавателем Каракалпакского педагогического института, но в том же году по приглашению Марийского педагогического института переехал в Йошкар-Олу.

Работать в педагогическом институте он начал с должности ассистента кафедры марийского языка и литературы, затем стал старшим преподавателем. После защиты кандидатской диссертации на тему «Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке» на Ученом совете Тартуского государственного университета, написанной под руководством академика Б.А. Серебренникова, получил должность доцента кафедры. Некоторое время был старшим научным сотрудником, в 1992 г. стал профессором кафедры.

В своей кандидатской диссертации Ф.И. Гордеев дал описание и раскрыл происхождение повелительного, желательного и условно-сослагательного наклонений, а также форм качественной характеристики действия и состояния. Здесь автор показал, что он не просто лингвист, а лингвист-компаративист. Кроме того, им опубликован ряд интересных статей по проблемам марийской грамма-

тики. Так, в статье «О ласкательной форме глаголов современного марийского языка» (Труды МарНИИ, вып. XII. Йошкар-Ола, 1958) он убедительно доказал, что в современном марийском языке нет особого ласкательного наклонения, а есть формы субъективной оценки глагола. В статье «К вопросу о происхождении сложноподчиненных предложений в марийском языке» (Вопросы теории и методики изучения русского языка, вып. III. Йошкар-Ола, 1964) на основании ряда аргументов сделано заключение о возникновении и развитии сложноподчиненных предложений в марийском языке, за исключением условных, уступительных и причинно-целевых, под непосредственным влиянием русского языка.

Особенно широкое признание Ф.И. Гордеев получил как этимолог. Первые два тома его «Этимологического словаря марийского языка» (т. I, А–Б. Йошкар-Ола, 1979; т. II, В–Д. Йошкар-Ола, 1983) получили положительный отзыв не только в нашей стране, но и за рубежом. Монография «Историческое развитие лексики марийского языка» (Йошкар-Ола, 1985) стала обобщением его многолетних историко-этимологических разысканий.

Большое внимание Ф.И. Гордеев уделял проблеме языковых контактов: «Балтийские и иранские заимствования в марийском языке» (Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967), «О происхождении этнонима *пор*» (Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ МарНИИ за 1964 г. Йошкар-Ола, 1965), «Фонетическое освоение татарских заимствований в марийском литературном языке» (Труды МарНИИ, вып. XIII. Йошкар-Ола, 1960), «О татарских заимствованиях в лексике марийского языка» (Диалекты и топонимия Поволжья, вып. III. Чебоксары, 1975) и др.

Не обошел профессор своим вниманием и вопросы ономастики. Несколько его статей посвящено марийским антропонимам: «Этимологии марийских антропонимов» (Вопросы марийской ономастики, вып. II. Йошкар-Ола, 1980; вып. III. Йошкар-Ола, 1982; вып. IV. Йошкар-Ола, 1983). Весьма интересны статьи о происхождении этнонимов финно-угорских и тюркских народов: «К истории этнонима *черемис*» (Труды МарНИИ, вып. XVIII. Йошкар-Ола, 1964), «О происхождении этнонимов удмуртского народа» (Марийский педагогический институт. Тезисы докладов на научной конференции преподавателей по итогам научно-исследовательской работы за 1965 год. Йошкар-Ола, 1966), «К этимологии родо-племенных терминов восточных финно-угров и башкир» (Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975).

Ряд спорных этнолингвистических проблем совершенно по-новому рассматривал Ф.И. Гордеев в работах по топономастике: «К вопросу о происхождении гидронима *Москва*» (Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Ленинград, 1965), «Балтийская гидрономия Волго-Окского междуречья» (Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966), «О происхождении гидронима *Волга*» (Ономастика Поволжья, вып. I, Ульяновск, 1969), «О происхождении гидронима *Илеть*» (Ономастика Поволжья, вып. III. Уфа, 1973), «О былых связях

древнемарийских племен со своими соседями по данным ономастики» (Вопросы марийской ономастики, вып. V. Йошкар-Ола, 1985) и др.

Много занимался Ф.И. Гордеев и вопросами преподавания родного языка в школе. Был одним из авторов программы по марийскому языку для марийских школ. Его перу принадлежит учебник по родному языку для 4-го класса марийских школ. Он часто выступал перед учителями марийского языка и литературы. Его доклад на республиканской конференции по актуальным проблемам развития, изучения, преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия на тему «О привитии любви к родному языку на уроках марийского языка» не потерял своего значения и в настоящее время.

Последним большим научным трудом, появившимся на свет в 2003 г., является «Обратный словарь марийского языка». В составлении словаря, кроме Ф.И. Гордеева, принимали участие В.А. Лоскутов, А.В. Гусаров, Р.Г. Москвина, А.И. Шорникова. Данный словарь является первым обратным словарем марийского языка, изданным в Республике Марий Эл. Цели и задачи составители словаря, прежде всего их руководитель Ф.И. Гордеев, поставили перед собой весьма актуальные и благородные по своей сути. Пользующиеся этим словарем искренне благодарны составителям за их большой труд. При его помощи можно провести самые разнообразные исследования в области фонетики, морфологии, фонологии и морфонологии. Полезен словарь и учителям школ, и преподавателям вузов при подготовке к занятиям на ту или иную тему по марийской фонетике и морфологии. Кроме того, обратный словарь очень помогает и при компьютерном исследовании языкового материала.

В 2002 г. был издан обратный словарь марийского языка в Хельсинки – «Reverse Dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка» [(LSFU XXVIII) Helsinki, 2002; составители: Йорма Луутонен, Сиркка Саариннен, Арто Мойсио, Олег Сергеев, Лидия Матросова]. Словарь, изданный в Финляндии, по своему лексическому составу намного превосходит изданный в Йошкар-Оле. К сожалению, данные словаря, опубликованного в Финляндии, не были использованы, тогда как составители последнего воспользовались рукописью Ф.И. Гордеева, находившейся в типографии при Правительстве Республики Марий Эл. Несомненно, обмен материалами помог бы обогатить лексический состав обоих словарей. Несмотря на это обратный словарь марийского языка, составленный под руководством профессора Ф.И. Гордеева, внес неоценимый вклад в марийское языкознание. Словарь же, вышедший в Финляндии, широкому марийскому читателю не доступен. Да и изданный в Республике Марий Эл словарь стал уже библиографической редкостью, так как его тираж всего 300 экземпляров. Неплохо бы доработать его и переиздать.

Ф.И. Гордеев принимал участие в работе многих научных конференций и симпозиумов финно-угроведов.

Коллеги и друзья никогда не забудут талантливого и плодотворного профессора Ф.И. Гордеева.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Иван Иванов
Йошкар-Ола

Е.Н. МУСТАЕВУ – 75

Исполнилось 75 лет марийскому ученому-лингвисту кандидату филологических наук, профессору Марийского государственного университета Елизару Николаевичу Мустаеву.

Е.Н. Мустаев принадлежит к той когорте марийских филологов, которым выпала честь возрождать науку о марийском языке после разрушительной языковой реформы 1938 года. Филологическое образование он получил в период «хрущевского потепления» и потому имел возможность близко познакомиться с огромными достижениями марийского языкового строительства в 20–30-е годы. Это, надо полагать, определило и его будущие филологические интересы как исследователя марийского языка. В качестве сферы своей научной деятельности он выбрал очень важную для марийского языка второй половины XX века область – стилистику и культуру речи. Эта область марийского языкознания в послереформенном периоде подверглась наиболее сильному разрушительному воздействию «нового направления» в языковом строительстве марийского народа, когда формирование литературных норм марийского языка было поставлено в полную зависимость от норм речевой культуры русского языка. Выбрал он её по убеждению, с осознанием важности проблемы, имея опыт работы в учреждениях, в которых немаловажную роль играет речь, правильная, культурная, убедительная. После педагогического института, филологический факультет которого с отличием закончил в 1958 году, он долгое время трудился на т.н. идеологическом фронте – в школе, в министерстве просвещения, на руководящих партийных должностях.

Научно-исследовательской деятельностью профессионально стал заниматься уже в зрелые годы после поступления в 1971 году в аспирантуру по финно-угорским языкам. Ему повезло с научной школой – он попал к знаменитому финно-угроведу академику Академии наук Эстонской ССР, профессору Паулю Аристэ. Эстонская школа оказала весьма благотворное влияние на формирование научного мировоззрения начинающего исследователя. Здесь он получил хорошее лингвистическое образование, впитал в себя особый эстонский дух необычайно уважительного отношения к родному языку как общественному феномену, изменил свое представление о роли родного языка в формировании

общественного сознания марийского общества во второй половине XX века. С новыми научными идеями Е.Н. Мустаев окунулся в активную исследовательскую деятельность. Молодые исследователи его поколения своими научными трудами сумели поднять марийское языкознание в последней четверти прошлого века до уровня зарубежного финно-угроведения. Юбиляр был одним из них.

Е.Н. Мустаев имеет компетентное представление о роли и месте родного языка в языковом воспитании общества, правильно ориентируется в вопросах влияния общества на формирование культуры речи. Он прекрасно понимает существенную роль в этом процессе авторитета выдающихся личностей, писателей, народных мастеров слова, знатоков и ценителей родной речи. Понимание необходимости речетворчества общества и отдельных личностей на уровне литературного языка юбиляр хорошо показал в своих книгах, посвященных проблемам стилистики и культуры речи. Это мы обнаруживаем, например, в его известном труде «Устан лудаш да ойлаш туныктымо паша» [«Выразительное чтение и культура речи»] (1982). Глубоко затронуты вопросы стилистики и влияния печатного слова на формирование правильной речи в книге «Марий йылме. Стилистика» [«Стилистика марийского языка»] (1995). Эти книги подготовлены в помощь учащимся, но они выходят далеко за рамки школьного образования и могут быть с успехом использованы как учебные пособия по стилистике для всех пользующихся марийским языком, они предоставляют богатый материал для восприятия языкового материала как важнейшего компонента в процессе создания литературного образа писателями и поэтами. В научном познании марийского языка как объекта стилистики и культуры речи Е.Н. Мустаев достиг заметных успехов. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи, посвященные выяснению места слова в создании речевого образа изображаемого, а также его кандидатская диссертация «Вопросы синонимики марийского языка», которую он успешно защитил в Тартуском университете в 1975 году, и книга «Йылме молан вашталтеш?» [«Почему меняется язык?»] (1990).

Но наибольшую известность в марийском языкознании Е.Н. Мустаев получил все же как специалист по синонимии. Кроме кандидатской диссертации, данной проблеме он посвятил немало исследовательских статей по отдельным вопросам марийской синонимии и три словаря синонимов с подробными научными комментариями. Он автор первого словаря марийских синонимов, изданного в 1975 году. В 2000 году опубликовал большой словарь синонимов марийского языка с подробными научными комментариями. Эти издания – крупный вклад в марийскую лексикологию и лексикографию. До него в марийском языкознании не имелось научных словарей подобного рода. Этими трудами он внес заметный вклад в науку и практику стилистики и культуры марийской речи. По различным проблемам марийского языкознания он издал 13 книг.

Е.Н.Мустаев не только крупный ученый, он также талантливый учитель. Педагогическое дарование заложено в нем от природы. Он легко находит кон-

такт со своими коллегами, учениками и студентами. Его уважают студенты как умного преподавателя и мудрого наставника, с почтением относятся к нему коллеги по работе за то, что он всегда объективен и справедлив в суждениях, оперативен в решении проблем. Он умеет находить научный контакт со сторонниками различных научных направлений и течений, потому что обладает искусством слушать оппонента, уважать мнение других. В научных дискуссиях он придерживается принципа: истинный ученый должен считаться и с мнениями других, каковыми не приемлемыми бы они ни были. В этом он следует своему научному наставнику проф. П.Аристэ.

Я всегда говорил и сегодня еще раз повторю, что настоящему ученому всегда присуща человеческая и научная скромность. Именно таким я вижу нашего товарища по работе, друга и коллегу в день его славного юбилея: простым и скромным тружеником науки, преданным своей любимой лингвистике. Он и сейчас работает очень активно, пишет новые учебники и учебные пособия для студентов-филологов. Он живет наукой, любимой своей стилистикой.

Уходят годы. Стареют наши ветераны, те, кто все свои силы, умение и талант ученого отдали служению науке, кто своими глубокими научными изысканиями приближали марийское языкознание к международному признанию, поднимали престиж марийской науки в глазах мирового финно-угроведения, кто своими глубокими исследованиями прославляли марийское и российское финно-угроведение. Но не стареют их научные идеи, их фундаментальные исследования. Они будут жить в их учениках, в продолжателях их научных идей. Пожелаем им побольше последователей.

Поздравляя профессора Е.Н. Мустаева со славным 75-летием, желаем ему онарского здоровья, долгих лет плодотворной научной жизни и много-много верных последователей его научных идей.

«Финно-угроведение», 2009, № 2

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ЛИПАТОВ А.Т., ЖУРАВЛЁВ С.А. Региональный словарь русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл). – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2009. – 288 с.

Рецензируемый словарь является первым трудом, отражающим особенности ненормативной лексики русского языка на территории Республики Марий Эл, которую составители словаря называют субстандартной. Это, как видно из предисловия, они оправдывают тем, что понятие «субстандартная лексика» хорошо коррелирует с понятием «субстандартная культура», которое включает официально не регламентированные, но любопытные с точки зрения социологии, психологии, теории коммуникации сферы человеческой деятельности (с. 5–6).

Словарь состоит из предисловия (с. 5–17), раздела «Как пользоваться словарем» (с. 18–25), списка сокращений (с. 26), самого словаря (с. 29–132), фразеологических оборотов (с. 135–164), микротопонимов (с. 165–204). Кроме того, в книгу включена научная статья А.Т. Липатова «Свои слова у времени любого…». Русский сленг в его соотнесённости с арго и жаргоном» (с. 205–261). В конце дан список источников (с. 262–286), куда вошли названия научных публикаций и словарей арготической, жаргонной и сленговой лексики.

В предисловии авторы раскрывают содержание термина «субстандартная лексика». Они пишут, что термин «жаргонная лексика» возможностью своего применения ограничен, так как его содержание понимается слишком узко и суть явления, обозначаемого этим термином, слишком размыта. Здесь не берется в расчет возраст, специальность, сфера интересов и т.д. пользователей лексики, находящейся за пределами литературной нормы (принятого стандарта) и в то же время не относящейся ни к диалектизмам, ни к элементам просторечия (с. 5).

Составители отмечают, что в словник они включили слова и выражения, встречающиеся только на территории Республики Марий Эл, что подавляющее большинство представленных в словаре единиц характеризуют речь молодежи города Йошкар-Олы (с. 6).

Авторы заостряют внимание на том, что в последние двадцать лет бранная, вульгарная лексика охватила публицистику, художественную литературу и т. д. и проповедь мата и фалломания недопустимы, особенно со стороны ученых (с. 11).

Рецензируемый словарь интересен и тем, что в нем в некоторой степени отражены русско-марийские языковые взаимовлияния. Например: *вставить шокшо* «устроить разнос, отругать» (с. 138), это то же самое, что русское «дать жару» кому-либо. Или превращение марийского словосочетания *пеш сай* «очень хороший» в «безлично-предикативное наречие» *пеш сайно* «очень хорошо» (с. 94). Действительно, длительное контактирование марийцев с русскими не могло не отразиться на их языках, особенно после присоединения Марийского края в 1552 г. к Русскому государству.

Конечно, такие словари нужны. Они действительно отражают гибкость и динамичность молодежного сознания. Например: **Антенны** *мн.* Уши. *Опять свои* ***антенны*** *навострил? Дуй отсюда!* (с. 30). Нужно заметить, это же слово употребляется молодежью и в другом значении – «отдельные волоски, торчащие на голове после стрижки», например: *Убери* ***антенны:*** *они портят вид.*

Со временем нестандартные слова меняются, например, микротопоним **Дорожник** м. Магазин «Железнодорожник». *В* ***Дорожнике*** *есть разливайка, потому там вечно бомжи трутся.* Запись 2005 г. (с. 174). В настоящее время в этом магазине нет «разливайки» и «бомжи» не трутся, видимо, поэтому он называется просто «Железка» (я живу напротив этого магазина и часто слышу это название и сам его называю так).

Весьма интересен, на мой взгляд, микротопоним **Ела́с-Вега́с,** сближённый по звучанию с названием города **Лас-Вегас** в США. Запись 2007 г. (с. 175). К сожалению, составители словаря не проверили по справочнику административно-территориального деления Марийской АССР район нахождения микротопонима, ср. с. Еласы в Еласовском сельсовете Горномарийского района, не посмотрели и книгу О.П. Воронцовой и И.С. Галкина «Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ», и книгу Л.П. Васиковой «Горномарийско-русский словарь географических названий»: **Йола́сал (Йоласа́л со́ла, Кого Йола́сал**)... с. Еласы, Еласовский с/с, Горномарийский район, РМЭ. Кроме того, 28 декабря 2004 г. был опубликован закон о составе и границе сельских и городских поселений.

Конечно, интересных и любопытных единиц в словаре, особенно среди микротопонимов, не мало. Например: **Килиманджа́ро** неизм., ср. Поселок Килемары, районный центр Марий Эл. *Её дядя в Килиманджаро работает.* Запись 2004 г. (с. 180). Или **Киркóрова** неизм. Улица Пугачёва. *Вчера менты приехали на* ***Киркорова,*** *по квартирам ходили.* Запись 2000 г. (там же). Результат языковой игры – нарочитое смешение фамилий Емельяна Пугачёва и Аллы Пугачёвой, а также знаменитых эстрадных артистов А.Пугачёвой и Ф.Киркорова (там же).

Не менее интересен и микротопоним в г. Йошкар-Оле **Путиноиды.** Скульптурная группа на бульваре Победы. *У* ***Путиноидов*** *выставку молодых фотографов развернули.* Запись 2008 г. (с. 193). Скульптура изображает молодую семью из трёх человек, лица каждого из которых похожи на лицо В.В. Путина.

Или ещё: **Ри́о-де-Жане́йро.** Поселок Куженер, районный центр Республики Марий Эл. *На выходные в **Рио-де-Жане́йро** собираюсь.* Запись 2007 г.; **Ри́о-Кужене́йро.** То же, что и **Ри́о-де-Жане́йро.** Запись 2007 г. (с. 194).

В аннотации авторы пишут, что «в словарь включено около 2000 единиц. К пласту субстандартной лексики в её широком понимании отнесены в основном жаргонные слова и обороты, а также неформальные, обиходные, шутливые наименования городских и поселковых объектов республики» (с. 4). В действительности же в словаре всего 1696 единиц. Из них: 1035 словарных статей (включая фонетические варианты), 280 фразеологических оборотов и 381 микротоним. Безлично-предикативные наречия *понтёво* и *понто́во* «здорово, хорошо», на мой взгляд, являются фонетическими вариантами респондентов, один из них, менее распространенный, можно бы и не включать в словарь. Мне кажется, что и словарные статьи *канторить* «собираться, встречаться, гулять» (с. 67) и *конторить* «находиться в каком-либо помещении» (с. 72) являются фонетическими вариантами. Вряд ли *канторить* от латинского слова *cantare* – «петь, веселиться».

В словаре встречаются и некоторые общероссийские слова. Например, слово *хата* «угол, камера в тюрьме» наличествует в «Словаре русских говоров Новосибирской области» в значении *«комната»*. Конечно, правы составители словаря, ибо в уголовном мире значение слова «хата» несколько другое. Хотя, камера – тоже комната. Или слово ***пай***, -я, общ. р. Парень (девушка) примерного поведения, тихоня. *Он такой **пай** – его не видно, не слышно* (с. 91). В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова читаем: **«Пай,** *в знач. сказ.* и *приложения,* нескл., м. и ж. (разг.). То же, что и паинька. *П.-мальчик.* **Па́инька**... (разг.). Ласково-поощрительное название послушного ребёнка». В разговорной речи жителей Республики Марий Эл более употребителен вариант *паинька*. Общероссийским является и слово **разженя** –и, м. Разведённый мужчина (с. 103), ср. *разжения* «мужчина, расторгнувший брак».

Мне кажется, нельзя включать в словарь словарные статьи без примеров, подтверждающих наличие такой единицы в речи говорящих, например: **Сибирская тельняшка.** Арм. Ватник, телогрейка (с. 155); **Тихий** -ого, м. Двор, начинающийся за аркой, в доме по улице Пушкина, где располагается театр-студия «В старом доме»; место неформального сбора студентов историко-филологического факультета Марийского государственного университета (с. 198). Таким толкованиям читателю трудно поверить.

Указанные выше недочеты вызваны, скорее всего, стремлением составителей словаря быстрее издать свой труд. А это привело к невнимательному отношению к ранее опубликованной научной литературе, источникам и даже к некоторым диссертациям по тематике словаря. По той же причине в словарь проникло матерное слово **мудак:** *Ты в натуре, **мудак**, оскал-то спрячь свой.* Запись 2001 г. (с. 89). В двух словарных статьях даны грубые слова, без которых можно бы и обойтись: **Пердунько** общий род. Старый, пожилой человек. *Я ведь уже*

пердунько: *27 лет на днях стукнуло.* Запись 2001 г. (с. 93); **Сра́льник** м. груб. Зад как часть тела. *Не выпендривайся, а то под* ***сральник*** *напинаю.* Запись 2003 г. (с. 110).

В примере к словарной статье **жо́пить** «жадничать» слово **тетрис** без перевода понять нельзя: *Я ему с математикой помог, а он* ***жопил*** *тетрис.* Запись 2004 г. (с. 59). К тому же нет и словарной статьи **тетрис.** Перевод фразеологического оборота **дать в бивень** «ударить в лицо», мне кажется, не совсем верен. По-моему, нужно перевести так: *Ударить по зубам.* Об этом говорит сам пример: *Сейчас как дам в* ***бивень****, потом до утра клыки собирать будешь.* Запись 2000 г. (с. 140). И слово **задрать** «надоесть» (*Да вы меня уже* ***задрали****. Будете есть или нет?* Запись 2000 г. – с. 61), я бы перевёл иначе – «замучить» (*Да вы меня уже* ***замучили****. Будете есть или нет?*).

Если заглавное слово в словарной статье взято из иностранного языка, то, мне думается, обязательно надо сделать ссылку на источник. Составители словаря в одном случае этого не сделали: **Се́йшн.** Праздник, гулянка, вечеринка. *Здесь по выходным дням всегда такой сейшн!* Запись 2001 г. (с. 107).

Слово **скотовоз** -а, м. не просто **автобус,** как это дано в рецензируемом словаре (с. 108), а **автобус** для льготников – стариков и старушек, ездящих бесплатно. Это слово до сих пор употребляется некоторыми водителями таких автобусов.

Особенно большое недоумение вызывают толкования слов **чалдон, черёма, черепо́к, черепу́тала, черепу́шка.** Составители словаря не взглянули ни в «Этимологический словарь русского языка» М.Фасмера, ни в «Словарь русских говоров Новосибирской области», ни в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.Даля. В этих словарях о слове **чалдон** читаем: **«Челдон, чолдон, чалдон»** в Сибири: пришлый, недавний выходец из России, также – бродяга, беглый, каторжник»; **«Челдонъм** м. ирк. мнглъс. бродяга, беглый, варнакъ, каторжник»; **«Чалдоны,** мн. 1. Коренные жители, аборигены Сибири. 2. Первые русские поселенцы в Сибири. 3. Старожилы Сибири. 4. Устар. Староверы. 5. Устар. Ссыльные, бродяги; то же, что **чалдонцы, челдоны»**; **«Челдоны,** м. 1. Старожилы Сибири; то же, что **Чалдоны** (в 3-м знач.)». Как видно из вышеприведенных данных, слово **чалдон** никакого отношения к марийской деревне не имеет. Толковать так, как его толкуют составители словаря, нельзя: **Чалдон** -а, м. Парень из марийской деревни. *На ёлке мы познакомились с какими-то* ***чалдонами.*** Запись 2000 г. (с. 124). Вместо «из марийской» нужно «из вятской». Об этом говорит даже существующее среди русских выражение «вятский челдон».

Что же касается слов **черёма, черепо́к, черепу́тала, черепу́шка,** то они являются уничижительными, пренебрежительно-презрительными словами по отношению к марийцам. Они оскорбляют национальное чувство марийцев и унижают их. Об этом говорят и приведенные в словаре примеры: *Ну ты,* ***черёма****, вали в свою деревню!* Запись 2000 г. *Он ей лапшу на уши вешает, а она, как*

черёма, *всему верит.* Запись 2008 г. *Глянь, самый натуральный* ***черепок.*** Запись 2000 г. (с. 124). *Наташка уже две недели с каким-то* ***черепуталой*** *ходит!* Запись 2008 г. *Эта* ***черепушка*** *меня уже достала!* Запись 2006 г. (с. 125). Таким словам в подобных словарях, на мой взгляд, не должно быть места: они вместо дружбы народов, вместо взаимоуважения наций в такой многонациональной и многоконфессиональной республике, как Республика Марий Эл, и во всей России, развивают лишь межнациональную рознь и недружелюбие между народами.

Тираж рецензируемого словаря небольшой – одна тысяча экземпляров. Всем читателям он не доступен.

Мне хочется надеяться, что составители словаря не остановятся на начатом. В дальнейшей своей работе примут мои замечания к сведению и при переиздании словаря будут более внимательны и устранят все недочёты. Желаю им успехов и плодотворной работы на благо науки.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Рец.: САНУКОВ К.Н. Валериан Михайлович Васильев: очерк жизни и деятельности. – Йошкар-Ола: Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности, 2007. – 172 с., илл.

В январе 2008 года исполнилось 125 лет со дня рождения Валериана Михайловича Васильева, ученого, просветителя, видного общественного деятеля. Доктором исторических наук, профессором К.Н. Сануковым издан документальный очерк, посвященный жизни и деятельности этого человека, ставшего «предметом национальной гордости» марийского народа.

В книге представлены материалы о годах учебы и становлении личности, освещена работа в области развития печати и марийской литературы, раскрыта педагогическая, научная и общественная деятельность в дореволюционный период, а также в годы гражданской войны и научно-педагогическая работа в 1920-е годы и в последние годы жизни ученого.

В разделе о годах учебы и становлении личности автор книги уделил серьезное внимание учебным заведениям Казани, где получали образование «инородцы», а также появлению у молодой марийской интеллигенции демократических общественных настроений, формированию просветительского мировоззрения. Отмечается, что В.М. Васильев обучался как в образовательных учреждениях духовного ведомства, так и в светских учебных заведениях. В качестве факторов, способствовавших становлению личности представителя малых народностей России, названы влияние демократической революции, знакомство с лидерами общественного и просветительского движения, объединявшими группы единомышленников, а также влияние нарождавшейся демократической интеллигенции народов Поволжья.

В книге подробно рассказано о создании в начале XX века светской популярной литературы на родном языке, в которой рассматривались вопросы культурно-просветительского характера публикуемых материалов ежегодника «Марла календарь», раскрыта важная роль В.М. Васильева как одного из издателей первого периодического светского издания на марийском языке.

Заслуживает внимания вопрос о начале педагогической деятельности и приобщении В.М. Васильева к научной работе. Работа в качестве учителя Казанской земской женской учительской школы, занятия на летних краткосрочных курсах для духовенства Вятской епархии по изучению марийского и удмуртско-

го языков, по подготовке учебников для детей «инородцев», безусловно, занимают значительное место в биографии В.М. Васильева. Участие в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете К.Н. Сануков считает началом научно-исследовательской деятельности будущего ученого. Отмечается вклад студента Казанского императорского университета в марийскую фольклористику, чему способствовало обучение на регентских курсах при Казанском отделении Русского музыкального общества. Работы В.М. Васильева о религиозных представлениях и обрядах марийцев, опубликованные в приложениях к журналу «Православный собеседник», в журнале «Инородческое обозрение», а также в «Известиях ОАИЭ», оцениваются в книге как наиболее значимые из его дореволюционных работ.

Автор подробно рассмотрел общественно-политическую деятельность В.М. Васильева в годы революции, участие в национальном движении в составе беспартийной интеллигенции (он недолго состоял в числе сочувствовавших РКП (б), сотрудничая с большевиками в деле культурного строительства). К.Н. Сануков объективно оценил роль беспартийных деятелей в условиях утвердившейся диктатуры одной партии.

Обстоятельно изложена научно-педагогическая работа В.М. Васильева в 1920-е годы. Им уделялось много времени преподаванию марийского языка в Краснококшайском педтехникуме, работе по линии Научно-методического бюро областного отдела народного образования (утверждению учебно-методических пособий, программ, учебников, обобщению опыта передовых учителей, изданию словаря). Осуществление языковой политики являлось одним из важнейших направлений деятельности педагога-ученого. Работа в Казани, в Восточно-педагогическом институте, сотрудничество с Вятским научно-исследовательским институтом краеведения, учеба в Ленинграде, в аспирантуре Яфетического института, оцениваются как важнейшие факторы становления В.М. Васильева-ученого, создавшего монографии, не потерявшие научной значимости и в настоящее время. Кроме того, К.Н. Сануков отмечает, что на примере жизни и деятельности В.М. Васильева можно просмотреть закономерности взаимоотношений между интеллигенцией и властью. Причем автор книги пишет о двух группах марийской интеллигенции: тех, кто сотрудничал с органами власти и управления; тех, кто представлял «внутреннюю эмиграцию», не воспринимая в полной мере притязания властей. Трудно не согласиться с автором книги в том, что это была «драма беспартийной национальной интеллигенции в условиях «диктатуры пролетариата».

Глубоко прочувствовано содержание разделов «Дело федералистов»и «Под угрозой новой репрессии», в которых обличены преступления тоталитарного режима. Из многогранных научных интересов В.М. Васильева К.Н. Сануков также выделяет деятельность в Марийском обществе краеведения, работу в Марийском областном музее, а также за пределами республики. Рассказ о судьбах наиболее ярких, образованных марийцев, посвятивших свою жизнь развитию

языка, литературы, театра, просвещения, обвиненных в «буржуазном национализме», свидетельствует о всестороннем изучении автором вопроса о «кампании по уничтожению марийской национальной интеллигенции». Привлечение достаточного количества опубликованных и неопубликованных источников, фотодокументов подчеркивает объективность изложенных фактов.

В книге показана также педагогическая и научная деятельность В.М. Васильева в последние годы жизни. Дана объективная оценка заслуг первого доктора филологических наук из мари.

Рецензируемая книга, несомненно, внесла значительный вклад в изучение истории национальной интеллигенции.

Лидия Москвина
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Рец.: НИКИТИН В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009. – 416 с., илл.

Создание археологической карты в виде свода археологических источников – задача сложная и трудная. Проблема заключается в том, что такого рода труд не только и не столько простой каталог археологических объектов на той или иной территории. Это научное исследование, которое является направляющим и во многом определяющим в дальнейших научных археологических работах, дает огромные возможности в решении как тактических, так и стратегических целей археологических работ, их практического планирования, а также учета и контроля состояния археологических памятников. И, следовательно, чрезвычайно велика ответственность автора или авторов, взявшихся за его создание, и правильность включенных в него данных.

Монография В.В. Никитина является научно-справочным изданием о памятниках археологии Республики Марий Эл. Оно обобщает и существенно дополняет сведения, имевшиеся в изданных ранее археологических справочниках Республики Марий Эл, а также в работах Г.А. Архипова, В.В. Никитина, Б.С. Соловьева, Т.Б. Никитиной (1; 2; 3), в научных монографиях, где публиковались результаты исследований археологических памятников разных эпох – от каменного века до позднего средневековья (4; 5).

В.В. Никитиным собраны сведения о 962 памятниках археологии на территории Республики Марий Эл. Автор в данной книге в отличие от большинства изданных ранее трудов для систематизации археологических объектов использовал принцип территориально-административного деления, который принят в Своде «Археологическая карта России». Эта методика отвечает современным требованиям учета и паспортизации памятников археологии, определения их местонахождения при землеотводах, решений о приватизации земельных участков и т.п., что является весьма актуальным в современных экономических условиях (6, с. 5; 7, с. 16–17).

Первые опыты учета археологических памятников в Волго-Камском регионе в виде археологической карты относятся к началу 1920-х годов. Инструкцию по составлению такого рода документов разработал профессор Казанского университета В.Ф. Смолин (8). Он предлагал сгруппировать археологические объекты сначала по их территориальному расположению (кантонам/уездам), а затем по принадлежности к археологической культуре или культурам (8, с. 3). В некотором роде предшественником этих уже профессиональных начинаний были своды, выпущенные К.И. Невоструевым и С.М.Шпилевским по булгаро-татар-

ским памятникам во второй половине XIX в. Не исключено, что В.Ф. Смолин был знаком с созданной под руководством И.А. Износкова археологической картой Казанской губернии (9)*.

Потребность в такого рода исследованиях и наработках обуславливалась как развитием археологической науки, стремительно накапливавшей фонд археологических источников, так и запросами самого общества, обратившего внимание на проблему сохранения объектов культурного наследия, исчезавших на глазах с началом индустриальной и постиндустриальной эпохи.

Задачи создания археологических карт в регионе осознавались с конца XIX в. и обсуждались в общественных организациях (историко-археологические общества, архивные комиссии и т.п.) научно-краеведческого характера. Статистическими комитетами издавались списки населенных мест с данными по количеству жителей, основными видами занятий, собственниками территорий, а также нередко с указанием на наличие рядом археологических памятников. В Казанской губернии во второй половине XIX в. членами статистического комитета А.А. Артемьевым (1870-е гг.) и И.А.Износковым (1890-е гг.) такие справочные издания были опубликованы в периодической печати (Казанские губернские ведомости), а также отдельными брошюрами. Построенные по административно-территориальному признаку, они в некоторой степени были предтечами археологических карт, разработанных в конце XX в.

Однако реальная работа по составлению археологических карт стала проводиться значительно позже – со второй трети XX в. Сил и творческого энтузиазма краеведов и немногочисленных ученых-профессионалов в конце XIX – начале XX в. явно не хватало, чтобы решить эту задачу в полном объеме. Сильно мешало и то, что полноценные обследования до 1917 г. можно было проводить только на государственных землях, остальные территории, имевшие других владельцев, были, по сути, не доступны. Перемены в этом плане появились после Великой Октябрьской социалистической революции. Масштабные долгосрочные строительные проекты, распланированные по пятилетиям, в 1930-х годах дали возможность организации охранных работ и на новостройках.

Кроме того, активно с 1930–50-х гг. стала развиваться археология в регионах, союзных и автономных республиках, появились, хоть и немногочисленные, профессиональные кадры археологов. Все это вновь поставило на повестку дня задачу каталогизации археологических памятников, причем в плановом порядке.

На региональном уровне первые такого рода публикации стали появляться, начиная со второй половины XX в. и особенно активно в 1980–90-х годах. Эти издания имели разный характер и решали разные задачи. Памятники в них группировались по тематико-хронологическому принципу (10; 11), территориально-хронологическому в виде каталога или выборочного реестра (12; 13; 14). Археологическая карта Татарстана была создана на основе картографирования

---

* Оригинал карты в настоящее время находится в Национальном музее РТ.

археологических памятников по речным системам (15; 16; 17; 18; 19; 20). По этому же принципу были созданы тематические своды булгаро-татарских археологических памятников (21), а также памятников приказанской и именьковской культур (22; 23). В небольшой книге, выпущенной коллективом авторов под руководством А.Х. Халикова, на основе изданных томов археологических карт был применен принцип порайонного описания (24). В начале XXI века появляются региональные издания археологических карт, где памятники археологии распределены по административно-территориальным районам (25, с.7).

Монография В.В. Никитина является важным звеном в развитии археологических знаний в регионе, существенным этапом их осмысления и анализа на современном этапе, соответствует стратегическим направлениям археологической науки в российских регионах.

Книга состоит из нескольких частей: введения, очерка археологического изучения Марийского края, каталога памятников. Особо выделены местонахождения отдельных предметов, выходы кремневого сырья, палеонтологические находки, мольбища. Завершает монографию список источников-отчетов и литературы. В приложения вынесены алфавитный указатель, иллюстрации, а также извлечения из Федерального закона «Об объектах культурного наследия народов РФ»; имеется список сокращений.

Очерк археологического изучения Марийского края дает представление об этапах накопления полевых материалов, их научном осмыслении в виде гипотез, концепций. Здесь же кратко охарактеризованы основные публикации, в которых были отражены результаты полевых исследований. Столь высокие достижения в археологическом изучении памятников на территории республики были бы невозможны без коллектива археологов, усилиями которых проводилась и проводится весьма не простая исследовательская работа. Отметим и то, что значительная часть включенных в карту памятников открыта и исследована самим автором. В.В. Никитин уделил особое внимание истории формирования археологических кадров в Марийском научно-исследовательском институте, дал характеристику ведущим исследовательским направлениям, а также кратко описал результаты археологической научной деятельности за двадцать лет работы (публикации, конференции, полевые семинары и т.д.).

Структура основной части книги тщательно продумана. Открывает раздел карта-схема Республики Марий Эл, на которой показано расположение районов. Далее, перед описанием археологических памятников отдельного района, приводится соответствующая карта-схема с нанесенными памятниками и их привязкой к населенным пунктам. В описании археологических объектов, кроме географического положения и ориентировки относительно населенного пункта и речной системы, культурной принадлежности и датировки, даны сведения об авторах обследования; приведены ссылки на архивные данные и публикации. Кроме того, сюда включены сведения о землепользователях и местах хранения коллекций. В тех случаях, когда памятники

обследовались не только разведками, но и раскопками, в описании приводятся краткие сведения о стратиграфии, выявленных объектах и дополнительные данные по датировке.

Достоинством работы является отражение опубликованных материалов о раскопках последних лет. Это, например, комплекс памятников у с. Малый Сундырь (могильник и городище) (с. 30–31) или у деревни Юлъялы (с. 40–41) в Горномарийском районе республики. Детальную характеристику имеют и памятники, выявленные и исследованные уже в XXI в. (например, у поселка Юрино: с. 232–233 и сл., №№ 473–484) в Юринском районе Марий Эл.

В монографии В.В. Никитина очень важным является выделение из состава общего списка уже не существующих археологических памятников – полностью разрушенных объектов. Это дает возможность четко представить реальные источниковедческие возможности культурного археологического наследия республики, проанализировать современную ситуацию в сфере охраны археологических памятников, выявить закономерности и отчасти спрогнозировать основные тенденции в процессах антропогенного и природного воздействия на сохранность археологических памятников. Этот аспект представляется особо важным, учитывая возможности создания историко-культурных заповедников, заповедных территорий и использования памятников археологии как объектов туристического показа.

Стоит отметить и тот факт, что в эту категорию попадают не только памятники, разрушенные природой или в результате хозяйственной деятельности, но и полностью изученные и обследованные только разведками. Среди первых – и те уникальные памятники, которые вошли в сокровищницу российской и мировой археологии, как например, комплекс археологических памятников у бывшей деревни Акозино (с. 54–55) и Ахмылово. Акозинский и Ахмыловский могильники, Ахмыловские поселения, Пепкинский и Писеральские курганы (с. 63) в Горномарийском районе Республики Марий Эл, содержащие уникальный материал, открыли, по сути, новые страницы в археологии Поволжья и Прикамья, стали фундаментальной основой дальнейших археологических и исторических исследований от неолита до раннего железного века. Материалы этих памятников до сих пор являются эталонными для построения хронологических и типологических схем и классификаций, а также ключевым звеном в этно-генетических штудиях и в решении проблем, связанных с этнокультурными контактами и взаимодействием этносов в древние эпохи. Часть из них до сих пор тщательно исследуется специалистами разных направлений (например, антропологические материалы Пепкинского кургана).

Несомненным достоинством памятников, исследованных раскопками, является довольно подробное описание как выявленных объектов, так и встреченных там находок, что позволяет представить себе их особенности, даже если читатель в первый раз знакомится с ними или если ему не доступны указанные в списке литературы публикации. Тем самым во много раз повышается инфор-

мативность и ценность сведений. Это особенно важно для тех объектов, которые исследовались в середине XX в. и были введены в научный оборот в 1970–80-е годы. Публикации этих материалов давно стали библиографической редкостью, и приведенные в монографии данные позволяют исследователям получить точную информацию о характере памятника (см., например, Дубовский могильник – с.155, № 21). Важны и те данные, которые касаются классических археологических памятников, важных для исследования археологической культуры или периода, как, например, поселение Галанкина Гора (с. 239–240, № 498 (37)) или могильник Нижняя Стрелка (с. 252, № 539 (78)).

Целесообразны и тематические блоки, связанные с археологическими местонахождениями (с. 282–317), выходами кремниевого сырья (с. 318–319), палеонтологическими находками (с. 320–330) и мольбищами (с. 331–332). Это, по сути, отдельные своды источников, включенные в общую картину археологических объектов на территории Марийского края. Эти разделы можно совершенствовать, поместив, например, специальные карты и сделав соответствующую интерпретацию. Однако избранный автором вариант более предпочтителен в данном случае, поскольку детальный анализ специальной выборки требует отдельной публикации и иного исследовательского формата.

Необходимо сказать и об иллюстрациях. Таблицы с рисунками составлены по культурно-хронологическому принципу, они отражают специфику материальной культуры на территории Марийского края с эпохи раннего мезолита и до позднего средневековья. Тщательно выполненные и аннотированные, они являются сами по себе ценным источником, характеризующим яркую и самобытную культуру древнего населения. Некоторые рисунки дополнены материалами из древнемарийских памятников с соседних территорий, например, Веселовского могильника (с. 406, рис.36-1-4). Это вполне оправдано, поскольку археологический материал, встречающийся в памятниках Марийского края, распространен на гораздо большей территории и определяется границами археологических культур, что соответствует расселению этносов в древние эпохи.

Таким образом, монография В.В. Никитина является важным научно-справочным изданием, отражающим состояние археологических исследований в республике на современном этапе. Значимо и то, что она дает объективную характеристику состояния археологических памятников в Республике Марий Эл, что важно при проведении мониторинга памятников археологии. Приведенные в ней данные позволяют не только представить степень изученности памятников различных эпох на территории республики, но и определить перспективные направления археологических исследований как в разведочном плане, так и в рамках возможного стационарного их исследования.

Бесспорно, что эта книга будет служить ценнейшим источником для многих последующих поколений исследователей (историков, археологов, этнографов) не только в Марий Эл, но и в Ветлужско-Вятском междуречье. Кроме того, она будет без сомнения нужна краеведам, учителям истории, студентам, обуча-

ющимся по специальностям: археология, музееведение и охрана памятников, туристический бизнес. Это своевременное и актуальное издание заслуживает самой высокой оценки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. III. (Каталог памятников). – Йошкар-Ола, 1982.

2. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской АССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. – Йошкар-Ола, 1990.

3. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. – Йошкар-Ола, 1993.

4. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.). По материалам могильников. – Йошкар-Ола, 1992.

5. *Архипов Г.А.* Марийский край в памятниках археологии. – Йошкар-Ола, 1976.

6. Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда // Российская археология. 2009. .№3.

7. *Михеева А.И.* Основные проблемы и направления охраны археологического наследия Республики Марий Эл // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола, 2000.

8. *Смолин В.Ф.* Опыт инструкции по составлению археологических карт. – Казань, 1921.

9. Объяснительная записка к археологической карте Казанской губернии. – Казань, 1890.

10. *Шнайдштейн Е.В.* Археологические памятники Астраханской области. Путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района. – Астрахань, 1990.

11. *Шнайдштейн Е.В.* Путеводитель по памятникам археологии Астраханской области. Степные курганы. – Астрахань, 1991.

12. Памятники археологии Краснокамского района Башкирской ССР. – Уфа, 1987.

13. Археологические памятники Иштугановского водохранилища в Башкирской АССР. – Уфа, 1988.

14. Археологические памятники Башкортостана / История культуры Башкортостана (комплект научных и учебных материалов). Вып. 6. – Уфа, 1996.

15. АК, 1981. Археологическая карта ТАССР. Предкамье. – М.: Наука.

16. АК, 1985. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. – Казань.

17. АК, 1986. Археологическая карта ТАССР. Западное Закамье. Часть I. – Казань.

18. АК, 1988. Археологические памятники Центрального Закамья. – Казань.

19. АК, 1989. Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань.

20. АК, 1990. Археологические памятники бассейна р. Черемшан. – Казань.

21. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975.

22. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / Свод археологических источников. Вып. В1-24. – М.: Наука, 1980.

23. *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры / САИ, вып. Д.1-32. – М.: Наука, 1967.

24. *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1987.

25. *Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск, 2004.

Константин Руденко
Казань

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Рец.: Навсегда у меня в сердце ты… Йошкар-Оле 425 лет. – Йошкар-Ола, 2009. – 263 с., илл.

Выход в свет юбилейного издания «Навсегда у меня в сердце ты…», приуроченного к 425-летию Йошкар-Олы – событие в научном мире далеко не ординарное. И дело не только в том, что литература о Красном городе на Кокшаге пополнилась еще одной книгой, повествующей о славном историческом пути марийской столицы, а еще и в немаловажном обстоятельстве, что указанное издание явилось плодом сотрудничества специалистов различных отраслей, занимающихся историей отечественной культуры: историков, архивистов, искусствоведов, музееведов и краеведов. Новая книга не первая в ряду публикаций о Йошкар-Оле. Немало интересных разноплановых изданий читатели получили в предыдущие годы и особенно во время празднования 400-, 410- и 420-летних юбилеев родного города.

Но нынешнее издание отличается от своих предшественников своей «неофициальностью». Оно напоминает мозаику, из которой составляется образ целого, – города, пережившего не одну метаморфозу, связанную с жизнью страны и общества. Встроенность в общероссийскую историю и при этом оригинальность и собственная непохожесть удачно сочетаются в освещении истории Йошкар-Олы ведущими историками республики, музееведами, журналистами и искусствоведами. Форма очерка позволила авторам более свободно показать наиболее яркие и значительные моменты городской жизни разных эпох. Индивидуальность и стиль авторов бережно сохранены редакторами и позволяют читателям ознакомиться с неизвестными и малоизвестными, и до сего времени не фигурировавшими в научной литературе фактами. А ранее опубликованная информация в данном издании удачно собрана и скомплектована и в сочетании с новыми, ранее не публиковавшимися, данными позволяет свежо, по-новому, взглянуть на процесс роста и развития Йошкар-Олы и те изменения, которые происходили в ней в описываемые годы.

Со многим из того, что опубликовано в сборнике очерков, в подобном объеме читатель ознакомится впервые.

Для профессора Маргосуниверситета К.Н. Санукова, осветившего начальный период истории Царевококшайска и переломные моменты XX века в судьбе города, характерно включение городской истории в широкий политический контекст общероссийского развития. Это позволяет глубже и объемнее оценить и ощутить происходившее.

Немало интересных, ранее не известных широкой публике фактов содержится в статье А.Г. Иванова и Е.П. Кузьмина о царевококшайских воеводах. Они раскрыли содержание административной деятельности воевод XVII–XVIII веков и восстановили список городских воевод, начиная с первого воеводы – И.А. Ноготкова.

Старший специалист Комитета РМЭ по делам архивов и член Геральдического совета при президенте Республики Марий Эл В.В. Бажин в материале о царевококшайском гербе сумел подытожить всю собранную информацию и показать ту историческую традицию, которая стоит за современным гербом марийской столицы, а в информации о праздновании в Царевококшайске в 1913 году 300-летия Дома Романовых он же на архивных источниках раскрыл обстановку, царившую в те праздничные дни в нашем городе.

Тема дореволюционной жизни царевококшайцев нашла свое отражение в очерках о знатных земляках и учителях, составивших славу уездному городу, которые написаны профессором С.В. Стариковым, давно и успешно работающим над темой «серебряного века» в истории Царевококшайска. Работники Музея истории города успешно развили эту тему в заметках по истории царевококшайских родов, показав историю рода на протяжении многих десятилетий, в которой, как в капле воды, отразилась многотрудная, трагичная и великая история нашего Отечества.

Двадцатым годам посвятил свой очерк сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ В.Г. Востриков, сделавший акцент на освещении быта, культуры и повседневности периода нэпа.

Периоду Великой Отечественной войны в судьбе нашего города посвятил свою работу ученый МарГТУ Д.В. Васенин, раскрывший в емкой и содержательной форме трудовой подвиг горожан, принявших у себя тысячи эвакуированных и ряд производств, предприятий, работавших на оборону страны во имя достижения победы над врагом.

Послевоенная Йошкар-Ола показана журналистом А.А. Алтышевым как подвиг людей, строивших мощную индустриальную базу, превратив город в один из центров промышленности региона.

Статья В.Г. Вострикова об улицах, площадях любимого города в сущности говорит о том же самом, о чем написали в своих очерках предыдущие авторы, но история в ней дана через вещественные свидетельства прошедших времен – архитектурные памятники, здания, городские названия, скверы, бульвары, улицы, которые для каждого поколения горожан стали родными.

Первый директор Музея истории города Л.А. Парманова как раз пишет о патриотах города, стараниями и подвижничеством которых был создан музей, посвященный любимому городу.

Архитектура города на Кокшаге складывалась не сразу. Этапы складывания облика Йошкар-Олы на протяжении столетий прослежены в статье почетного архитектора России и заведующего одной из кафедр МарГТУ В.Д. Гречихо.

Вообще для данного издания в высшей степени характерно то, что культурная составляющая его содержания весьма солидна. И это, пожалуй, впервые в юбилейном издании, посвященном Йошкар-Оле.

То, что Йошкар-Ола за несколько десятилетий превратилась в один из культурных центров Российской Федерации и Волго-Вятского региона – бесспорный факт, но предметно оценить его и насладиться культурным богатством нашего города дают статьи известных искусствоведов Л.А. Кувшинской о живописи и о театральной Йошкар-Оле Г.В. Кныш-Ковешниковой.

Говоря о духовном наследии, которое питает наш город и дает надежду на подъем и возрождение нравственных ценностей, нельзя пройти мимо феномена Русской Православной Церкви, испытавшей в прошлом веке и гонения, и возрождение. История храмов и их служителей довольно подробно раскрыта в цикле очерков, подготовленных научным сотрудником отдела истории МарНИИЯЛИ Ю.В. Ерошкиным, который одним из первых в местном краеведении осветил эту тему, и она впервые нашла отражение на страницах этого сборника.

В конце книги составители поместили список почетных граждан с их биографическими данными.

Издание иллюстрировано черно-белыми фотографиями, на которых изображена Йошкар-Ола в прошлом и настоящем. Старинные фотографии большей частью представлены Музеем истории города. Фотографии современного города с его новыми зданиями – визитная карточка туристической Йошкар-Олы, удивляющей гостей темпами своих изменений.

Таким образом, читатели получили возможность увидеть на страницах новой книги прошлое и настоящее города, отмечающего 425-летний юбилей. Спасибо за эту счастливую возможность авторам и составителям замечательного издания, ставшего настоящим подарком для историков, краеведов и всех патриотов, неравнодушных к судьбе родного города. Сердечную благодарность следует выразить администрации города, нашедшей необходимые средства на финансирование столь нужного и своевременного издания.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что тема города неисчерпаема, она – в людях, которые живут в нем. О Йошкар-Оле напишут новые книги, но та, которая пришла к читателю теплой строкой из гимна «Навсегда у меня в сердце ты…» не потеряется в многообразии публикаций о городе.

Василий Востриков
Йошкар-Ола

Рец.: ФЕДЮНЕВА Г.В. Первичные местоимения и их производные в пермских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саранск, 2009. – 299 с.

Имя исследовательницы коми языка Федюневой Галины Валерьяновны, написавшей и опубликовавшей более 100 научных работ, в том числе 10 монографий, стало известно в пермском и финно-угорском языкознании, начиная лишь с 80-х годов прошлого столетия. Область ее научных интересов – морфемика, морфология, словообразование и проблема именных частей речи. Каждая новая ее работа, будь это отдельная статья или монография, вызывала у читателей удовлетворение своим аналитическим и методическим совершенством в обобщении фактического языкового материала, безупречной аргументацией выводов и выразительным языком. Не стала исключением и ее монография «Первичные местоимения в пермских языках», опубликованная в Екатеринбурге в 2008 году. В виде компьютерного варианта под названием «Первичные местоимения и их производные в пермских языках» она была представлена на соискание ученой степени доктора филологических наук и 15 мая 2009 года на ученом совете Д 212.117.09 при ГОУВПО «Мордовский университет» им. Н.П. Огарёва (г. Саранск) она была успешно защищена.

Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор Д.В. Цыганкин, доктор филологических наук, профессор И.В. Тараканов, доктор филологических наук, профессор В.М. Лудыкова.

В качестве ведущей организации выступил ГУ «Институт языка, литературы и истории» Карельского научного центра Российской академии наук.

Диссертационная работа Г.В. Федюневой посвящена рассмотрению одного из наиболее проблемных, слаборазработанных и сложных частей речи пермских языков – местоимений и их производных. В ней подробно анализируются наиболее древние разряды местоимений: личные, указательные, вопросительные, восходящие к корням финно-угорских (уральского) праязыков. С использованием широкого материала пермских языков, их многочисленных диалектов и говоров предлагается реконструкция общепермских архетипов, прослеживается их эволюция, выявляются системные исторические закономерности, приведшие к их изменениям. Таким образом, Г.В. Федюнева подготовила крупное комплексное синхронно-диахранное исследование, которое дало максимально полное и объективное представление об истории и современном состоянии этого древнейшего пласта лексики пермских языков. Она уточнила и где-то опровергла имеющиеся в современном финно-угроведении гипотезы, выявила

общие и инновационные процессы в коми и удмуртском языках, особенно в коми диалектах. В исследование широко привлекаются данные родственных финно-угорских, а также неродственных языков.

Такого всестороннего описания пермские местоимения до сих пор не имели. Многие вопросы их истории были слабо разработанными, а потому дискуссионными. Надо сказать, что и в синхронии этот разряд изучен недостаточно, ограничиваясь, в основном, нуждами учебного процесса. Поэтому к достоинствам рецензируемой работы следует отнести то, что она обогащает общую теорию грамматики на материале как пермских, так и других финно-угорских языков. Поэтому в актуальности рецензируемой работы не приходится сомневаться.

Научная новизна исследования Г.В. Федюневой в том, что сегодня мы имеем первую крупную монографическую работу по пермским местоимениям, в которой собраны и систематизированы имеющиеся взгляды и гипотезы ученых-предшественников, обобщен материал пермских языков и их диалектов, впервые подняты и разработаны многие проблемы истории и современного состояния коми и удмуртских местоимений. Глубокий анализ структуры, семантики и функций пермских местоимений позволил автору выявить их диахронную изменчивость, закономерности происходивших изменений и объяснить существующие различия между двумя близкородственными – коми и удмуртским – языками. Диссертант хорошо ориентируется в проблематике исследования как в общетеоретическом, так и узкоспециальном аспектах, о чем свидетельствует исчерпывающий список использованной научной литературы.

Автор впервые в пермистике рассматривает разряд местоименных слов с функционально-семантической точки зрения, выдвигая в качестве основной методологической установки принцип системности. Она считает, что решающую роль в становлении такого обособленного разряда лексики, как местоимение, играют особенности семантики местоимений, вариативность и аналогия. В этом Г.В. Федюнева опирается на известные научно-теоретические труды авторитетных исследователей уральских, тюркских и индоевропейских языков, что позволяет говорить о высокой компетентности автора и надежности результатов исследования.

Структура диссертации хорошо продумана и логично вытекает из её концепции. Она состоит из введения, трех основных разделов, заключения, списка использованной литературы, источников и сокращений. В приложении к работе в виде таблиц даны парадигмы словоизменения местоимений как в литературных пермских языках, так и диалектах (в основном, коми). Следует особо подчеркнуть то, что приведенные парадигмы склонений весьма наглядно иллюстрируют общее и различное в словоизменении личных, указательных и вопросительных местоимений по падежам. Они окажут большую помощь при составлении учебных пособий для школ и при создании академических изданий по пермским языкам. Материал собран соискателем из опубликованных слова-

рей по пермским и др. финно-угорским языкам, а также диалектных текстов, полевых материалов экспедиций, что говорит о репрезентативности исследования в целом.

В первой главе (с. 24–74) рассматриваются личные местоимения 1-го и 2-го лица, содержатся сведения о них, имеющиеся к настоящему времени в финно-угристике и пермистике. Г.В. Федюнева придерживается той точки зрения, что парадигма единственного числа личных местоимений складывалась отдельно от именной, причем в номинативе могла выступать как краткая основа, так и основа с суф. **-n**. Наиболее древними общепермскими падежами, по мнению диссертанта, были аккузатив, генитив, датив и аблатив, образованные с помощью лично-притяжательных суффиксов. Здесь Г.В. Федюнева высказывает свою гипотезу, согласно которой суф. **-n** был использован прежде всего для формирования аккузатива, который лег в основу прочих грамматических падежей. Полагая, что парадигма множественного числа возникла позже, отдельно в пракоми и праудмуртских диалектах, автор предлагает новую для пермистики гипотезу о происхождении коми генитива множественного числа **миян** «наш». В целом, гипотезы автора, высказанные по всем основным вопросам формирования местоимений 1-го и 2-го лица, имеют право на существование, поскольку относятся к числу дискуссионных, к тому же и в финно-угристике данный вопрос не имеет однозначного решения. В выводах по этой главе (с. 71–74) дается описание диалектных типов падежного словоизменения в ареальном аспекте, что представляет интерес для решения вопросов диалектного членения пермских языков.

Во второй главе (с. 75–221) анализируются указательные местоимения, представляющие наиболее сложный и практически не разработанный даже в синхронных исследованиях разряд. Эта глава является самой большой по объему и содержанию, поскольку в ней подняты практически все проблемы, связанные с указательными местоимениями, наречиями, прилагательными и служебными частями речи местоименного происхождения. Г.В. Федюнева рассматривает все указательные слова как единый разряд в исторической перспективе, вносит поправки в имеющиеся гипотезы о происхождении указательных местоимений, объясняет различия в коми и удмуртском языках. На большом материале она доказывает, что падежные формы указательных местоимений, а также большинство производных наречий, адъективов и служебных слов восходят к общепермскому языку-основе. Однако имеются и существенные расхождения, свидетельствующие об отдельном развитии коми и удмуртского языков. К ним относятся: 1) префиксальная частица **э-**, имеющаяся в коми, но отсутствующая в удмуртском; 2) коми **п-**овое местоимение 3-го лица мн. числа, которого также нет в удмуртском; 3) процесс отпадения начального **с-** в удмуртских наречиях и преобразование корневого гласного в **с-**овых соответствиях коми языка; 4) обязательная суффиксация коми местоимений в номинативе и отсутствие ее в удмуртском (с. 216).

Анализируя удмуртские t-овые указательные частицы, диссертантка отмечает, что они также противопоставлены по корневому гласному и сказанное иллюстрирует лишь одним примером: тани «вот» – тӈни «вон» (с. 197). Между тем в некоторых производных формах и в составе сложных композитов t-овые основы и в удмуртском языке также, как и в коми языке, выступают в различных огласовках: **ta-, to-, tu-,** ср. ***тани*** «вот», ***таце*** «такой», ***тазьы*** «так»; ***талон*** «вчера», ***толло*** «вчерашний», ***тупал*** «та сторона», ***туэ*** «в этом году», ***тулал*** «нынешний, современный», ***тунэ*** (<ту + лунэ) «сегодня, сегодняшний». К сожалению, указанные огласовки t-ового указательного местоимения диссертанткой остались не замеченными (см. с. 197–198).

Особое внимание в диссертации уделено **с-**овым местоимениям, которые претерпели наиболее сильные изменения во всех пермских языках. В работе подробно рассмотрены процессы преобразования их в коми языке, которые объясняются присоединением к ним частицы **э-**. Диссертант делает вывод о ее позднем проникновении в коми язык из русского, хотя в традиционных финно-угорских исследованиях (в том числе в «Уральском этимологическом словаре») частицу **э-** принято возводить к уральской указательной основе. По мнению Г.В. Федюневой, удмуртские наречия с основой на о- типа ***отын*** «там», ***озьы*** «так», ***отчы*** «туда», которые традиционно возводятся к уральской гласной основе, также формировались в период самостоятельного развития удмуртского языка, в котором просто произошло отпадение начального **с-**. Для прапермского языка она реконструирует указательную основу ***сэ-/со-***, от которой и были образованы все указательные наречия.

Диссертант высказывает сомнение, что однотипные пермские местоимения, напр., к. ***тат ын/сэт ын,*** удм. ***татын/отын;*** к. ***татысь/ сэтысь,*** удм. ***татысь/ отысь;*** к. ***татысянь/сэтысянь,*** удм. ***татысен/отысен*** и т.д., могли быть образованы от разных дальнеуказательных основ (**с-** и **о-**), тем более, что соответствий указательной основе **о-** в коми языке нет, тогда как удмуртские наречия на *о-* в диалектах регулярно соответствуют **с-**овым. Точка зрения Г.В. Федюневой не лишена основания, тем более что в удмуртских диалектах представлены обе формы, типа ***отын*** и ***сотым*** «там», ***озьы*** и ***созьы*** «так». Однако автор не объясняет причин этого процесса, а только ставит задачу дальнейшего изучения.

Изменения, которые происходили в коми языке, в работе Г.В. Федюневой рассмотрены более подробно и основательно. По-видимому, можно согласится с тем, что в коми языке структурные изменения указательных местоимений в номинативе связаны с формированием личного местоимения множественного числа ***найӧ*** «они», которое отсутствует в удмуртском языке. В целом, гипотеза об инновационном влиянии этого местоимения на всю систему указательных местоимений в коми языке выглядит весьма убедительно и, на наш взгляд, может быть принята как версия.

В третьей главе (с. 222–299) анализу подвергаются вопросительные местоимения и их производные, сформировавшиеся из финно-угорских *к*-овых и *м*-

овой основ. Наибольший интерес здесь представляет разработка вопроса о формировании в коми-зырянском языке местоимения ***Kodi*** «кто», которое выступает на месте коми-пермяцкого и удмуртского ***кин***. Диссертант выдвигает гипотезу о том, что это местоимение возникло в результате передвижения местоимения со значением «который» на место утраченного коми-зырянским языком местоимения ***кин***. Хотя причин утраты она не объясняет, в целом, можно принять версию автора, которая подтверждается последующими преобразованиями системы вопросительных местоимений, характерными только для коми-зырянского языка.

Особый подраздел второй главы составляет описание второстепенных разрядов местоимений, которые во многих языках, в том числе и финно-угорских, образуются от вопросительных основ. Г.В. Федюнева справедливо рассматривает их как словообразовательные дериваты, образованные от уже сформировавшихся первичных местоимений. Заслуга ее в том, что она собрала и обобщила большой, в том числе диалектный, материал вторичных местоимений пермских языков в сравнении с уже известными данными других финно-угорских языков. К достоинствам следует отнести и тот факт, что при описании вторичных разрядов, несмотря на их позднее образование, Г.В. Федюнева приводит примеры из других родственных и неродственных языков, что позволяет делать выводы типологического характера.

Несомненно, к разряду авторских находок можно отнести гипотезу Г.В. Федюневой о сохранении в пермских языках ***н***-овой отрицательной частицы, о наличии или отсутствии которой в финно-угорском праязыке нет единого мнения. Анализ широкого круга данных пермских диалектов привел ее к заключению, что в пермских языках можно констатировать наличие двух отрицательных частиц – широко представленной русской частицы ***не, ни*** и сохранившейся в составе диалектных «окаменелостей» более древней частицы ***ни́/но***, восходящей, по мнению автора, к общепермскому периоду. Небезынтересны также рассуждения автора по поводу «загадочных» коми слов ***нем*** и ***ниню́м*** «ничего, ничто», хотя их анализ не входит в сферу исследования данной работы. Она высказывает сомнения по поводу существующих этимологий и выдвигает предположение о связи последнего слова с чувашским языком, правда, не обосновывая его.

В связи с этим нам бы хотелось увидеть более подробное и четкое объяснение относительно генезиса форм: коми ***нем // нинем*** «ничего, ничто» и удмуртского ***нокин но // непокин но*** «никто»; ***нокызьы // нокызьы но // непокызьы но*** «никак»; ***нокыце // нокыце но // непокыце но*** «никакой», поскольку у исследователей относительно этимологии препозитивного ***не-***, ***непо-*** нет единого мнения. Венгерский ученый Б. Мункачи склонен возвести препозитив ***не-*** к санскритскому ***на́-*** «не» (Munkácsi. Arja és kaukazusi elemek a jinn Magyar nyelvekben. I kötet. Maguar szyegyzék. Akerdés tötenete. Budapest, 1901. 478 old). В то же время диссертантка в **n**-овых отрицательных частицах склонна видеть две от-

рицательные частицы – русскую ***не***, ***ни*** и более древнюю частицу ***нӥ/но***, восходящие к общепермскому периоду. Что же касается поспозитивной (энклитической) частицы ***но***, семантика ее более прозрачна, она используется в отрицательных предложениях для усиления отрицания, как это утверждают Б.А. Серебренников и Г.В. Федюнева (с. 198)

Заслуживают одобрения и похвалы объяснения диссертанткой этимологии ряда коми-удмуртских усилительных и отрицательных частиц, непосредственно связанных по происхождению с указательными местоимениями ***та/со***, ***и-***. В пермских языках к таким относятся частицы типа удм. ***тани*** «вот», ***тӥни*** «вон», ***угось*** «ведь, ини (ни) «же, уже», ***иське, ське, уске*** «значит» (с. 198–203).

Вместе с тем хотелось бы выразить своё возражение относительно попытки Г.В. Федюневой, хотя и под вопросом, связать происхождение второго компонента коми-язьвинского ***кот*** со значением «время, пора, срок» с марийским ***-гыт*** и удмуртским ***-кыт*** в словах мар. ***пагыт*** «время» и удм. ***вакыт*** «время» (стр. 204). На наш взгляд, коми-язьв. элемент ***кот***, употребляющийся с временным значением, к приведенным марийско-удмуртским слоговым компонентам не имеет никакого отношения, тем более удмуртское ***вакыт*** «время, пора» по происхождению является татарским заимствованием. Еще приходится сожалеть о том, что в диссертации не использована наша статья под названием «Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка» (вопросы удмуртского языкознания). Выпуск третий. Ижевск, 1975, с. 169–190, где также анализируется ряд частиц, употребляющихся в обоих пермских языках, такие как удм. ***ини, ни, иське, ське, эсь, тэ-*** и др.

Надо сказать, что на всем протяжении работы Г.В. Федюнева старается учитывать возможность влияния соседних языков, прежде всего, прибалтийско-финских, марийского и тюркских, исторические контакты с которыми хорошо разработаны на уровне лексических заимствований. Она обнаруживает отдельные элементы и в местоименной лексике. В их числе гипотеза о происхождении прилагательных ***какой, такой,*** *в* структуре которых кроме указательных корней имеется элемент ***-тшӥ́***, ***тшӥ́м, -чо,*** происхождение которого неясно. Проанализировав типологию подобных образований, Г.В. Федюнева выдвигает версию о возможной связи со словом ***сям*** «подобный», которое может иметь отношение к чувашскому ***сем*** «подобие». Таким образом, автор не только раскрывает этимологическую историю пермских слов, но и вносит вклад в историческое изучение чувашско-пермских языковых контактов – весьма перспективной и крайне слабо изученной темы.

Многие вопросы, поднятые в рецензируемой работе, относятся к числу дискуссионных. Как и всякое исследование, касающееся истории языка, особенно его древнейших периодов, оно содержит авторские версии, которые нельзя абсолютно доказать, но также просто отвергнуть. Они имеют право на существование как одна из попыток осветить неясные с точки зрения современных языков формы и явления.

В целом диссертационное исследование Г.В. Федюневой «Первичные местоимения и их производные в пермских языках» вносит крупный вклад не только в пермистику и финно-угроведение, но и создает базу для написания больших обобщающих работ как в области морфологии, исторической грамматики, так и сравнительного и сопоставительного изучения финно-угорских и уральских языков.

Материалы, основные положения и выводы диссертации найдут широкое применение при составлении учебников, учебных пособий и в преподавании финно-угорских языков на филологических факультетах университетов и педагогических институтов и колледжей.

Рецензируемая работа представляет собой законченное исследование и является новым крупным вкладом в науку. Опубликованные многочисленные статьи в числе 70 публикаций и 10 изданных монографий достаточно полно отражают ее содержание. Научная значимость представленной к защите диссертации и опубликованной монографии под названием «Первичные местоимения в пермских языках» (Екатеринбург, 2008), на наш взгляд, такова, что ее можно поставить в один ряд с такими высококвалифицированными классическими изданиями ее предшественницы, как «Местоимения в языках разных систем» (Москва, 1969), «Служебные слова в финно-угорских языках» (Москва, 1982), известного финно-угроведа профессора К.Е. Майтинской. Диссертация в целом написана на высоком научно-методическом уровне, полностью соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а диссертант заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук.

Иван Тараканов
Ижевск

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Рец.: ЯНДАКОВА Е.Л. Лексико-стилистические особенности языка произведений В.Колумба. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Йошкар-Ола, 2009. – 171 с.

22 октября 2009 года состоялась защита кандидатской диссертации Е.Л. Яндаковой «Лексико-стилистические особенности языка произведений В.Колумба». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор Н.Н. Глухова (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук, профессор Е.Н. Мустаев (Йошкар-Ола).

Диссертационная работа выполнена на кафедре марийского языка Марийского государственного университета под научным руководством д.ф.н., профессора И.Г. Иванова.

Исследованию творчества В.Колумба посвящено несколько работ, большинство из них литературоведческого характера. Правда, в них попутно затрагиваются и вопросы о языке поэта. Такими являются труды К.К. Васина, А.М. Александрова «Валентин Колумбын творчествыж нерген» («О творчестве Валентина Колумба») (1978), диссертация С.П. Чесноковой «Марийская поэзия» (1978), монография И.Г. Иванова «Марий литератур йылме историй» («История марийского литературного языка») (2003), А.А. Васинкина «Поэтический мир В. Колумба» (2005), статьи М.Казакова, Г.Матюковского, З.В. Учаева и др. Однако глубоких исследований языка поэзии В.Колумба, стилистических особенностей его стихов до настоящего времени не было. Поэтому тема диссертации актуальна.

Елена Леонидовна на богатом фактическом материале, извлеченном из стихотворных текстов поэта, раскрыла лексико-стилистические особенности поэтических произведений В.Колумба, что позволило диссертанту определить лексико-стилистические возможности современного марийского языка.

Работа состоит из предисловия (с. 4–7), введения (с. 8–20), двух глав (соответственно с. 20–69, с. 70–125), заключения (с. 126–135), списка использованной литературы, источников и словарей (с. 136–155), списка условных сокращений (с. 156), списка слов В.Колумба, анализируемых в диссертации (с. 157–169), двух приложений (с. 170–171).

Композиция диссертации подчинена решению поставленной цели – раскрыть выразительные и образные средства, стилистический потенциал лексики в поэзии В.Колумба, определить его вклад в развитие марийского лугово-восточного литературного языка.

Теоретической основой исследования, как сказано в предисловии (с. 5), явились труды отечественных и зарубежных специалистов в области лексической стилистики и лексикологии. Однако среди названных лингвистов, а также в списке использованной литературы в конце диссертации зарубежные лингвисты не отмечены.

Для анализа и раскрытия темы исследования автором использованы лингвистические методы: гипотетико-индуктивный, метод компонентного анализа, а также контекстологический анализ. Нам кажется, что следовало бы добавить и такой метод, как семантико-стилистический. Известный специалист по стилистике М.Н. Кожина отмечает, что «в стилистической области исследования разработаны свои методы анализа материала. Поскольку стилистика имеет дело с тончайшими смысловыми нюансами, с проблемой адекватности выражения оттенков смысла со стилистическими значениями, постольку *семантико-стилистический* метод анализа текста в стилистике является основным» (Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение. – 1977. – С. 16).

В предисловии (с. 4–7), согласно установившейся традиции, обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность; формулируются цели и задачи работы, указываются источники и материалы исследования; интерпретируются методы и приемы; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость; отмечается апробация основных положений диссертации.

Введение (с. 8–20) состоит из двух разделов: Роль марийских писателей в развитии общенародного литературного языка; Стилистика как раздел языкознания. Лексическая стилистика.

В первом разделе (с. 8–13) излагается краткая история становления марийского литературного языка, определяется вклад писателей в развитие литературного языка. Вслед за профессором И.Г. Ивановым автор диссертации становление марийского литературного языка справедливо делит на несколько этапов.

По поводу содержания данного раздела у оппонента есть несколько замечаний. Во-первых, раздел озаглавлен: «Роль марийских писателей в развитии общенародного (подчеркнуто нами – *Е.М.*) литературного языка». К сожалению, на сегодня у марийского народа нет единого общенародного литературного языка: функционируют два литературных языка со своими нормами – лугово-восточный и горномарийский. В их становлении и развитии сыграли роль разные писатели. В данном разделе речь идет, судя по содержанию, о лугово-восточном литературном языке.

Во-вторых, в развитии лугово-восточного литературного языка диссертант отмечает роль пяти прозаиков: С.Чавайна, О.Шабдара, М.Шкетана, Дим. Орая и Я.Ялкайна. В действительности же марийский литературный язык развивался усилиями многих талантливых писателей и поэтов: Олыка Ипая, Й.Кырли, М.Казакова, Н.Лекайна и других, творческий путь которых начался в 30-е годы XX века.

Во втором разделе (с. 13–19) описывается история становления стилистики как самостоятельного раздела лингвистики, этапы изучения стилистики в русском и марийском языкознании. Даются определения терминам: «лексическая стилистика», «лексическое значение слова», «лексическая сочетаемость», «стилистическая функция».

В первой главе «Использование стилистических средств языка в произведениях В.Колумба» (с. 20–69) рассматривается классификация антонимической и синонимической лексики, лексических повторов, омонимической и многозначной лексики. В этой же главе об этом же говорится в последующих девяти разделах. Оппоненту не совсем понятно такое расположение материала. Мне кажется, что эти две повторяющиеся части лучше было бы объединить.

В произведениях В.Колумба диссертант выделяет три типа *логически* связанных антонимов: это противоположные значения между предметами и явлениями, выраженными в одном качестве: *поян* 'богатый' – *пужна* 'бедный', *куан* 'радость' – *ойго* 'горе'; антонимы, выражающие присутствие или отсутствие качества, признака предмета: *чытен* 'терпя' – *чытыде* 'не терпя'; слова, которые в условиях только данного контекста выступают в качестве антонимов, т.е. контекстуальные антонимы: *шуаралташ* 'закаливаться' – *когаргаш* 'обжигаться'.

В диссертации рассматриваются также *семантически* противостоящие антонимы.

Свои наблюдения автор диссертации подтверждает многочисленными примерами, извлеченными из произведений поэта. Правда, между отмеченными группами антонимов иногда трудно провести грань: одни и те же слова с противоположными значениями можно отнести к любой из названных групп антонимов.

Кроме отмеченных выше типов, в поэзии В.Колумба диссертант показывает многочисленные другие группы антонимов (обозначающие конкретные и абстрактные предметы; возраст, характер человека; количество; расстояние, пространство; временной отрезок, действие и т.д. (с. 34–36).

Е.Л. Яндакова отмечает, что В.Колумб прибегал к антонимичной лексике как к яркому и выразительному средству, передающему контрастность предметов, признаков, явлений. Поэт нередко расширял стилистические возможности подобной лексики.

В данной главе рассматриваются также стилистические фигуры, к которым прибегал В.Колумб, – антитеза и оксюморон.

В разделе «Лексическая синонимия. Стилистические функции синонимов» диссертант показала синонимическое богатство произведений В.Колумба. Поэт использовал синонимы для более точного выражения мыслей, для углубления сказанного. Это позволило ему всесторонне представить описываемые явления.

В.Колумб создавал и синонимические окказионализмы, в творчестве поэта нередко в синонимические отношения вступают слова и устойчивые выражения. Отмечается, что синонимы выполняют также функцию замещения.

Однако, говоря обо всем об этом, Е.Л. Яндакова неожиданно делает такие выводы: «Следовательно, одной из самых распространенных функций, которую выполняют синонимы в его произведениях, является функция замещения» (с. 52). Потом добавляет: «Поэт обращается *также* (выделено нами – *Е.М.*) к синонимичной лексике с целью уточнения, сопоставления и противопоставления» (с. 52).

Мы знаем, что функция замещения не стилистический, а чисто технический прием. Главная функция синонимов – это их роль в тексте (особенно в художественном) выступать в качестве углубления, уточнения мысли, придания высказыванию дополнительной экспрессии и т.д. Именно в таком качестве В.Колумб использовал в своем творчестве синонимическое богатство марийского языка.

В данной главе рассматриваются такие стилистические приемы, как градация, лексический повтор, которыми богаты произведения В.Колумба. Диссертант обратила внимание на умелое использование В.Колумбом омонимов и паронимов (с. 64–69).

Вторая глава «Активная и пассивная лексика в произведениях В.Колумба» (с. 70–125) состоит из девяти разделов. В них подробно анализируются устаревшая лексика (архаизмы и историзмы), неологизмы, диалектизмы, разговорная лексика. У всех вышеназванных пластов лексики всесторонне рассмотрены стилистические особенности, которыми наделены произведения В.Колумба.

Устаревшие слова, диалектизмы, просторечные слова встречаются у многих авторов. Однако у В.Колумба, как отмечает Е.Л. Яндакова, они своеобразны, необычны. Нередко поэт обращался к архаизмам, имеющим в современном языке соответствующие синонимы: *витнызе* 'докладчик, доносчик', *тӧра* 'начальник'. Слова устаревшей лексики вводятся в текст и в переносном значении: *Но ончо, Мый гаемак рвезе, патыр Шинча йотке темдал Ужар ӧшлӧкым, шога ик кож, – Тӱтан огеш тарвате!* 'Но смотри, как и я, молодая, сильная, надвинув по самые глаза зеленый шлем, стоит елка одна, – не сдвинет даже буря!' (с. 78).

Многим историзмам В.Колумб придавал новое значение, расширял их стилистические возможности: *капыр* 'орда' – у поэта 'толпа', *тарай* 'кумач' – у поэта 'лозунг' и т.д. (с. 78).

Поэт ввел в свои произведения большое количество неологизмов. Создавал их по продуктивным моделям родного языка. Диссертант отмечает, что многие неологизмы, созданные поэтом, в настоящее время вошли в активный словарь марийского языка.

В диссертации подробно рассмотрены способы образования неологизмов (с. 88–98).

Автор исследования отмечает: «В.Колумб одним из возможных способов обогащения лексики марийского языка на современном этапе считал новообразования 20–30-х годов прошлого столетия. Он хорошо понимал важность

данного процесса для литературного языка, правильно оценил необходимость их возвращения в язык» (с. 97).

В разделе «Диалектная лексика» отмечается, что в произведениях В.Колумба использовано множество диалектизмов, взятых почти из всех диалектов марийского языка. Поэт отдавал предпочтение такой диалектной лексике, которая несет в себе дополнительное значение, способствующее более точному выражению смысла сказанного.

Теоретическая часть диссертации завершается заключением, содержащим умело сформулированные выводы по двум главам.

Таким образом, Е.Л. Яндакова на богатом фактическом материале, извлеченном из поэтических произведений В.Колумба, показала лексическое и стилистическое богатство языка, своеобразие творчества поэта.

В целом диссертация написана на хорошем литературном языке. Однако на некоторые погрешности следует указать. После компьютерного набора отдельные места остались неисправленными: с. 10 (знак), 16 (знак), 28 (граммат.), 48, 50 (повтор), 70 (знак), 76 (стиль), 111 (согласов.), 143 (знак), 144 (пропуск слова), 148 (знак), 149 (согласов.), 155 (орфогр.).

Еще одно замечание. Творчество В.Колумба развивалось не на голом месте. Диссертант отмечает, что «В.Колумб черпал творческую энергию из сокровищницы народной мудрости, при этом опирался и на традиции своих предшественников» (с.10). Таким предшественником автор считает М.Шкетана. «Он [В.Колумб] был не только писателем, но и прекрасным знатоком родного языка, сделавшим очень много для развития лексического богатства литературного языка. Его можно сравнить в этом отношении лишь с М.Шкетаном» (с. 10). Однако, мне кажется, поэзию В.Колумба уместно сравнить с творчеством Олыка Ипая. У этих поэтов много общего. Олык Ипай – поэт-новатор 30-х годов, В.Колумб поэт-новатор 50–70-х годов прошлого столетия. Оба широко использовали лексические новообразования, окказионализмы, синонимические и антонимические средства, художественно-изобразительные приемы (неожиданные эпитеты, метафоры, повторы, сравнения). У обоих мы встречаем сходные поэтические образы. Например, у Олыка Ипая: *Куэ кид гыч вола шергаш улык,* ***Чарайолын кушта тӱнӧ йӱр*** (С берез падают вниз листья (букв.: кольца), На улице дождь пляшет босиком). У Колумба: ***Тӱнӧ йӱр чарайолын куржталеш,*** *Шырча-влак кыртмат кӱртньӧ вошгырышко* (На улице дождь бегает босиком, К проводам напрягаются капли).

Отмеченные в отзыве замечания не снижают общей положительной оценки диссертации.

Резюмируя вышеизложенное, можно с уверенностью констатировать, что Е.Л. Яндакова провела большую исследовательскую работу, на фактическом материале показала лексическое богатство, своеобразие поэтического творчества В.Колумба. По своему уровню и содержанию предлагаемые в диссертации положения не вызывают возражений. Конкретные наблюдения и выводы авто-

ра аргументированы, научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость диссертации несомненна. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в теоретической и описательной лексикологии, а также в вузовской практике преподавания курсов истории марийского литературного языка, его стилистики.

Диссертация Е.Л. Яндаковой «Лексико-стилистические особенности языка произведений В.Колумба» является законченной научно-исследовательской работой, содержащей добротный фактический материал и отличающейся научной новизной и обоснованностью выдвигаемых положений.

Елизар Мустаев
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 2

ХРОНИКА

ЧЕТВЕРТЫЙ ФИННО-УГОРСКИЙ СЪЕЗД

IV Съезд финно-угорских народов Российской Федерации прошел 24–26 сентября 2009 г. в столице Республики Мордовия – городе Саранске.

Съезд был организован Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» при содействии Министерства регионального развития Российской Федерации и Правительства Республики Мордовия. Съезд проходил в здании Мордовского государственного национального драматического театра.

По докладу мандатной комиссии следовало, что было избрано делегатов 157, на съезд прибыло 144 делегата из 32 субъектов Российской Федерации (Республик Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Чувашия, Удмуртия, Владимирской, Кировской, Ленинградской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Тверской, Тюменской, Уьяновской, Челябинской областей, Пермского края, в том числе Коми-Пермяцкого округа, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга).

В составе делегатов было равное количество женщин и мужчин, по возрастному составу больше всего было участников от 45 до 49 лет – 69 человек, от 30 до 44 лет – 39 человек, 60 лет и старше – 27 человек, до 30 лет – 9 человек.

В работе съезда принимали участие и выступили полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе Г.А. Рапота, заместитель министра регионального развития РФ М.А. Травников, Глава Республики Мордовия Н.И. Меркушкин, представители Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных органов и представители исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации.

В адрес IV съезда с приветствием обратились Президент Российской Федерации Д.А Медведев, Председатель Совета Федерации С.М. Миронов, Председатель Государственной Думы Б.В. Грызлов. В приветствии Президента РФ к делегатам съезда говорится «Это событие еще раз подчеркивает, что финно-

угорские народы в рамках Российской Федерации сохраняют и развивают свою культурную самобытность и являются полноправными членами векового братского союза народов России».

Выступая на пленарном заседании, Глава Республики Мордовия Н.Меркушкин о значении съезда сказал « …съезд станет большим шагом в развитии финно-угорской культуры. Как в масштабах республики, так и в масштабах всей страны Всероссийский съезд финно-угорских народов – это, в своем роде, историческое событие. Оно имеет огромное значение для культурного единства страны».

Свое приветствие направил также «Собор русского народа». В нем говорится: «…пусть этот съезд явится для вас очередным импульсом в работе во благо финно-угорских народов, дальнейшего укрепления дружбы со всеми народами, еще больше раскроет возможности национальных объединений России в деле утверждения могущества Великой России».

С приветственным словом обратилась Генеральный секретарь Общества «Финляндия-Россия» Мерья Ханнус.

В работе съезда приняли участие ученые Янош Пустаи, Энико Сий из Венгрии, а также представители Эстонии.

В соответствии с повесткой дня делегаты заслушали отчет о работе исполкома, избрали Совет ООД «АФУН», внесли ряд изменений в устав движения.

С отчетным докладом «О работе исполкома ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» по реализации решений III съезда финно-угорских народов и задачах на предстоящий период» выступил председатель исполкома Мосин Михаил Васильевич.

Обсуждение доклада и вопросы перспектив общественного движения делегатами рассматривались на пяти секционных заседаниях: «Общество и право», «Язык и образование», «Культура и СМИ», «Экология и здравоохранение», «Межрегиональные и международные этнокультурные связи». Всего в обсуждении доклада участвовал 71 человек, рекомендации которых были представлены в редакционную комиссию по выработке проекта Резолюции.

На завершающем пленарном заседании были заслушаны руководители секций, рассмотрены и утверждены изменения и дополнения в Устав ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации».

Устав был утвержден 21 июня 2002 г. на учредительной конференции.

В Уставе определены основные цели движения: «Защита и обеспечение прав финно-угорских народов Российской Федерации, содействие устойчивому социально-экономическому и этнокультурному развитию финно-угорских народов Российской Федерации. Руководящим органом ООД является Совет, который избирается на четыре года. Из состава Совета движения выбирается исполнительный орган – Президиум Совета. Местонахождение руководящих органов движения: Российская Федерация, г. Саранск».

Делегаты провели выборы в состав Совета и ревизионной комиссии ООД «АФУН». Председателем Совета и Председателем Президиума Совета избран Тултаев Петр Николаевич, министр культуры Республики Мордовия.

Съезд завершил свою работу принятием Резолюции.

В итоговом документе съезд констатировал, что за период, прошедший после III съезда, финно-угорское общественное движение России добилось в своем развитии определенных результатов, признанных на региональном и федеральном уровнях. «Совершенствовались организационные формы и методы работы национально-культурных общественных организаций. Идея возрождения, сохранения и развития традиционной культуры, расширения сферы функционирования родных языков …год от года охватывает все большую часть финно-угорского сообщества и в целом находит понимание и поддержку со стороны всех уровней власти Российской Федерации».

Делегаты съезда отметили и ряд проблем: снижение этнического идентитета в условиях современной урбанизации и глобализации, состояние дел в системе национального образования, непрекращающиеся попытки политизировать цели и задачи финно-угорских отношений с местной, региональной и федеральной властью. В связи с этим, делегаты считают необходимым разработку стратегии сохранения и развития этнической культуры, функционирования языков, укрепления этнической идентичности финно-угорских народов России. «Данная стратегия должна учитывать многонациональный характер Российской Федерации, необходимость укрепления общероссийской гражданской идентичности представителей финно-угорских народов, а также быть направленной на усиление конкурентоспособности финно-угорской молодежи в современном мире» – записано в Резолюции.

В сфере общества и права предполагается активизировать взаимодействие с Министерством регионального развития РФ, руководителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых проживают финно-угорские народы, содействовать в обеспечении достойного представительства финно-угорских народов в выборных органах власти и их участия в работе исполнительных органов власти на разных уровнях и общественных палатах, сохранения в бюджете финансирования на реализацию государственной национальной политики на уровне 2008 г. Совету АФУН поручается содействовать деятельности неправительственных организаций финно-угорских народов по защите прав в области сохранения и развития языков, культурного наследия, сохранения природных памятников этнической культуры, охраны окружающей среды.

В области языковых прав и образования ходатайствовать перед Правительством РФ, органами государственной власти субъектов Российской Федерации о реализации конституционных прав на создание условий для обучения и развития родного языка в федеральных государственных образовательных стандартах. Рекомендовать органам управления образования субъектов РФ разра-

ботать концепцию непрерывного языкового образования, преследующую цель развития в регионах сбалансированного двуязычия.

В области культуры и средств массовой информации активизировать деятельность по сохранению культурного наследия народов и национальных меньшинств, продолжить работу по созданию и развитию национально-культурных центров, домов дружбы в субъектах Российской Федерации. Совету АФУН поручено вести работу с государственными учреждениями и органами власти РФ, работу по развитию книгоиздательской деятельности, изданию учебника по истории и культуре финно-угорских народов, формированию интернет-банка радиотелепрограмм на родных языках, открытию общероссийской программы «Народы России», расширению информационного пространства, оказанию содействия возобновлению деятельности молодежной АФУН, признав разобщенность молодежного финно-угорского движения.

В области здравоохранения, демографии и защиты окружающей среды предлагается Министерству образования и Министерству здравоохранения и социального развития РФ провести исследование проблем здоровья финно-угорских народов, уделив особое внимание здоровью коренных и малочисленных народов, формировать кадровый потенциал сельского здравоохранения. Совету ООД «АФУН» поручается обратиться в Госкомитет РФ по статистике с предложением возобновить ежегодный статистический учет социально-экономических и демографических показателей для финно-угорских народов.

В области межрегиональных и международных этнокультурных связей Совету МАФУН необходимо обеспечить координацию организации и проведения на территории РФ общественно значимых межрегиональных и международных этнокультурных мероприятий, способствовать расширению и укреплению международных связей между финно-угорскими народами на принципах равноправия, партнерства в интересах дальнейшего развития российского гражданского общества.

Делегаты съезда приняли решение провести в г. Саранске Всероссийскую конференцию, посвященную анализу итогов деятельности АФУН РФ в сфере этнокультурного развития финно-угорских народов РФ в 2012 г.

Очередной V съезд планируется провести в Республике Марий Эл.

В дни съезда в Республике Мордовия для делегатов, наблюдателей и гостей была представлена обширная и разнообразная культурная программа. Состоялось открытие Всероссийской выставки-ярмарки народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов «Тев», в которой приняли участие 12 регионов России. Делегаты присутствовали на торжественном открытии хоккейного турнира среди юношеских команд Республик Мордовия, Карелия, Удмуртской Республики и Саратовской области на приз Главы Республики Мордовия. Делегаты съезда присутствовали на фестивале творческих коллективов финно-угорских народов «Радуга России», творческом показе-представлении национального костюма «Масторава». Для делегатов и гостей были организо-

ваны экскурсии по г. Саранск, посещение музеев, спортивных объектов, промышленных предприятий, поездки в Старошайговский и Кочкурсовский районы, где знакомились с работой национально-культурных центров, образовательных учреждений, агрофирмы. В Саранске в дни работы съезда 24 сентября состоялся первый аграрный форум Приволжского федерального округа «Устойчивое развитие сельских территорий: опыт ПФО».

Справка

I съезд состоялся 15–16 мая 1992 г. в городе Ижевск Республики Удмуртия. Приняты декларации «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства», «О языках финно-угорских народов Российской Федерации», резолюции «Об экологии и сохранении среды обитания», «О взаимодействии Ассоциации финно-угорских народов с международными организациями», утвержден Устав Ассоциации финно-угорских народов и определен статус финно-угорских народов Российской Федерации. Сформирован исполком, в состав которого были избраны по два представителя от региона: один – в качестве сопредседателя, второй – как член исполкома. Например, от Удмуртии сопредседателем исполкома избран Шишкин Михаил Иванович, председатель Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш», членом исполкома – Пономарев Карл Александрович.

II съезд состоялся 31 июля – 1 августа 1995 г. в г. Кудымкар Коми-Пермяцкого автономного округа. Принята резолюция «О проекте программы возрождения финно-угорских народов Российской Федерации», «Обращение к органам государственной власти, журналистским организациям и общественности финно-угорских регионов», «Обращение съезда к Президенту РФ, Правительству РФ, к главе администрации Ханты-Мансийского автономного округа по вопросу защиты малочисленных народов Севера в чековом инвестиционном фонде «Титул». Председателем исполкома избран Геннадий Петрович Савельев, заместитель главы администрации Коми-Пермяцкого автономного округа. В дальнейшем обязанности председателя выполнял Марков Валерий Петрович, заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми, председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов, председатель общественного движения «Коми войтыр».

III съезд прошел 13–15 октября 2005 г. в г. Москве. Председателем исполкома Ассоциации избран М.В. Мосин, профессор, председатель «Межрегионального общественного движения мордовского (мокша и эрзя) народа». В состав исполкома избраны представители семи финно-угорских субъектов РФ и представители регионов компактного проживания финно-угров.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 2

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА «МАРИЙ ВУРГЕМ ПАЙРЕМ УНАЛА ӸЖЕШ» («ПРАЗДНИК МАРИЙСКОГО КОСТЮМА ПРИГЛАШАЕТ В ГОСТИ») В ЙОШКАР-ОЛЕ

В соответствии с планом основных мероприятий в области культуры и искусства Государственного учреждения культуры Республики Марий Эл «Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности» в целях сохранения и возрождения народных традиций, материальной, духовной культуры народов Волго-Уральского региона, пропаганды национальных культур и популяризации творческих достижений народов в области национального костюма, в рамках реализации федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 гг.)» с 29 по 31 октября 2009 г. в ДК им. XXX-летия Победы г. Йошкар-Олы состоялся межрегиональный фестиваль национального костюма «Марий вургем пайрем унала ӱжеш» («Праздник марийского костюма приглашает в гости»).

В 2000 и 2001 годах были проведены республиканские фестивали «Праздник марийского костюма». В них принимали участие мастера – создатели народных костюмов, модельеры из различных районов РМЭ. 18–20 апреля 2002 года в Йошкар-Оле состоялся первый межрегиональный фестиваль-конкурс марийского костюма «Марий вургем пайрем унала ӱжеш». Конкурс-фестиваль стал незабываемым и радостным событием. В празднике примали участие гости из финно-угорских республик. Зрителям и участникам фестиваля были продемонстрированы народные и стилизованные костюмы хантов, манси, карел, мордвы, удмуртов, коми, татар, чувашей, русских. Положительный опыт проведения вышеназванных республиканских и межрегиональных фестивалей-конкурсов очень пригодился во время проведения первого Всероссийского фестиваля национального костюма. Он состоялся 17–20 апреля 2003 года в Йошкар-Оле по инициативе Министерства культуры Российской Федерации, Министерства культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, Государственного Российского Дома народного творчества, Республиканского центра народного творчества. Фестиваль явился знаменательным событием в культурной жизни республики. В рамках Всероссийского фестиваля проводились встречи гостей – участников конкурса с жителями нашей республики, состоялись выставки, семинары по проблемам национального костюма, проходил обмен творческим опытом.

Оргкомитет Всероссийского фестиваля национального костюма 2003 года принял решение проводить конкурс один раз в два года, и следующие два – 2-й и 3-й Всероссийские фестивали состоялись в Йошкар-Оле в 2005 и 2007 годах. Главными итогами трех Всероссийских фестивалей являются: рождение новых идей для разработки форм национального костюма не только женского, но и мужского, и детского; эстетическое воздействие как на участников, так и зрителей: повышение самосознания, развитие чувства уважения к культурному наследию своего народа; возросший спрос на современные модели и костюмы с национальной орнаментацией и текстильные сувенирные изделия.

Основную работу по организации и проведению фестиваля провел Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности. Большая помощь в демонстрации коллекций была оказана творческими коллективами и студентами Республиканского колледжа культуры и искусств им. И.С. Палантая, факультета культуры и искусств Марийского государственного университета.

В фестивале приняли участия 86 представителей из 11 регионов Российской Федерации: Республик Коми, Удмуртии, Татарстана, Чувашии, Марий Эл, Кировской, Вологодской, Владимирской, Самарской, Нижегородской областей и г. Пермь.

В заявленных номинациях «Историческая реконструкция (реплика этнографического костюма)», «Современный бытовой костюм», «Современный сценический костюм» приняли участие 39 мастеров и творческих коллективов. В межрегиональной выставке «Рукотворная кукла в национальном костюме», проходившей в рамках фестиваля, приняли участие 47 авторов. На этой межрегиональной выставке Республику Марий Эл представляли 18 мастеров.

Республику Марий Эл на межрегиональном фестивале национального костюма представляли 23 мастера и творческие коллективы из Горномарийского, Сернурского, Моркинского, Звениговского, Медведевского, Советского, Куженерского, Оршанского районов, городов Волжска и Йошкар-Олы.

В рамках мероприятия состоялись: церемония открытия фестиваля; шоу-представление с показом коллекций костюмов и с выступлением лучших коллективов и солистов республики; два мастер-класса; пресс-конференция на тему «Проблемы развития национального костюма в регионах РФ» и др. В рамках мероприятия прошло творческое обсуждение экспертного совета с ведущими мастерами национального костюма, на котором был сделан полный анализ всех работ, представленных на фестивале. Заключительный гала-концерт фестиваля был организован на высоком художественном уровне с включением показов лучших коллекций костюмов и выступлением приглашенных коллективов и солистов республики. Участники фестиваля были награждены дипломами и ценными подарками.

Итоги фестиваля показали, что национальный костюм и рукотворная кукла являются развивающимися направлениями декоративно-прикладного творче-

ства республики. Народные мастера и творческие коллективы уделяют внимание не только качеству работ, но и находятся в постоянном исследовательском и творческом поиске. В ходе фестиваля были выявлены новые имена, показавшие достаточно интересные работы.

Межрегиональный фестиваль национального костюма «Марий вургем пайрем унала ӱжеш» получил достойную оценку экспертного совета. Он способствует сохранению и развитию самобытного костюма, обмену опытом работы, выявлению новых художественных процессов в сфере изготовления и бытования современного национального костюма и рукотворной куклы.

Участникам фестиваля была предложена культурная программа: экскурсия по достопримечательностям города с посещением Национального музея РМЭ им. Т.Евсеева, вечер знакомств «Дружба не знает границ».

Данное мероприятие было освещено в местных средствах массовой информации. Выпущены информационные блоки в передачах ВГТРК «Марий Эл», телекомпании «Регион 12», «Марий Эл ТВ», вышли статьи в республиканских газетах. Информация о фестивале была также размещена в Интернете.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 2

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Востриков Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Гаранин Леонид Ананьевич – Заместитель Главы Правительства Республики Марий Эл, кандидат педагогических наук

Гришкина Маргарита Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник УИИЯЛ УрО РАН

Данилко Елена Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института антропологии и этнологии РАН

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка МарГУ

Ипакова Марина Тимирьяновна – научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Козлова Елена Васильевна – председатель правления Союза писателей Республики Коми

Колчева Эльвира Мазитовна – кандидат искусствоведения, доцент МарГУ

Кувшинская Людмила Анатольевна – искусствовед, член СХ России

Лисовская Галина Константиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Москвина Лидия Петровна – кандидат исторических наук, доцент Института образования РМЭ

Мустаев Елизар Николаевич – кандидат филологических наук, профессор МарГУ

Ракин Николай Анатольевич – аспирант Тартуского университета

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН РТ

Садиков Ранус Рафикович – кандидат исторических наук, докторант ИЭИ УНЦ РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А. Кастрена по РМЭ

Тараканов Иван Васильевич – доктор филологических наук, профессор УдГУ

Шкляев Александр Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики УдГУ

Яруткина Фаина Сергеевна – директор Научно-методического центра профессионального образования РМЭ, кандидат педагогических наук

CONTENTS

ARTICLES

Garanin L.A., Yarutkina F.S. Innovative processes in vocational training of Finno-Ugric regions of Russia 3

Danilko E.S. «Propensity to split»: distribution history of old ceremonialism among Mordovians 22

Sadikov R.R. Udmurts-«pagans»: formation history, moving and a modern condition of ethno-confessional group (18 – the beginning of 21 century) 35

Lisovskaya G.K. Genre stylistics of V.Savin's creativity is in a context of an epoch and the literary tradition 54

REPORTES

Ipakova M.T. The history of studying somatic vocabulary in Finno-Ugric languages. 62

Rakin N.A. About some Finno-Ugric translations of «Kalevala» 69

Kolcheva E.M. Juri Tanygin: «The Child of the nature boundless» 76

Kuvshinskaya L.A. From the history of creation of a museum in Kozmodemyansk. 85

Grishkina M. V, Shklyayev A.G. «Tangyra»: the new version of the Udmurt epos 97

PERSONS

Kozlova E.V. To the 170th anniversary of Ivan Kuratov 102

Galkin I.S. To the F.I.Gordeyev's 80th anniversary 105

Ivanov I.G. E.N.Mustayev is 75 108

SURVEYS AND REVIEWS

Galkin I.S. Rev.: Lipatov A.T., Zhuravlyov S.A. Regional dictionary of Russian substandard vocabulary. – M., 2009. – 288 111

Moskvina L.P. Rev.: Sanukov K.N.Valerian Mikhailovich Vasilyev: a life and activity essay. – Yoshkar-Ola: Republican scientifically-methodical centre of national creativity and cultural-life activity, 2007. – 172 pp., ill. 116

Rudenko K.A. Rev.: Nikitin V.V. An archaeological map of Republic Mari El. – Yoshkar-Ola, 2009. – 416 pp., ill. 119

Vostrikov. V.G. Rev.: You are in my heart forever... Yoshkar-Ola is 425. – Yoshkar-Ola, 2009. – 263 pp., ill. 125

Tarakanov I.V. Rev.: Fedyunyova G.V. Primary pronouns and their derivatives in the Perm languages. Thesis submitted for Degree of Doctor of Philology. – Saransk, 2009. – 299 pp. 128

Mustayev E.N. Yandakova E.L. Lexical and stylistic peculiarities of language of V.Columbus's works. Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. – Yoshkar-Ola, 2009. – 171 pp. 135

CHRONICLE

Sadovin I.G. The fourth Finno-Ugric congress 141

Molotova T.L. Regional festival of a national suit «Mari suit invites you» in Yoshkar-Ola 146

Information about the authors 149

«Финно-угроведение», 2009, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360
Выдано Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефоны: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Подписано в печать 22.12.2009. Формат 70×100/16.
Усл.п.л. 12, 26. Тираж 300 экз. Заказ № .292
Цена свободная

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Виста-Принт»
г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, д. 30, офис 6